

С. С. Тюрин

**ОБРАЗ ГОРОДА ВЕРНОГО (АЛМАТЫ)
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛАХ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
В РОССИИ (1854–1917 ГГ.)**

С. С. Тюрин

**ОБРАЗ ГОРОДА ВЕРНОГО (АЛМАТЫ)
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛАХ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ В РОССИИ (1854-1917 гг.)**

Монография

Чебоксары
Издательский дом «Среда»
2021

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)
Т98

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор, доцент
ФГБОУ ВО «Мордовский государственный
педагогический институт им. М.Е. Евсевьева»
Наталья Александровна Милёшина;
канд. ист. наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин
Вологодского института права и экономики ФСИН России
Александр Рудольфович Павлушков

Тюрин С. С.
**Т98 Образ города Верного (Алматы) в дореволюционных
журналах исторической тематики в России (1854–1917 гг.) :**
монография / С. С. Тюрин. – Чебоксары: ИД «Среда»,
2021. – 124 с.

ISBN 978-5-907411-17-3

Военное укрепление Верное, основанное в середине XIX в. на юго-восточных окраинах Российской империи, располагалось вдали от центра государства с его бурной политической и общественной жизнью. Одновременно с этим в середине XIX в. в России возникает огромный интерес к отечественной истории, мемуаристике, внутренней политике и общественным наукам в целом, что влечет за собой появление невиданного до той поры количества периодических изданий соответствующей тематики.

В настоящей работе исследуются упоминания о городе / укреплении Верном в «Отечественных записках», «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Русском вестнике», «Русской старине», «Русской мысли», «Ниве» и ряде иных изданий. Выявленные в ходе исследования статьи и заметки, посвященные г. Верному, позволяют получить представление о том, чем именно запомнился город путешественникам, как они его увидели, какие конкретно сведения о нём нашли отражение в исторических и общественно-политических журналах, выходящих между 1854 и 1917 гг. в Москве и Петербурге. Список использованных источников, приведенный в конце настоящей работы, представляет собой библиографию упоминаний о г. Верном в указанных журналах. В этой связи материалы настоящей работы могут быть использованы при освоении учебных интегрированных спецкурсов «Краеведение», «Алматыведение» в рамках предмета «История Казахстана».

ISBN 978-5-907411-17-3
DOI 10.31483/a-10273

© Тюрин С. С., 2021
© ИД «Среда», оформление, 2021

Содержание

Введение	4
Характеристика источников	7
Север и юг: преимущества Средней Азии в сравнении с Сибирью....	19
Проблема строительства железной дороги из Центра России в Среднюю Азию	30
Причины возведения укрепления Верное	33
Описания города Верного до 1917 г.....	43
Экономика и торговля в городе Верном.....	49
Версии о происхождении топонима «Алматы» и доистория города....	55
Топоним «Алматы» за пределами Семиречья	62
Горы: красота, мощь и недоступность	65
Военные церемонии и военная культура в городе	70
Землетрясения	73
Вопросы права на земельные участки	81
«Криминальная хроника». Отношение русских к местному населению	82
Город Верный во взаимоотношениях России с Китаем на среднеазиатской арене.....	99
Заключение	107
Список использованных источников	112

Введение

Укрепление Верное, место для строительства которого было выбрано в конце июля – начале августа 1853 г., но официально заложенное 4 февраля 1854 г., явилось одной из передовых военных ставок русского правительства на территории Средней Азии и декларировалось в качестве «главного пункта русских поселений в Заилийском крае» [68, с. 4]. Укрепление было призвано обозначить и утвердить власть Российской империи в регионе не только путем демонстрации военной мощи (в основном перед Кокандским ханством, а также перед Китаем, чья граница проходила в достаточной близости от укрепления), но и заложением основы наполнения Заилийского края гражданским населением.

За счет притока населения развивалось сельское хозяйство, производство и торговля, поскольку один лишь военный гарнизон, полностью зависящий от государственного довольствия, был не в состоянии развить экономику. Приток гражданского населения способствовал формированию на данной территории устойчивого экономического механизма, под которым принято понимать совокупность взаимодействия субъектов, занимающихся рациональным хозяйствованием и создающих устойчивые закономерности в сфере производства, распределения, обмена и потребления [11, с. 42]. Этот экономический механизм обусловил возникновение того, что принято называть «город» в понимании немецкого социолога, философа и экономиста М. Вебера. «О «городе» в экономическом смысле, – писал указанный автор, – можно говорить лишь там, где местное население удовлетворяет экономически существенную часть своих повседневных потребностей на местном рынке, причем в значительной части продуктами, произведенными или каким-либо образом приобретенными местным населением и населением ближайшей округи для сбыта на рынке. Каждый город в указанном здесь смысле есть «рыночное поселение», то есть имеет в качестве экономического центра поселения местный рынок... на котором, конечно, сами горожане совершают обмен произведенными продуктами и удовлетворяют свои хозяйственные потребности» [13, с. 11].

Что он знал об этом городе (укреплении) рядовой российский житель, проживавший на западе – в Москве и Петербурге, где была сосредоточена деловая и интеллектуальная активность? Какими знаниями обладал читатель об обширной области, получившей в литературе устойчивое терминологическое обозначение «среднеазиатские владения России» [101, с. 941; 65, с. 239] и стратегически важном городе в пределах указанных владений? Знания эти были

крайне недостаточными, что следует из самих статей, подвергнутых источниковедческому анализу в рамках настоящей работы. Так, в 1870 г. государственный служащий по фамилии Д.М. Долго-руков называл Среднюю Азию, куда он был откомандирован, «отдаленным и неизвестным краем», в котором, однако, имеются «скромные деятели, которые много работали русскому делу в этом месте» [35, с. 310]. Под скромными деятелями автор имеет в виду прежде всего талантливых военных – М.Г. Черняева и Г.А. Колпаковского, которые, помимо прочего, сочетали в себе функции выдающихся административных организаторов, способствовавших развитию гражданской (общественной) жизни.

Вплоть до Октябрьской революции 1917 г. характеристика края как «дикого и неизведанного» неоднократно встречена нами в периодических журналах исторической и общественно-политической тематики. Так, в 1859–1864 гг. состоялась длительная экспедиция в Тянь-Шань геодезиста и географа, подполковника Корпуса военных топографов А.Ф. Голубева. В 1859 г. он организовал в Верном первую в регионе метеорологическую станцию. Впоследствии экспедиция и роль в ней указанного географа характеризовалась так: «А.Ф. Голубев своими открытиями и исследованиями положил начало знакомства европейских географов с теми местностями далекой Средней Азии и глухого Тянь-Шаня, о которых до тех пор знали из фантастических китайских источников, как о сказочной стране. Русские исследования в этих странах начались только с того времени, когда г. Верный окончательно стал русским укреплением» [38, с. 109–110]. Таким образом, лишь с возникновением в Семиречье укрепления Верного появилась практика широкомасштабного географического, геологического, ботанического, сельскохозяйственного и т.д. исследований края.

Для широкой российской общественности Заилийский край и Семиреченская область даже в первом десятилетии XX в. всё ещё оставались тёмным пятном на огромной карте России. Так, в 1911 г. в популярном журнале «Нива» была опубликована заметка о семиреченском землетрясении, случившемся 22 декабря 1910 г. Автор небольшой публикации справедливо сетовал: «Верный возник в 1853 году по занятии нами Заилийского края... С учреждением туркестанского военного округа и с образованием Семиреченской области, Верный стал городом и административным центром данной области, – такой обширной и богатой и так малоизвестной у нас...» [42, с. 98]. Именно «благодаря» землетрясению, многие читатели «Нивы» по-настоящему узнали о существовании полноценного города, которому на тот момент исполнилось более

55 лет. Вплоть до этого события город не привлекал к себе особого внимания редакции журнала.

Заилийский край располагался «далеко», «где-то на юго-востоке», в то время как жители России были обеспокоены более важными событиями, происходившими на западе. Так, 4 января 1854 года объединённый флот Англии и Франции вошёл в Чёрное море, а уже 21 февраля этого же года Россия объявила войну обоим этим странам. 27 марта этого же года началась Крымская (или Восточная) война, продолжавшаяся до конца марта 1856 г. В дальнейшем Россия была озабочена иными военными конфликтами и событиями в Европе, на которые была так богата вторая половина XIX века. Население, как показалось бы на первый взгляд, было отвлечено от событий на юго-востоке своей страны.

«Туркестанские ведомости», «Семиреченские областные ведомости» и прочие периодические издания (газеты, журналы, сборники), выходившие в среднеазиатских владениях России, не доходили в нужном количестве до западных окраин Российской империи. В Москве и Петербурге об этих местных изданиях практически никто не знал. Выдающийся в своем роде «Туркестанский сборник сочинений и статей, относящихся до Средней Азии вообще и Туркестанскому краю в особенности» (более знакомый в своём кратком наименовании как «Туркестанский сборник»), выходивший в Санкт-Петербурге с 1867 по 1887 г., был вообще известен лишь небольшому кругу специалистов.

Среди источников информации, доступных рядовому российскому читателю, в достаточной степени владеющему грамотой, значительное место (помимо газет) отводилось именно периодическим изданиям исторической, литературной и общественно-политической направленности, появление которых в XIX в. носило взрывной характер. В этой связи интересно проследить, как в хронологическом порядке возникали те или иные публикации в такого рода изданиях, в которых упоминалось укрепление Верное. Это укрепление сравнительно быстро (уже 11 апреля 1867 г.) стало городом благодаря быстрому притоку населения и формированию того, что принято называть «экономическим механизмом». Город предполагалось сделать экономическим и культурным центром Семиреченской области, каковым он и стал на самом деле, превратившись со временем в крупнейший мегаполис Средней Азии.

ХАРАКТЕРИСТИКА ИСТОЧНИКОВ

Среди периодических изданий исторической и общественно-политической направленности, рассчитанной на массового читателя, подвергнутой изучению в рамках настоящей работы, выделим:

«Исторический вестник». Представляет собой наиболее объемное издание (от 500 до 1400 страниц), выходившее в Санкт-Петербурге с 1880 по 1917 год. Цель издания была провозглашена в его первом номере, а именно: «знакомить читателей в живой, общедоступной форме, с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе». Преследуя данную цель, редакторы-составители посчитали нужным включить в состав издания «не одни только русские, но и иностранные (в дословном переводе, или извлечении) исторические сочинения, монографии, романы, повести, очерки, рассказы, мемуары, воспоминания, путешествия, биографии замечательных деятелей на всех поприщах, описания нравов, обычаев и т. п., библиографии произведений русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, исторические материалы и документы, имеющие общий интерес» [67, с. 905]. Благодаря такой направленности в журнале действительно публиковались, как и было обещано, «мемуары, воспоминания, путешествия», в которых можно встретить упоминания о молодом городе Верном;

«Русский вестник» (издавался с 1856 по 1906 год в Москве и в Петербурге), в котором упоминания города Верного появляются с 1870 г. Так, в указанном году выходит обстоятельная статья А.Г. Ротчева «Очерки торговли Семиреченской области в 1868–1869 гг.», в которой приводятся ценные сведения об экономике не только Верного, но и окружающих поселений – Мало-Алматинской станицы, выселка Надеждинского (г. Иссык), выселка Любовного (г. Каскелен) и станицы Софийской (г. Талгар). Данные о количестве лавок, питейных заведений, бирж, фотосалонов, часовых мастерских и т.д. были получены в ходе первой в своем роде (1869 г.) «генеральной поверки торговли и промышленных заведений» [78, с. 407–428]. В январе 1871 г. в журнале выходит мемуарная статья Д.М. Долгорукова «Пять недель в Кокане», в которой автор детально описывает битву при Узун-Агаче и отмечает исклю-

чительный военный талант коменданта г. Верного Г.А. Колпаковского [35, с. 309–311]. После 1870 г. сведения о городе присутствуют в «Русском вестнике» с поразительной частотой;

«Русский архив». Среди всех историко-литературных журналов выделяется стабильным выходом в свет новых номеров – по 1 выпуску в месяц с 1863 по 1917 год. В журнале публиковались документы, воспоминания и литературно-художественные сочинения «о былом». Долгое время создателем, вдохновителем и редактором журнала был П.И. Бартенев, известный не только как литературовед и основатель «пушкиноведения», но прежде всего как историк, библиотечарь и археограф. В журнале, за которым закрепилось неофициальное название «живая картина былого», публиковались, помимо прочего, воспоминания тех, кто был в Туркестанском крае и собственными глазами видел город Верный;

«Русская мысль» известен как один из наиболее авторитетных и популярных общественно-политических журналов (издавался в Москве с 1880 по 1918 г.). В нём значительно место отводилось статьям о внешней и внутренней политике. В частности, в 1880 г. выходит статья автора «Влад-ова»¹, посвященная вынужденному вторжению русских в Кульджу и проблемам её возвращения Китаю. Указывалось на тот факт, что часть переговоров проходила в г. Верном, хотя китайский уполномоченный и русские военные на тот момент ни к чему так и не пришли [17, с. 74–100]. В 1893 г. появляется заметка о нашествии в дело, связанном с оскорблением в печати помощника Семиреченского военного губернатора Н.А. Аристова. Дело дошло до слушания в Петербурге и закончилось для редактора журнала незначительным наказанием, а для самого Н.А. Аристова, ставшего инициатором разбирательства, – отставкой [19, с. 197–199]. В 1899 г. публикуется объёмная аналитическая статья М.И. Венюкова, посвященная проблемам Туркестанского края. Значительное место в работе отводилось обоснованию необходимости строительства железной дороги на Ташкент с заходом ветки в г. Верный [15, с. 138–151]. Спустя три года (в 1902 г.) публикуется не менее интересная и широкая по охвату статья И.В. Аничкова «Упадок народного хозяйства в киргизских степях», где затрагивались те же самые вопросы [5, с. 50–73].

¹ Так в источнике.

В четырех указанных журналах сведения о городе встречаются чаще всего. Большое количество иных изданий исторической и общественно-политической тематики, выходивших в России, практически не упоминали Верный, либо упоминания были редкими и случайными. Так, в **«Чтениях в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете»** (издавались в Москве в 1846–1908 гг.) появилась статья Г. Потанина «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии». В ней автор на основе изученных им архивных материалов предположил, что развалины «в Алматах» могли являться заброшенными и не используемыми зимовками кочевников XVII в. [76, с. 22].

В еженедельном журнале **«Нива»** (издавался в Санкт-Петербурге с 1869 по 1918 г.) было уделено пристальное внимание крупному землетрясению, случившемуся в Верном и Семиреченской области 22 декабря 1910 г. В иных случаях город Верный упоминался в журнале «Нива» лишь мельком, в контексте биографических сведений о видных военных чинах Российской империи по случаю «юбилеев их служебной деятельности» или при описании опять-таки военных успехов и завоеваний России в Средней Азии. При этом журнал «Нива» благодаря своей дешевизне (в среднем 25 копеек за номер) стал наиболее массовым и доступным с точки зрения выпускаемого объема (тиража).

Ежемесячник **«Северный вестник»** (издавался в Санкт-Петербурге с 1885 по 1898 г.), декларирующий себя в качестве «журнала литературно-научного и политического», содержит ряд статей, посвященных переселению в Среднюю Азию. Город Верный упоминается в них лишь мельком, исключительно в контексте оседания переселенцев. В похожих друг на друга статьях А. Леонтьева «Русская колонизация в степях Средней Азии» (1889 г.) [55] и И. Гейера «Переселенцы в Туркестане» (1893 г.) [25] подробно исследуются итоги переселения, декларируются невиданные успехи в росте благосостояния подданных Российской империи, которые поменяли жизненный уклад, отправившись на юг. Не обошлось, правда, и без фактологических ошибок. А. Леонтьев, к примеру, полагал: датой основания г. Верного является 1847 г., хотя в подав-

ляющем большинстве других источников, вышедших ранее, правильно указывался 1853 г. (дата выбора местности) и 1854 г. (дата официального основания).

В журнале **«Отечественные записки»** (выходил в Санкт-Петербурге с 1818 по 1831 г., с 1838 по 1884 г.), невзирая на его исключительно крупный объем и продолжительность выхода в свет новых номеров, г. Верный, как и Семиречье, упоминался нечасто, хотя вопросам переселения на восток и юго-восток как социально-экономическому феномену был посвящен целый ряд статей.

Так, Г.В. Колмогоров в статье «Собственность и община» (1858 г.) предлагал использовать киргизские степи и Семиречье как плацдарм для наделения людей собственной землей, называя эти земли «нашей Францией и Италией» [50, с. 75–76]. Среди публикаций, относящихся к анализу экспансии России на юго-восток, стоит выделить остросоциальную статью Н.А. Демерта «Почему у нас в лесистых местностях в дровах нуждаются» (1870 г.), в которой обличалась исключительная бедность значительной части населения России, вынуждающая искать лучшую жизнь на вновь присоединенных территориях. Причем эти поиски были сопряжены с колоссальными трудностями [34, с. 182–183]. Н. Ядринцев в статье «Судьба русских переселений за Урал» (1879 г.), опубликованной в этом же журнале, обвинял государство в полном отсутствии поддержки людям, решившим осваивать новые территории. Указывалось, что за рубежом, в отличие от России, имелись специальные государственные учреждения, занятые вопросами переселенцев и содействием в освоении ими новых земель [103, с. 160].

Журнал «Отечественные записки» отличался свободомыслием и почти не завуалированной критикой в отношении действующей власти, в результате чего был закрыт в 1884 г. по личному распоряжению Е. Феофистова – бывшего сотрудника журнала, ставшего впоследствии главным цензором России.

Что касается собственно сведений о г. Верном на страницах «Отечественных записок», то в 1867 г. в журнале была опубликована пространная рецензия на первый номер «Записок императорского русского географического общества (по общей географии)», в котором содержались общие сведения об основании г. Верного. Из первых строк этой рецензии читатель мог узнать, что «занятая оседлым населением часть Средней Азии остается до сих пор мало-

известной страной». Эта публикация явилась первой в журнале, когда приводились конкретные сообщения о существовании города. В рецензии обращалось внимание на дикость местного населения и крайнюю опасность путешествий в эти места на конкретных примерах. Из статьи читатель узнавал, что «недавно приезжавшие туда для закупки шелковичных семян итальянцы были посажены в тюрьму, и даже официальные лица, являвшиеся к среднеазиатским ханам для дипломатических переговоров, рисковали быть брошенными в клоповник».

Край был назван «замкнутым для европейцев», хотя о нём приводились довольно подробные географические сведения, добытые русскими путешественниками. Подчеркивались достоинства неосвоенных пустынных земель Средней Азии, указывалось на наличие в них полезных ископаемых, возможностей для выращивания хлопка и т.д. Делалась ставка на русские войска, которые должны были принести в край закон и порядок, защитив его от китайцев и кокандцев. Обращалось внимание на тот факт, что в зарубежных изданиях высказывались опасения по поводу русского влияния в Средней Азии. В Англии публиковались предупреждения об устрашающих (в будущем) завоеваниях России, «грозящих серьёзной опасностью господству англичан в Ост-Индии» [39, с. 83–84]. Риторика подобного типа, связанная с *«русской угрозой» английской колонии* под названием «Британская Индия» (1858–1947 гг.), звучала со страниц значительного числа зарубежных газет и журналов вплоть до обретения этой колонией независимости.

В журнале **«Вестник Европы»** (с 1802 по 1830 г. издавался в Москве, с 1866 по 1918 г. – в Санкт-Петербурге) обращает на себя внимание статья С. Марусина «В степях и предгорьях Алтая» (1895 г.). В ней автор анализирует состав переселенцев, их жизнь, быт, удачи и неудачи в новых местах, а также характеризует особый тип переселенцев – «шатунов», вечно стремящихся к перемещению с одного места в другое. Признаки «шатуна», о котором автор отзывается весьма нелицеприятно, соответствуют современному пониманию предпринимателя, пробующего себя на разных поприщах. Задаваясь вопросом о причинах массового переселения людей в Сибирь, С. Марусин сам же и даёт на него ответ: «Клок земли, обработка которого дала бы возможность простого физиче-

ского существования самому и детям, без необходимости медленно, день за днем, умирать и видеть столь же медленное умирание близких – вот всё, о чем смеет мечтать, как о недостижимом, несбыточном счастье, переселенец, направляясь в Сибирь с риском погибнуть» [57, с. 325]. На основе личных наблюдений автора на пограничье севера и юга в статье отмечаются климатические трудности Сибири и крайне выгодная в этом плане Средняя Азия.

В «Вестнике Европы» приводились сведения о наличии золота «в окрестностях города Верного» [7, с. 153], что не нашло в дальнейшем своего прямого подтверждения. Статья Е.И. Барановского «Золотопромышленность в Восточной Сибири» была написана в Мюнхене в 1890-х гг. Данные о золоте на местности в Средней Азии не собирались и были основаны на доступных автору публикациях. Промышленная разработка достаточно бедных залежей этого благородного металла на месторождениях Алматинской области (довольно далеко от Алматы) вплоть до настоящего времени экономически слабо обоснована. Однако слух о наличии золота в Средней Азии, помимо прочего, мог оказать влияние на формирование у переселенцев интереса к неосвоенной земле.

С 1874 г. в «Вестнике Европы» приводятся «материалы для журнальной статистики». По сведениям, сообщенным редакцией, в 1874 г. экземпляры журнала распределялись по месту подписки так: на всю Семиреченскую область, в которой проживало 543 000 жителей, было отправлено 10 экземпляров журнала. Из них в Верный – 4 экз., Лепсы – 2, Капал – 1, Токмак – 1, Каракал – 1. Для сравнения: в Санкт-Петербурге в 1874 г. был реализовано 1505 экз., в Москве – 418, за границей России – 118 [97, с. 941]. В последующие годы ситуация с реализацией Вестника Европы обострялась не лучшим образом. Цифра в 10 экземпляров на всю Семиреченскую область вплоть до закрытия журнала в 1918 г. никогда не была даже удвоена.

В журнале «Русская старина» (издавался в Санкт-Петербурге в 1870–1918 гг.) г. Верный упоминается эпизодически. Определенный интерес представляют воспоминания А.И. Макшеева о церемониях встречи генерал-губернатора К.П. Кауфмана в г. Верном. Помимо этого в самой «Русской старине», как и в указанном выше «Вестнике Европы», приводятся любопытные сведения, касающиеся интереса к журналу со стороны подписчиков в зависимости от

географии их проживания. Опубликованные данные позволяют определить востребованность периодических изданий в целом, возможность их реализации за пределами Москвы и Петербурга, о конкретных объемах высылки журнала в г. Верный и другие удаленные местности.

Так, в 1874 г. экземпляры журнала распределились по месту подписки следующим образом: в г. Верный было отослано 8 экз., в г. Капал – 1, в г. Кульджу – 2, в Урджар – 1. То есть на всю Семиреченскую область, в которой проживало 539 530 жителей, пришлось всего 11 читателей по подписке. Не лучшим образом обстояло дело и в соседней Семипалатинской области. Из числа проживающего в ней населения в количестве 510 063 жителей подпиской заинтересовались не более 11 человек (в Семипалатинск было отправлено 3 экз., в Бахтарму – 1, на Зайсанский пост – 1, в Каркарал – 1, в Павлодар – 2, в Усть-Каменогорск – 3. Для сравнения: в Санкт-Петербурге только по подписке в 1874 г. было распространено 1000 экз. журнала, через книжные магазины дополнительно реализовано 200 экз., без доставки подписчикам – ещё 118 [58, с. 810–811]).

В дальнейшем редакция «Русской старины» продолжила публикацию ежегодной статистики распространения журнала, которая не подверглась значительным изменениям, если вести речь о Средней Азии. Ситуация в точности повторяла ту, которая складывалась с реализацией «Вестника Европы» в Средней Азии. Отдаленность г. Верного и новых владений России от Москвы и Петербурга обуславливали отсутствие взаимного интереса как у читателей к журналам (не все жители удаленных районов знали о существовании «Русской старины» или «Вестника Европы»), так и редакции журналов к этим самым владениям (г. Верный и его окрестности располагались слишком далеко от центра России). Вдобавок к этому коренное население среднеазиатских владений и значительная часть русских переселенцев являлись неграмотными, а коренные этносы вообще не владели русским языком. Всё это в дополнительной степени исключало возможность пользования данными журналами.

Невзирая на низкий уровень грамотности населения (в связи с развитием народного образования уровень грамотности неуклонно возрастал), а также недостаточное снабжение региона московскими и питерскими периодическими журналами исторической и

общественно-политической тематики, нельзя вести речь о полной оторванности региона от центра. Со временем расширялись и множились как экономические, так и культурные связи между Семиреченской областью и столицей империи. Причём эти связи были весьма неожиданными. Так, в «Русском архиве» за 1916 г. сообщалось: крестьяне сельского Степановского общества Семиреченской области собрали «ссыпную хлеб-пшеницу» (зерно), продали его с аукционного торга на 8 рублей 2 копейки и пожертвовали эту сумму на сооружение в Москве памятника Светлейшему Князю М.И. Кутузову-Смоленскому [98, с. 351].

Не выявлены значимые или заметные упоминания о г. Верном и его окрестностях в периодических журналах и сборниках **«Голос минувшего»** (издавался в Москве в 1913–1923 гг.), **«Сборник Императорского русского исторического общества»** (издавался в Санкт-Петербурге в 1867–1916 гг.), **«Временник императорского Московского общества истории и древностей Российских»** (издавался в Москве в 1849–1857 гг.), **«Русская историческая библиотека»** (издавался в Санкт-Петербурге в 1872–1927 гг.), **«Старина и новизна»** (издавался в Санкт-Петербурге и Москве в 1897–1917 гг.), **«Киевская старина»** (издавался в Киеве в 1882–1907 гг.).

Редакторы перечисленных журналов, несмотря на значительный объем публикаций по военной истории России, по большей части обходили стороной её среднеазиатские владения, заостряя внимание на иных волнующих общество вопросах. В их числе – литература (современная и бывшая) и история литературы, философия и история философии, религия и история религии, архивные материалы, письма, дневники, мемуары, документы, касающиеся международной политики с участием Российского государства, и многое другое.

Особое место среди источников о г. Верном занимают специализированные журналы, в частности издания, отражающие церковную жизнь, военную службу, законодательство, судебную практику, народное образование и т.д. В числе последних можно выделить **«Журнал Министерства народного просвещения»** (издавался в Санкт-Петербурге с 1834 по 1917 г.). В нём регулярно помещались заметки о развитии образования во всех частях обширной Российской империи, в том числе в Семиреченской области и г. Верном. Так, в 137 томе журнала, вышедшем в 1868 г., в форме

изложения сведений, напечатанных в «Русском инвалиде», речь шла о плачевном состоянии уровня образования во всем Семиречье: «дело народного образования совершенно заброшено в этом крае». Конкретными местами учреждения школ в области должны были служить центры русских поселений – станицы. Что касается г. Верного, то читателю сообщалось: в город вскоре (после 1868 г.) придут служащие и должностные лица, что должно повлечь за собой устройство нескольких приходских школ, а впоследствии и «учреждения областного училища или прогимназии» [62, с. 60].

Спустя десять лет в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1879 г. отмечались значительные успехи в развитии образования в крае. Констатировались огромные расстояния (тысячи и тысячи вёрст), которые было не под силу преодолеть, например, инспектору школ. И всё же по состоянию на октябрь–ноябрь 1878 г. «в училищах Семиреченской области, по распоряжению местной администрации, *de facto* практиковалось обязательное обучение, так как все дети казаков до 17-летнего возраста обязательно должны посещать школы, и школы семиреченские действительно переполнены учащимися». Невзирая на успехи, отмечался сравнительно малый процент обучающихся девочек, «потому что вопрос о девочках еще не везде сознан местными казачьими обществами: в городах и более состоятельных станицах и выселках девочки учатся в школе, в пунктах же с более бедным населением они школу не посещают». Предлагалось устранить последнее обстоятельство путем строительства новых зданий и расширения существующих с тем, чтобы теснота не вызывала неприязнь к учёбе со стороны самих детей [44, с. 54–76].

Из этой же статьи читатель мог узнать характеристику множества отдельных школ в г. Верном и его окрестностях. В частности, в статье детально описывались: верненское мужское городское двухклассное городское училище, верненское женское приходское училище, капальское городское двухклассное училище, капальское женское приходское училище, капальский пансион для киргизских детей, начальная школа в выселке Любовном, начальная школа в Мало-Алматинской станице, начальная школа в Илийском выселке, начальная школа в выселке Карабулакском, начальная школа для мальчиков в Сарканской станице, начальная Ксениевская школа для

девочек в Сарканской станице, начальная школа для мальчиков в Софийской станице, начальная школа для девочек в Софийской станице, начальная школа для мальчиков в выселке Надеждинском и начальная школа в выселке Арасанском [44, с. 76].

Несмотря на значимость помещаемой в специализированных журналах информации, она осталась за границами настоящего исследования. Анализируя узконаправленные (профессиональные) журналы, можно получить расширенное представление о том, какие ключевые вопросы развития г. Верного и Семиреченской области находили в них отражение (военная служба, церковная жизнь, законодательство, сельское хозяйство, народное образование и т.д.). Однако эти темы должны стать предметом самостоятельных исследований.

В настоящей работе сосредоточено внимание именно на журналах, редакция которых подбирала материал с обобщающей исторической и литературной составляющей. В изданиях подобного рода можно обнаружить большое количество мемуаров – личных воспоминаний живых свидетелей эпохи. В то же время редакторы практически каждого издания, затронутого в настоящей работе, стремились к всеохватности, дабы удовлетворить запросы каждого читателя. В результате во многих журналах помимо расширения списка тем возникал такой раздел, как «смесь».

На страницах многих историко-литературных журналов «широкого профиля» также можно найти упоминания не только об успехах освоения края в целом, но и сведения по конкретным направлениям (отраслям). Так, в обобщающей работе Ю.Д. Южакова «Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем» («Русский вестник», 1891 г.) можно найти упоминания об огромных денежных средствах, выделенных государством на строительство образовательных учреждений. Благодаря этому в Верном и Ташкенте были устроены мужские и женские гимназии, а в Ташкенте, помимо этого, учительская семинария [102, с. 37]. В богатой на статистику работе Т.И. Тихонова «За Уралом – в Сибири...» («Русский вестник», 1897 г.), посвященной сельскому хозяйству в переселенческих районах, приводятся данные о «кочевниках-киргизах», решивших заняться хлебопашеством, о количестве кибиток и вспаханных ими землях [92, с. 92].

Оценить читательский интерес к периодическим изданиям в сравнении с книгами на первый взгляд довольно сложно, но всё-таки возможно, используя косвенные данные. А.А. Бахтиаров в «Истории книги на Руси», вышедшей 1890 г., задавался подобным вопросом и в качестве ответа на него привёл ценные данные о конкретных изданиях, затребованных читателями в Императорской публичной библиотеке Санкт-Петербурга. По его сведениям, «в 1882 г. посетителей было 120 000 человек, постоянных читателей 12 000 человек. Общее число взятых книг – 228 000 томов. Из 404 поврежденных русских изданий было требовано: «Отечественные записки» – 2 900 раз, «Русская речь» – 1 700, «Исторический вестник» – 1 400, «Дело» – 1 300 раз... По профессиям, по количеству читателей на первом месте стоят учащиеся и окончившие курс в разных учебных заведениях – 3 700 человек, гражданские чиновники – 1 000 чел., дворяне – 850, генералы и офицеры – 615, нижние чины – 123 и духовного звания 102 человека. Слушательниц высших женских курсов – 407, жены и дочери дворян и чиновников – 800, учительницы – 53. По полу количество постоянных посетителей распределяется: мужчин – 10 300 человек, женщин – 1 900» [8, с. 163].

Для сравнения А.А. Бахтиаров приводит данные через 4 года – за 1886 г. В указанный год «в библиотеке занималось 11 500 человек. Книг вытребовано для чтения 236 500 томов. Из 488 поврежденных изданий более других читались: «Вестник Европы», «Северный вестник», «Наблюдатель», «Русская мысль», «Русское Богатство», «Новое Время», «Русский вестник», «Новости» и прочие» [8, с. 163–164]. Из приведённых данных видно: периодическая печать интересовала читателей в значительно меньшей степени, нежели разного рода книги и учебные пособия. Так, если взять 228 000 затребованных в 1882 г. печатных изданий за 100%, то количество периодических изданий в количестве 7300 экземпляров в их числе составит всего 2,5%. Разумеется, читательский интерес в разных местах (публичная, домашняя библиотека, покупка изданий на улице, в магазинах и т.д.) и тем более в различных регионах обширной Российской империи колебался, однако цифры всё же свидетельствуют о преобладающем интересе читателей в пользу полноценных книг. При этом количество читающих мужчин (в библиотеке) было в 5,4 раза больше, нежели читающих женщин.

Из наиболее востребованных читателями журналов указываются «Отечественные записки» и «Исторический вестник». Обращает на себя внимание рост (если не сказать бум) количества периодических изданий в конце XIX в.: в 1882 г. в библиотеке хранилось 404 таковых, а спустя четыре года – уже 488. Нельзя не отметить изменчивый вкус читателей, интерес которых кардинально мог поменяться всего за несколько лет. На данный факт обратил внимание сам А.А. Бахтиаров: «В читальной зале, как в фокусе, отражаются все видоизменения, совершающиеся с петербургской публикой. Достаточно посмотреть, что читает общество, чтобы безошибочно угадать веяние времени» [8, с. 163].

Если говорить о читательском интересе в разрезе собственно периодических изданий, то читателей Петербургской Императорской публичной библиотеки интересовали литературные издания, публикации с новостями, а также журналы, освещающие современную политику и текущую жизнь, в том числе зарубежную. При этом содержание периодических журналов исторической и общественно-политической направленности было весьма пёстрым. Для того чтобы максимально охватить круг читателей и повысить продажи, в этих журналах помещалась самая разнообразная информация.

СЕВЕР И ЮГ: ПРЕИМУЩЕСТВА СРЕДНЕЙ АЗИИ В СРАВНЕНИИ С СИБИРЬЮ

В 1581 г. начинается завоевание и освоение русскими Сибири, вызванное ответным походом казачьего атамана Ермака Тимофеевича (1532–1585 гг.) на набеги хана Сибирского ханства Кучума. Огромные просторы осваиваемых земель привлекли внимание переселенцев. Однако Сибирь ввиду ее жесткого климата на деле оказалась не слишком удобным местом для казаков-переселенцев.

Сразу после русского проникновения и завоевания Средней Азии в XVII–XIX вв. регион стал активно заселяться казаками. В первой половине XVIII в. образуется так называемая «Иртышская линия» – крепости, расположенные в основном вдоль одноименной реки. В эту линию вошли крепости Ямышевская (1715 г.), Омская (1716 г.), Железинская (1717 г.), Семипалатинская (1718 г.), Усть-Каменогорская (1719–1720 г.) и некоторые иные. В XIX в. основывались города, среди которых Кокчетав (1824 г.), Акмолинск (1830 г.), Новопетровское укрепление (Форт-Шевченко, 1846 г.), Уральское укрепление (Иргиз, 1846 г.), Оренбургское укрепление (Тургай, 1846 г.), Раимское укрепление (1847 г.), Капальское укрепление (1848 г.) и, наконец, укрепление Верное (1854 г.). При этом город Верный вплоть до конца XIX в. считался «крайним укрепленным пунктом Сибирской линии» [2, с. 215].

В 1895 г. на страницах журнала «Вестник Европы» появилась статья С. Марусина, в которой он делился своими наблюдениями и обстоятельно высказывался о практике переселения людей в Сибирь. По его словам, северо-восточный регион Российской империи не являлся эльдорадо: «я слишком хорошо знаю, каких страшных усилий стоило для массы из них обзавестись хоть кое-каким хозяйством, как много их погибает в борьбе с нуждой и совершенно чуждой обстановкой жизни на новом месте». Однако более ценными являются замечания С. Марусина относительно слухов, которые гуляли в среде переселенцев о наличии всё более и более райских мест. Эта переселенческая лихорадка, вызванная неустроенностью быта на старом месте и фантазиях о новых землях, напоминает ситуацию, сложившуюся после открытия Нового Света. Открытие двух новых континентов, как известно, породило стремле-

ние европейцев, в основном из бедных слоев населения, не нашедших применение своему таланту на родине, покинуть Европу и обосноваться на новом месте – в далёкой Америке.

В русской среде такой «Америкой» явилась сначала Сибирь, а после – Средняя Азия. «В переселенческой среде, – писал С. Марусин, постоянно циркулирует масса всевозможных слухов и сведений о «новых землях». Сведения эти поддерживаются и распространяются через личные рассказы «бывалых людей», обширную переписку, которую ведут переселенцы, и пр. Переселенец страстно интересуется всем, что относится до «новых мест», и с жадностью ловит каждое слово, касающееся их. Из уст в уста передаются многочисленные рассказы о некоторых лицах, имеющих отношение к переселениям, и о местностях, почему-либо выходящих из ряда других». Как это ни странно, но город Верный, Лепсы, Локоть, Бель-Агач, Кочетов [Кокчетав], Бийск, Усть-Каменогорск и др. города южнее Сибири пользовались большой популярностью среди переселенцев. «О каждом из этих пунктов, – писал С. Марусин, – вы услышите самые подробные и притом самые заманчивые рассказы; каждый из этих пунктов в тысячи верст маячит переселенцам, привлекая к себе все их стремления и надежды».

Рассказы о среднеазиатских владениях России, с имеющимися там перспективами, привлекали не только бедняков, но и зажиточных людей. С. Марусин по этому поводу указал: «для многих эти цветистые рассказы о благодатных уголках, где может распрямить спину согнутый нуждою бедняк, имеют поистине великое значение: в то время, когда иной неудачник напрягает последние силы в борьбе с окружающими невзгодами, когда руки готовы беспомощно опуститься и холод отчаяния проникает в душу, где-то в самых тайниках его сердца теплится надежда, что есть еще где-то, там, далеко «Лепса, где, сказывают, шибко хорошо для нашего брата-российского пахаря», и эта надежда поддерживает его в трудную минуту. Тот же Верный или Кочетов влекут к себе и шатуна – разбогатевшего россиянина, влекут неодолимо, страстно» [57, с. 326].

Указанный автор выделяет три типа людей, склонных к переселению. Во-первых, бедняков, которые вынуждены искать новое место для жилья и работы с тем, чтобы выбраться из беспросветной нищеты. Многим это удавалось, в том числе в Сибири. Другая ка-

тегория переселенцев – состоятельные «российцы», ищущие возможности заработать ещё больше. Третий тип людей, которым и посвящена статья С. Марусина, так называемые «шатуны» или «шатуны-богатеи», «шатуны-хищники». Это особый тип, который находит себя в одном месте, но, разбогатев, вдруг снимается с места и уходит искать места ещё лучше.

Исследуя с социально-философских позиций поведение «шатуна», С. Марусин приходит к выводу о загадочном характере переселенцев такого типа, которые являются вечными стяжателями: «что такое этот шатун-хищник по своему внутреннему содержанию? Сын голодного отца, внук голодного деда и сам некогда голодный, он с детства не знал иного стремления, кроме стремления утолить муки голода своего и своей семьи; к этому пункту в конце концов сводились все его помыслы, все побуждения; в насыщении себя и близких он видел весь смысл своей жизни» [57, с. 340]. С точки зрения морали XIX в. «шатуны» закономерно подвергались осуждению, однако с экономических позиций перед нами крепкие хозяйственники-предприниматели.

И всё же «шатуны» были относительно редки в общей массе переселенцев. Большинство людей, решившихся на переезд в среднеазиатские владения России, – работающие бедняки, меньшая часть – с хорошей предпринимательской жилкой и ещё меньшая – с реальными деньгами. Даже общее знакомство с заметкой С. Марусина, в которой он делится своими наблюдениями о переселенцах, порождает устойчивое впечатление: Средняя Азия действительно имела все шансы стать «Русской Америкой». Революция 1917 г. остановила рвение людей подобного типа, преградила возможность для их саморазвития, стала препятствием для преобразования ландшафта Средней Азии на основе капиталистических отношений. Социалистическая модель хозяйствования приостановила перспективы коммерческого освоения и развития региона на 75 лет.

Жажда переселения в г. Верный и на юг в целом могла подпитываться, помимо прочего, слухами о наличии золота в его «окрестностях». Упоминания об этом в дореволюционных журналах исторической и общественно-политической тематики иногда встречаются [7, с. 153], однако подобные слухи, судя по всему, не

получили особого распространения. Наличие золотоносных месторождений упоминалось также «на востоке за Ташкентом», однако без указаний на конкретные места.

В работе П.Г. Галузо («Туркестан – колония», 1928 г.) констатировались изначальная бедность (выработанность) открытых залежей золота и отсутствие до 1917 г. научно обоснованных методов и практики разведки скрытых запасов в горных районах Джунгарского Алатау [23, с. 16]. Промышленная разработка золота в Алмадинской области даже в XXI в. наталкивается на проблему экономической эффективности и обоснованности в условиях относительно слабых запасов этого драгоценного металла. Предположения о россыпях золота в непосредственной близости от г. Верного (по-видимому, речь идёт о горах, где золото «обязательно должно быть») не подтвердились до сих пор.

С. Марусин был далеко не единственный и не первый, который яркими красками описал стремление «российцев» всех мастей искать удачу в Средней Азии. Размышления С. Марусина, увидевшие свет в 1895 г., подводили итоги самого факта переселения, начавшегося, как указывалось выше, с перемещением населения в Сибирь с конца XVI в. Статьи прогнозного характера с элементами экономического и социологического анализа, касающиеся возможностей освоения среднеазиатского региона, выходили в периодических изданиях и ранее.

Ещё в 1858 г. Г.В. Колмогоров в статье «Собственность и община» считал «кавказские провинции, беспредельную Сибирь, киргизские степи и юг этих степей – долину Сыра и Семиреченский край – нашей Францией и Италией». Отдельные размышления Г.В. Колмогорова почти сразу были подвергнуты критике за излишнюю романтизацию, в частности, Сибири с её сложным климатом и тяжелой жизнью. Ему вменялись в вину факты введения в заблуждение «нездешнего читателя». Он упрекался в том, что «своими медовыми писаньями не столько исследует страну, сколько романтизирует» [100, с. 132]. Однако с позиции современного взгляда на исторический процесс развития России отдельные наблюдения Г.В. Колмогорова не были лишены глубокого смысла.

Названный автор указывал: не только Сибирь, но и киргизские степи, а также Семиреченский край представляли собой необъят-

ную землю, которая ныне почти пустынная, но способная «содержать безбедно вполне цивилизованного человека. Здесь смело и свободно может поместиться народонаселение в 300 миллионов душ при полусобственном владении. Следовательно, отечество наше смело на 200 лет вперед может рассчитывать, что земля и труд будут легко доставлять содержание более чем тысячи миллионов людей (но, повторяем, вполне цивилизованного народа), без опасения породить пролетариев, подобно нынешним западноевропейским государствам. А что может произойти вообще в европейском обществе чрез 200 лет, даже далеко ближе к нам, при таком прогрессивном стремлении к усовершенствованию человеческого быта, при развитии наук сельскохозяйственных, математических, физических, естественных, финансовых и всевозможных отраслей знаний, промышленных к существенным пользам человека, к получению из всего доходов!» [50, с. 75–76].

Взгляды Г.В. Колмогорова оказались во многом пророческими: предоставление необъятных земель большому количеству российских бедняков-пролетариев в «полусобственное владение», возможно, способствовало бы сглаживанию межклассовых противоречий. Эти разногласия были удачно использованы В.И. Ульяновым (Лениным) в его обширных научных работах и они же в итоге привели к Революции 1917 г. Русская «Франция и Италия» в виде Средней Азии с её мягким климатом вполне могла уже к концу XIX в. положительно повлиять на российскую экономику, стать источником налоговых поступлений в бюджет, увеличить производство сельскохозяйственной продукции, повлиять на формирование класса предпринимателей, заботящихся о своей земле. Прогнозы Г.В. Колмогорова о торжестве наук, благодаря которым на самом деле был невероятными темпами «усовершенствован человеческий быт», сбылись не через 200, но уже менее чем через 100 лет.

Публикации, подобные статье Г.В. Колмогорова, выходили в свет регулярно. Вопрос о переселении в Сибирь, а затем и в Среднюю Азию – один из наиболее обсуждаемых во всех периодических изданиях XIX в. Так, в 1870 г. в журнале «Отечественные записки» была опубликована статья Н.А. Демерта «Почему у нас в лесистых местностях в дровах нуждаются», в которой во всеуслышание было объявлено о бедственном положении переселенцев и о тотальной нищете, которая толкала их на поиски лучшей жизни.

«Загорелые бабы, босиком и в грубых рубахах, – сообщал автор статьи, – держат полугодовых ребят, родившихся дорогою; некоторые из них надеются тоже быть скоро матерями. Никакого имущества не видно; да и куда класть имущество, когда повозка полна ребят? Да и откуда какое имущество? ... И вот идут они день на день, подвигаясь все ближе и ближе к желанной цели, спрашивая у православных: «которая дорога лежит на такое-то место?» идут, не имея еще полной уверенности: на столько ли хорошо будет на новом месте, как рассказывают? Но им и не нужно этой уверенности: довольно с них и той веры, что хуже-де того, что оставили, не будет. Дорогою у них родятся и умирают, заболевают и выздоравливают».

Для таких переселенцев Семиреченская область при полном отсутствии альтернативы казалась едва ли библейским раем. В заключение своей статьи Н.А. Демерт писал: «Не легко, конечно, тащиться в «обетованную землю» при подобных условиях, но что же делать-то, если хлеба нет, лесу нет, даже мха нет, а если где мох и водится, то добыча его сопряжена с такими опасностями, что опять-таки, как раз, очутишься в той же «земле обетованной», в Сибири, только уж не добровольным переселенцем» [34, с. 182–183]. Наблюдения Н.А. Демерта показывают истинное положение людей, вынужденных переселиться в Семиреченскую область. Стоит отметить сходство в оценке бедственного положения основной массы населения как со стороны С. Марусина, так и Н.А. Демерта, хотя их публикации (в разных журналах) разделяет срок в 25 лет. Улучшение жизни простых людей вплоть до 1917 г. двигалось крайне медленными темпами, что и обусловило в конечном итоге грандиозный успех Октябрьской революции.

Вышедшая в 1879 г. в «Отечественных записках» статья Н. Ядринцева «Судьба русских переселений за Урал» винила в тяжёлом положении переселенцев государственную систему их поддержки, точнее – отсутствие таковой. «Беспомощное и жалкое положение русского переселенца-новосела, совершающего историческое призвание заселения русской земли, заставляет задуматься. Создается же в других странах помощь переселениям, устраивается обеспечение их во время пути; для этого за границей существуют целые учреждения и колонизационные общества, открывается государственный кредит.

Там на переселенца смотрят как на государственную силу, как на драгоценное приобретение и культурное средство. Почему же русский переселенец не имеет никакой помощи и поддержки для облегчения своего подвига? Мы предоставляем обсудить эти факты русскому обществу и русскому земству» [103, с. 160].

Неудивительно, что после обличений Н.А. Демерта, Н. Ядринцева и ряда иных авторов журнал «Отечественные записки» стал мишенью для нападок со стороны Управления печати и Цензурного комитета, поскольку он «возбуждал вопросы, способные поддерживать враждебные отношения сословий» [73, с. 462]. В 1884 г. из-за обилия подобных публикаций, которые увеличивались в геометрической прогрессии, после критики государственной системы в целом и не только касательно бедственного положения переселенцев, указаний на факты смерти переселенцев от голода и неустроенности, обличия сословной системы, тормозившей общественное развитие России, и т. д. и т. п. журнал был закрыт по личному распоряжению главного цензора России – Е. Феоктистова.

Нельзя не отметить ярко выраженную стихийность переселения. С одной стороны, государство, бросив клич на переселение, на практике не оказывало значительной помощи людям, отправившимся на освоение новых земель. «Гарантируемые» права и льготы не работали. С другой стороны, сами переселенцы не были осведомлены о своих правах, не запрашивали поддержку, а то и вовсе совершали «исход» без уведомления администрации, в том числе местной. Эта проблема применительно к Средней Азии была обозначена М.Н. Анненковым в статье «Ахал-Текинский оазис и пути в Индию. II» («Вестник Европы», 1881 г.). Автор, прежде всего, указал на трудности, с которыми сталкивается английская колониальная армия в Индии, когда дело касается взаимоотношения с мусульманами («магометанами»). Отмечаются слабые успехи англичан в христианизации Индии и отсутствие ярко выраженных попыток навязывания русскими православной веры в Туркестане.

Касаясь стихийности переселения, М.Н. Анненков отметил: «что касается русских в среднеазиатских владениях, то нельзя не видеть, что, несмотря на все затруднения, которыми в последнее время, после освобождения крестьян, правительство обставляло переселения, – колонизация шла своим путем и притом в довольно значительных размерах, в особенности по направлению Семипалатинска,

Сергиополя, Капала и Верного. Очень часто даже означенное переселение совершалось так, что о том ничего не знала местная администрация, которая иногда находила значительные села там, где, по официальным сведениям, не числилось никаких поселков. Кроме того, при каждом из фортов и некоторых других городах образовались небольшие поселки из выслуживших срок воинских чинов, оставшихся там для занятия торговыми делами» [6, с. 773].

Невзирая на трудности, с которыми сталкивались переселенцы, киргизские степи и Семиреченская область казались райским уголком для тех, кто потерял надежду хоть как-то улучшить свою благосостояние на старорусской земле. А также для тех, кто не отыскал «обетованную землю» в Сибири. Вышедшие в отставку военные и государственные служащие, случалось, оставались в Средней Азии навсегда, организовывая целые посёлки. В исследовательской литературе XX в. переселение людей в Среднюю Азию в поисках лучшей доли справедливо именовалось «стихийным переселенческим движением крестьян-самовольцев» [с. 214].

В чём заключалась причина столь огромной привлекательности Средней Азии, где не было ничего, кроме степи?

В 1876 г. на страницах журнала «Нива» появляется заметка о русском освоении новых регионов. Констатировались климатические трудности Сибири, не позволявшие развивать промышленность, и выгодное в этом отношении положение Средней Азии (точнее, завоеванного к 1876 г. Кокандского ханства, «Кокана»). В журнале было отмечено: «Сибирь приобретает в Кокане то, чем для нее служит Западная Европа, Крым и Кавказ. Для сибиряка пользоваться произведениями Кокана также удобно, как для нас произведениями нашего юга, ибо на незначительном протяжении, всего 800 верст, несмотря даже на гористую местность, можно будет улучшить пути сообщения и довести их до совершенства европейских дорог. Такое отношение к Туркестанскому краю и Кокану сибиряки поняли с первого же раза. В то время, когда громадные пространства Амурской и Уссурийской областей до сих пор представляют почти пустыню, когда население Оренбургского края ни на волос не подвинулось и не могло подвинуться по пути к Аральскому морю, – путь от Иртыша до Верного сразу же начал затягивать казачьи станицы, год от году разрастающиеся все больше и больше» [65, с. 239].

Переселению людей всё дальше и дальше на юг от холодной Сибири во многом способствовал именно благоприятный климат. Благодаря мягкой зиме, удавалось значительно раньше, нежели на севере, сеять урожай. Соответственно, результаты посевов также собирались раньше. Оставалось значительное время осенью для других нужд. В 1876 г. в журнале «Русский вестник» вышла статья отечественного путешественника и натуралиста А.И. Вилькинса. Его описания теплого Семиречья значительно отличаются от характера публикаций С. Марусина, Г.В. Колмогорова, Н.А. Демерта, Н. Ядринцева. Если среднеазиатская земля обетованная в рассказе вышеперечисленных авторов лишь предполагалась или становилась объектом насмешек (открытых или завуалированных), то А.И. Вилькинс собственными глазами видел, каких успехов достигли переселенцы за небольшой промежуток времени (10–15–20 лет).

Путешествуя в 1876 г. от г. Верного вдоль реки Или, русский натуралист отмечал: «Переселенцы малороссы живут теперь хорошо; у всякого есть домик и хозяйство, многие даже богатеют. Рассказывают, что прежде поселения своего в Борохудзир, вернинские [?] хохлы послали нескольких человек из своей среды для осмотра местности; вернувшись, посланные восхищались прелестями и богатствами, представляемыми новою местностью; выраженное в своеобразной форме повествование их напоминает библейские слова об обетованной земле; они говорили: «там хорошо; зачерпнешь ведром в реке – полведро воды, полведро рыбы; корова с поля идет – по копытам молоко течет, в рогах шелк несет». Отправились на новые места, впрочем, только плохие мужики, которым не повезло; приехавшие изобличали во всем сильнейшую бедность. Теперь, как видно, они оперились; смазные сапоги мужиков, бьющие на эффект платки и ситцевые платья прекрасной половины этого населения показывают, что у них водятся и лишние деньжонки». Особое место в рассказе А.И. Вилькинса отводится скоту: «в казахских станицах, близ города Верного прекрасный, сравнительно массивный скот, формами своими напоминающий более или менее облагороженный тип наших городских коров» [16, с. 464, 497].

Чрезвычайно похожую идилическую картину Семиреченской области в целом и окрестностей г. Верного в частности представил в своих воспоминаниях П. Калитин. В 1880 г. он, будучи военным, принял участие в так называемой Ахалтекинской экспедиции. Её

сущность состояла в покорении племен текинцев, живущих в Туркмении. Часть этого войска проходила через Семиречье, где П. Калитин в составе одного из отрядов увидел следующее. «Начиная с границы Аулиятинского уезда, деревни Кара-Балты, мы проходили благодатным Семиреченским краем через цветущие русские поселения. Большинство переселенцев малороссы, целиком перенесшие свою далекую, покинутую родину; хаты, крытые камышом, плетневые заборы, колодцы с журавлем и колоды пчел в цветущих молодых садах, – всё напоминает здесь Полтавскую и Черниговскую губернии. Некоторые из переселенцев, 10–15 лет тому назад, пришли сюда с парой волов, питаюсь по дороге Христовым именем, а в настоящее время все живут хорошо; другие за это время достигли уже богатства и живут теперь в Верном, занимаясь торговлей» [48, с. 80].

В 1880–1890-е гг. в периодических изданиях журнального типа наблюдается всплеск публикаций, касающихся успехов переселенческой политики в Среднюю Азию. Почти в каждой статье можно обнаружить утверждения о больших плодах, приносимых переселением как для «колонистов», так и для государства в целом. К примеру, И. Гейер после детального анализа и разбора конкретных цифр в статье «Переселенцы в Туркестане» («Северный вестник», 1893 г.) заключает: экономическое благосостояние сёл и его жителей неуклонно растёт. Публикация заканчивается следующими словами: «Вообще, крестьяне, поселяясь в Сыр-Дарвинскую область, очень скоро оправляются. Если они в первое время терпят нужду в денежных знаках, зато остальные жизненные условия немедленно улучшаются и стоят несоизмеримо выше тех, которые окружали их в России» [25, с. 22].

В 1890 г. в «Русском вестнике» выходит обширная по объёму обобщающая статья А. Иванова «Русская колонизация в Туркестанском крае». Констатируя колоссальные успехи в развитии региона, строительство новых городов, поселений и хуторов, автор приводит восемь конкретных рекомендаций с тем, чтобы «хорошо устроенные колонии в мусульманском крае могли бы служить нам хоть не для обрусения, а только точками опоры нашего владычества в случае каких-нибудь неожиданных осложнений». Автор предлагал отводить колонистам удобные земли, готовить для них хотя бы глиняные хибары на первое время, устраивать церкви; колонии должны располагаться как можно ближе друг другу в целях

взаимовыручки; необходимо прокладывать новые дороги к этим поселениям или же основывать их вблизи таковых; целесообразно, по мнению А. Иванова, ставить над колонистами опытных управленцев.

Однако самая первая из этих рекомендаций касалась отбора самих переселенцев: «Наметивши свободные земли для поселений, необходимо входить в сношения с губернаторами или земскими управами о приглашении на эти участки вполне благонадежных переселенцев. Теперь сюда идут большею частью бродяги, отыскивающие молочных рек с кисельными берегами. Идут сюда люди без знаний, без капиталов, без любви к труду, к трезвости, к бережливости; идут не для того, чтобы селиться, устроить свою судьбу, но для того, чтобы сесть кому-нибудь на шею и жить как несовершеннолетние вечно под чьей-нибудь опекой. Губернаторам или земским управам должны быть сообщены ясные и подробные сведения о местах для колоний со всеми условиями для их заселения» [43, с. 242–244]. Таким образом, «надёжным людям» отводилась первая и самая важная роль в деле освоения новых территорий, включая г. Верный, Семиречье и Среднюю Азию в целом. Причём во главу «отбора переселенцев» предлагалось ставить их личные качества и наличие осознанного желания закрепиться на новом месте. Все размышления и выводы А. Иванова складывались вокруг аксиомы: каждый человек – кузнец собственного счастья.

Проблема повышения уровня жизни основной массы населения России – безземельных крестьян – решалась за счёт их переселения в местность с более тёплым климатом, но без финансовой поддержки со стороны государства. Последнее обстоятельство при существовавшем в XIX в. уровне макроэкономических отношений было крайне удобным для государства. И, пожалуй, стало единственным выходом повысить уровень жизни основной массы населения. Роль государства свелась к завоеванию новых территорий с тёплым климатом. Переселенцам в Средней Азии отводилась двоякая роль: удержать завоёванную землю и свободно (до определённой степени) на ней хозяйствовать. В исследовательских работах, посвященных переселению как состоявшему факту, просматривается ярко выраженная оппозиция – Россия для бедных и безземельных – безнадёжное будущее, Средняя Азия – успех и достаток.

ПРОБЛЕМА СТРОИТЕЛЬСТВА ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ ИЗ ЦЕНТРА РОССИИ В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Другой причиной быстрого освоения нового региона, помимо мягкого климата, стала относительно малая удаленность Средней Азии от Петербурга и Москвы. Возможность проложить железную дорогу во все уголки Средней Азии в условиях теплого климата казалась более осуществимой по сравнению с суровыми сибирскими морозами. На острую необходимость строительства железной дороги постоянно указывалось в исследуемых источниках. На уровне проектов и изысканий на местности, а не просто «мудрой идеи» вопрос о дороге начинает всерьез подниматься в 80-х и особенно в 90-х г. XIX в. [37, с. 769; 61, с. 742; 5, с. 52–54]. Типичной становится следующая риторика: «Рельсовый путь на Верный и Джаркент оживит и приблизит к столицам всё Семиречье, и в частности Пржевальск, с его чудными, более поэтическими, нежели Швейцария, картинами природы. Чтобы убедиться в действительности сказанного о красотах природы, стоит лишь взглянуть на фотографические снимки...» [49, с. 659; 80, с. 999].

В 1886 г. администрация г. Верного решила проработать вопрос о целесообразности строительства дороги и создала для этого специальную комиссию. Заключение этой комиссии, как и следовало ожидать, оказалось положительным. Элемент романтизации, конечно, имел место в публикациях, касающихся прокладки железной дороги в Семиречье, однако намного чаще встречается всё же трезвый экономический расчёт.

Экономическим центром Средней Азии обычно назывался Ташкент, с которым прежде всего предлагалось связать центр России [5, с. 52–54]. Имевшуюся на тот момент полемику по поводу целесообразности строительства железной дороги рельефно воспроизвёл М.И. Венюков в своей обзорной статье «Туркестанские вопросы», опубликованной в «Русском вестнике» за 1899 г. «Что за чудо у вас на Руси делается, что Туркестан снабжает хлопком подмосковные фабрики, а путь для этого груза идет через Красноводск и Каспийское море, с двумя или более перегрузками, возможностью подмочки и проч.?» – говорят иностранцы, искусившиеся в торговых делах. В имеющихся у меня официальных материалах я

нахожу ответ: «Туркестан приносит казне одни убытки и на перевозку своего хлопка требует еще государственного расхода в сотни миллионов на устройство железной дороги из Ташкента в Оренбург, т.е. 1 700 верст длиною: это слишком!» Я бы не поверил такому доводу, если бы не читал его собственными глазами». Сравнивая между собой имевшиеся пути, которые во многих случаях шли через Каспий, отграничивавший Среднюю Азию от Центра России, М.И. Венюков приходит к выводу: железная дорога стратегически необходима как с точки зрения экономики, так и с точки зрения военных действий (переброски войск и обороны) среднеазиатских рубежей [15, с. 141–142].

В этом же 1899 г. в «Русском вестнике» выходит обширная статья «Средне-Азиатская железная дорога» автора, подписавшегося инициалами «Н.Н.». Справедливо отмечалось, что значение железной дороги прямо пропорционально количеству грузов, которые по ней перевозятся. Взвесив все «за» и «против», автор заметки пришёл к однозначному выводу: «политическое, экономическое и нравственное значение прямого рельсового пути в Среднюю Азию так велико, что ради него можно пойти и на некоторые временные жертвы. Повторяем, что эта дорога неизмеримо важнее для нас всех новых рельсовых путей в Сибирь, и постройка её должна быть поставлена впереди их. Энергичная деятельность, проявляемая англичанами в Персидском заливе, и постройка немцами железных дорог в Малой Азии лучше всего доказывают, что вопрос о Средне-Азиатской дороге дальше откладываться не может» [61, с. 742].

Однако далеко не все разделяли восторг в части сооружения железной дороги, невзирая на вопрос, политизированность которого выносилась на международный уровень (следовало догнать и перегнать как колонизаторов-англичан, так и немцев). Восторг утихал в случае, когда дело касалось расчётов стоимости проекта. По приблизительным оценкам требовалось не менее 113 миллионов рублей. В 1899 г. увидела свет брошюра А. Стеткевича «По вопросу о продолжении среднеазиатской железной дороги от Ташкента на Чимкент и Верный» [87]. В ней автор сомневался в целесообразности строительства железной дороги по направлению, указанному в названии брошюры. Утверждалось, что для государственного бюджета данный проект будет убыточным. В целях минимизации рисков для казны предлагалось возложить расходы на строительство

на частную компанию с частичным субсидированием со стороны государства.

На эту публикацию в «Русском вестнике» за 1899 г. появилась рецензия, в которой критиковались некоторые доводы А. Стеткевича как необоснованные (по дороге «нечего возить» ибо «нет полезных грузов»), с другой – часть доводов поддерживалась (проект был чрезвычайно дорогим и рискованным даже для государственного бюджета). И всё же при ярко выраженном критическом отношении к проекту как в брошюре А. Стеткевича, так и в рецензии на неё предлагался механизм софинансирования строительства дороги на принципах, как мы сказали бы сейчас, государственно-частного партнерства. «При отсутствии железной дороги в данной местности казна несет увеличенные расходы не на одно только содержание почтовых трактов; перевозка казенных грузов, пересылка арестантов, переезды должностных лиц и т.д. – все это вызывает усиленные траты, и субсидия в размере этих трат является вполне справедливой» [77, с. 263].

Вся критика строительства дороги сводилась лишь к огромной стоимости проекта. Если эту стоимость можно было разделить с частным капиталом, критика, как правило, звучала тише. А если имелась возможность полностью возложить расходы на частный капитал, критика умолкала вовсе.

Со временем, когда среднеазиатские владения России показали свою экономическую состоятельность, железная дорога была всё-таки проложена. В 1904 г. началось строительство, а в 1905–1906 гг. была введена в эксплуатацию Оренбург-Ташкентская железная дорога. Её протяженность составила 1668 км. Средняя Азия оказалась соединена с Центральной Россией.

В дореволюционный период в г. Верный железная дорога так и не пришла. Лишь в 1929 г. в Алма-Ате появился первый пробный поезд, а регулярное сообщение по введенной в эксплуатацию Туркестано-Сибирской магистрали (Турксибу) было установлено немного позже – в 1930 г.

ПРИЧИНЫ ВОЗВЕДЕНИЯ УКРЕПЛЕНИЯ ВЕРНОЕ

По мере того, как русские войска продвигались с севера на юг, из Сибири в Среднюю Азию, воздвигая линию крепостей и укреплений, они регулярно сталкивались с неприятелем. В Семиречье хозяйничали кокандцы, которых русские практически сразу начали теснить, уменьшая подконтрольную им территорию. Детали движения войск в сторону места, где в последующем возник город Верный, детально изложены в обширной монографии Н.В. Леденева «История Семиреченского казачьего войска» (1909 г.).

По сведениям указанного автора, 4 апреля 1850 г. отряд русских войск выступил из укрепления Капал и направился к крепости Таучубек на реке Каскелен, принадлежавшей кокандцам. Гарнизон крепости составлял не более 150 человек, в то время как само укрепление представляло собой квадратный редут в 40 саженой длиной с каждой стороны (около 250 м). Крепость являлась главным укреплением подданных кокандского хана во всём Заилийском крае. Однако для русских войск численностью 225 человек принятый бой оказался неудачным. Киргизы численностью 6000–7000 человек восстали не только против кокандцев, но и против русских. В результате превосходящие силы противника оттеснили русские войска. На реке Алматинке преследователи догнали отступающих. Завязался неравный бой. Русские снова отступили и достигли реки Или.

18 мая 1851 г. русские войска заручились поддержкой местной киргизской знати, недовольной кокандским владычеством, и вновь подошли к подножию крепости Таучубек на реке Каскелен. На этот раз обитатели крепости решили сдать её без боя и ретироваться. Н.В. Леденев указывает: гарнизон крепости «оставил всякую мысль о защите, бросил свое укрепление и позорно бежал». Крепость была полностью уничтожена, а земля на ее месте — «заровнена». Утратив крепость, Кокандское ханство, соответственно, утратило влияние в Заилийском крае, в то время как влияние Российской империи стало возрастать. Разрушив крепость Таучубек, русские войска задумались о необходимости строительства собственного укрепления с той архитектурной составляющей, которая обеспечила бы как размещение в нём войск согласно принятой стратегии и тактики, так и с точки зрения обороны. Крепость

Таучубек, по-видимому, изначально не удовлетворяла требованиям русского командования.

2 июля 1853 г. из укрепления Капал вышел третий отряд под началом пристава при киргизах Большой Орды майора М.Д. Перемышльского. На этот раз его миссия была иной. Вместо того чтобы разрушать или завоевывать, отряду предстояло строить новое укрепление – закрепляться на местности. Н.В. Леденев сообщает конкретные сведения о выборе места для будущего укрепления следующим образом: «В конце июля и начале августа Перемышльский, с инженер-поручиком Александровским, осмотрел долину рек Большой и Малой Алматы. Рекогносцировка убедила начальника отряда, что эта долина, по удобству добывания леса, большому количеству прекрасной, перерезанной арыками (оросительные каналы), земли и обилию сенокосных мест, несравненно лучше долины реки Иссык, почему Перемышльский окончательно уже и решил избрать именно эту долину для заложения предположенного укрепления, т.е. в будущем города Верного» [54, с. 75].

Однако после осмотра местности отряд вернулся на реку Иссык, где осуществил зимовку. На основе имевшихся архивных данных Н.В. Леденев сообщает: «Зима с 1853 на 1854-й и весь 1854 год прошли в Заилийском крае сравнительно спокойно, никаких более или менее значительных экспедиций не предпринималось. Заилийский отряд, состоявший и в 1854 году под начальством пристава при киргизах Б.-Орды майора Перемышльского, усиленный одной ротой пехоты, занят был устройством в долине реки Алматы Заилийского укрепления, названного потом Верным» [54, с. 76–77]. Таким образом, по Н.В. Леденеву, место для строительства укрепления было выбрано в 1853 г., а само поселение выстроено силами военных в 1854 г.

Зимовка с 1853 на 1854 г. на реке Иссык подтверждается архивными материалами. Так, современный исследователь В. Королева в своей статье приводит следующие сведения. Согласно архивному документу, местный житель, киргиз из рода Чапрашты по имени Атбан Саркутов, помогавший строить укрепление Заилийское, сообщал: «первую зиму русским досталось тяжело. Сена было мало, снег выпал большой, и лошади в отряде передохли». Из этого же архивного документа следует: «Первый раз пришли русские (летом 1853 г.) и зимовали на реке Иссык в землянках. Мы не думали, что

они зазимуют, и, боясь сартов, хотели было их выпроводить. Помню, майор Перемышльский приехал с казаками в наш аул около Курту и начал требовать, чтобы киргизы доставили ему верблюдов. Наши киргизы испугались и думали, что верблюды пропадут. Опасаясь большой вражды, мы решили доставить назначенное число верблюдов, но горевали, что русские пришли нас грабить. Оказалось, что верблюды понадобились для перевозки муки и овса из Копала, и нам не только вернули всех верблюдов, но заплатили за перевозку и заплатили за утонувших в Или верблюдах. Тогда мы поверили русским и стали помогать. Мы, молодые джигиты, часто ездили в лагерь на Иссык и познакомились с казаками» [53].

На ранних этапах существования г. Верного тот факт, что место для укрепления было выбрано в 1853 г., а широкомасштабное строительство осуществлялось в следующем году, был хорошо известен жителям самого укрепления. Так, один из государственных служащих по фамилии Н. Фридерикс, работавших в Верном в первое десятилетие его существования, в «Вестнике Европы» опубликовал мемуары-отчет «Туркестан и его реформы. Из записок очевидца» (1869 г.). Упоминая нежелание киргизов жить в домах вместо юрт, Н. Фридерикс отметил: «с 1853 года, когда появились едва ли не первые землянки русского отряда на урочище Алматы – будущие домики города Верного, – прошло слишком немного времени, чтобы кочевники могли оценить выгоды оседлой жизни и хотя отчасти усвоить их себе» [96, с. 695].

1853 год в качестве даты основания укрепления можно встретить и в более поздних публикациях. Так, в журнале «Нива» за 1911 г. сообщалось о семиреченском землетрясении 22 декабря 1910 г. В нём временем основания укрепления также был указан 1853 г. [42, с. 98].

Таким образом, датой выбора конкретного места для основания города Верного можно считать 1853 г. (конец июля – начало августа), когда в укреплении Заилийском, возможно, возникли первые землянки. Хотя, вероятно, землянки были всё же сооружены для зимовки на реке Иссык. Эта зимовка могла восприниматься впоследствии, с опорой на данные о выборе местности в 1853 г., как начало серьёзной и продуманной работы по возведению нового укрепления. В то же время датой официального возведения укрепления считается 4 февраля 1854 г., когда был официально подписан

указ о его основании. В этом же году проектируемое укрепление Заилийское было переименовано в Верное.

Русские войска выбрали место на реке Алматинке не случайно. На выбор места повлияли: обширные пустые пространства в непосредственной близости от гор, пригодные для сельского хозяйства; наличие строевого леса в горах; обширный запас свежей (проточной) питьевой воды в виде множества мелких горных речек, которые не пересыхали даже в самое жаркое лето.

Иногда в периодических изданиях исторической и общественно-политической направленности, рассчитанной на массового читателя, можно встретить иные даты основания города. Так, А. Леонтьев в обзорной статье «Русская колонизация в степях Средней Азии» («Северный вестник», 1889 г.) указал в качестве даты возведения укрепления Верное 1847 г. Неясно, правда, какими источниками пользовался автор. Возможно, он перепутал дату основания Верного с датой возведения иных поселений, которые вырастали почти каждый год (Уральское и Оренбургское укрепления – 1846 г., Раимское укрепление – 1847 г., Капальское укрепление – 1848 г. и т.д.) либо допустил ошибку, указывая дату основания г. Верного по памяти.

«Среднеазиатские владения России» манили подданных империи своей новизной и неисследованностью. Целый ряд путешественников отправлялись в эти места и «с опасностью жизни стремился вглубь долин Небесных гор» [84, с. 361; 1, с. 490]. Город Верный в этих владениях стал одним из наиболее известных (наряду с Ташкентом и Пишпеком) и в то же время наиболее защищенным, поскольку в «укреплении Верном» по определению должны были размещаться войска. Последние всегда считались основой благополучия края.

Нередко в г. Верном в моменты перегруппировок была сосредоточена половина всего войска Заилийского края (Семиреченской области) [2, с. 215]. Российское правительство вплоть до 1876 г. находилось в постоянном военном конфликте с Кокандским ханством, а также было обеспокоено неопределенной границей с Китаем, проходившей в этих же местах, что обосновывало необходимость поддержания в повышенной боевой готовности крупного (по тем временам) военного контингента.

Специальные исследования, посвященные военной обстановке в Российской империи конца XIX в., выявляли исключительную важность защиты юго-восточных рубежей. Именно в этой географической части империя стремилась к своему расширению, её границы были спорными и неопределёнными, а значит, нуждались в военной охране и защите. В фундаментальном многотомном издании «Столетие военного министерства (1802–1902 гг.)» приводилась следующая статистика войск и характеристика их «напряжения»: к 1 января 1881 года на службе в Российской империи находилось 4,8% всего населения мужского пола войскового сословия. В этот период «наиболее сильное напряжение военных сил оказалось в Сибирском и Семиреченском войсках». Объяснялось это «неспокойным положением местностей, сопредельных Китаю» [88, с. 553]. Если конфликт с Кокандским ханством был локальным и непродолжительным, то Китай ассоциировался с затяжным многовековым накатом самых разных противоречий.

В периодических изданиях того времени можно обнаружить сведения о непосредственных причинах возведения укрепления Верное. Главная из них – это всё же борьба с Кокандским ханством. Об этом, в частности, однозначно высказался сотрудник Русского географического общества М.И. Венюков в статье «Международные вопросы в Азии», опубликованной в «Русском вестнике» за июнь 1877 г. «В половине нашего века мы дошли было, наконец, до такого ряда естественных урочищ, который давал возможность замкнуть Киргизские степи с юга, на большей части их протяжения. Это именно было в 1850-х годах, когда самыми южными точками русских владений в Средней Азии были Алматы и Перовск, между которыми оставалось только провести линию по северному подножию Каратау и Киргизын-Алатау, чтобы загородить степи Оренбургские и Сибирские от вредного влияния Кокана и отчасти Хивы». Учитывая отсутствие международных договоров, по справедливому замечанию М.И. Венюкова, «граница России в большей части края остается на воздухе» [14, с. 489–490].

В противостоянии с Кокандом город Верный в военной среде считался «крайним укрепленным пунктом Сибирской Линии» [2, с. 215].

С точки зрения военной тактики конфликт с Кокандским ханством, столица которого располагалась в городе Коканд (современная Ферганская область Узбекистана), нередко описывался в литературе как «война крепостей»: чем больше укреплений принадлежало одной стороне, тем более сильными считались ее позиции в конфликте. Территория считалась присоединенной и закрепленной в случае, если имелся обороняющий её форпост. Соперничество сводилось к строительству крепостей в стратегически важных местах и, соответственно, к уничтожению или захвату крепостей неприятеля.

В 1906 г. журнале «Нива» по случаю тридцатилетия присоединения Кокандского ханства появилась заметка об этом событии следующего содержания: «Еще в 1850 году была предпринята экспедиция с целью разрушить пограничные кокандские крепостцы. Спустя несколько лет эти крепостцы были разрушены, и в то же время русские построили несколько своих пограничных крепостей (Раимское укрепление, г. Верный и пр.). В 1853 г. оренбургский губернатор Перовский взял крепость Ак-Мечеть, переименованную потом в честь его в Форт Перовский. В 1860 году кокандцы объявили России священную войну («газават»), но во время этой войны были разбиты и потеряли еще две крепости» [46, с. 153].

О важности г. Верного как передового укрепления в Средней Азии можно судить по целому ряду публикаций военного характера. Так, в «Историческом вестнике» за 1899 г. в виде воспоминаний очевидца были опубликованы сведения о расстановке военных сил в период обострения конфронтации между русским правительством и Кокандским ханством. «Военные силы Заилийского края в это время (начало октября 1860 г.) состояли из 9 рот, 8 сотен, 7 орудий и 4 ракетных станков. Всего до 2440 человек. Войска эти разделены были следующим образом: в Кастеке, передовом нашем укреплении, – одна рота, одна сотня, три орудия (без лошадей) и два ракетных станка, в Верном: 6 рот, 4 сотни, 4 орудия и два ракетных станка; в укреплении Илийском – одна рота; на пути из Верного в Капал – 2 роты, сотня, прислуга и лошади батарейного взвода» [79, с. 107]. Похожие сведения можно обнаружить и в других изданиях.

Город Верный, таким образом, оправдывал свое название тем, что по определению являлся средоточием военной мощи русского

государства в среднеазиатских владениях, местом перегруппировки и концентрации войск. В случае опасности из г. Верного отряды командировались по всем направлениям для усиления целого ряда иных укреплений (Кастек, Узун-Агач, Каскелен, Саурук-Курган и т.д.) [2, с. 215]. При захвате городов Кокандского ханства в 1864 г. именно из Верного выехал отряд полковника М.Г. Черняева в составе крупного по тем временам военного контингента – 2 500 человек. В результате совместных действий с оренбургским отрядом полковника Н.А. Веревкина с войском дополнительной численностью в 1200 человек удалось взять попутные города. В 1865 г. был взят Ташкент, а в 1866 г. – Ходжент. Эти события нашли отражение во множестве автобиографических публикаций участников сражений, увидевших свет в исследуемых историко-литературных журналах [101, с. 941–956; 3, с. 170–171; 2, с. 215].

В январе 1871 г. в журнале «Русский вестник» увидела свет меуарная статья гражданского служащего Д.М. Долгорукова «Пять недель в Кокане», в которой описывалась битва при Узун-Агаче – наиболее серьезное военное столкновение между Кокандским ханством и русскими казачьими войсками, когда-либо происходившее в окрестностях Верного. Со слов одного из очевидцев (Евграфа), автор описывал укрепление Верное по состоянию на 1860 г. как «еще не вполне отстроенную крепость». Комендант г. Верного Г.А. Колпаковский, узнав о приближении неприятеля, решил дать сражение не в районе крепости, а на открытом пространстве, где русские войска могли продемонстрировать свои боевые навыки. Непосредственной причиной нападения на укрепление автор называет возвращение занятой русскими земли: «вскоре после взятия Верного (Алматы), осенью 1860 года, кокандское правительство вознамерилось отнять его у русских».

По сведениям Д.М. Долгорукова, кокандская армия состояла из «80 000 пехоты и кавалерии при 40 орудиях». Войско кажется чрезвычайно внушительным даже по нынешним меркам, поэтому автор оговаривается: «предположим, что из восьмидесяти тысяч человек, вышедших из Кокана, у [военачальника] Кан-Агата осталась всего половина в строю, но и с этою силой он мог легко раздавить Колпаковского». Куда подевалась другая половина столь огромного войска – автор умалчивает. Последующие события развивались по Д.М. Долгорукову следующим образом.

«Подходя к укреплению Кастек, Кан-Агат не хотел останавливаться для такого ничтожного пункта, в котором был весьма слабый гарнизон, и, пройдя несколько верст далее, расположился лагерем. Вечером в ставке кокандского военачальника был собран военный совет, все бии и начальники собрались на нем и наполняли всю обширную палатку. Кан-Агат послал за Евграфом.

– Скажи, пожалуйста, обратился он к нему, – выйдут ли к нам на встречу русские или запрутся в Алматах?

– Я думаю, что выйдут, – отвечал Евграф.

– Дай руку, – с живостью возразил Кан-Агат, и крепко пожал руку Евграфу. – Ты не мог мне сказать ничего более радостного.

Кроме рукопожатия Евграф получил от Кан-Агата богатый халат и десять червонцев. Предсказание Евграфа сбылось. Комендант Верного подполковник Колпаковский выступил из укрепления навстречу неприятелю с отрядом, состоявшим из двух рот пехоты и двух сотен казаков при четырех орудиях. Такой отряд против такого многочисленного неприятеля».

Выдвинувшись из укрепления Верное, в котором располагались семьи казаков, русское войско «сформировало каре, с пушками по углам, и... но я не военный и, к несчастью, не умею передать той картинности, с которою Евграф рассказывал мне это событие. Достаточно сказать, что Кан-Агат был разбит наголову под Узун-Агачем, и вся многочисленная его армия уничтожена. Случись такое блестящее дело у англичан или французов, вся Европа знала бы о нем, а у нас никто, я думаю, и не заметил его» [35, с. 310–311].

Разночтение в показаниях относительно количества войска, посланного Кокандским ханством против укрепления, представление Верного так, будто оно существовало до казаков и было «взято ими», введение прямой речи, характерной для прозы, в повествование, претендующее на документалистику, изложение событий по слухам, полученных от «приятеля Евграфа», свидетельствует о желании Д.М. Долгорукова изложить важное (для местных) историческое событие. Однако рассказчику всё же не хватает фактов и опыта, о чем он дважды заявляет сам: войско уменьшается с 80 000 до 40 000, да и сам автор, по его собственному признанию, «не военный», и ему не хватает слов для живописания события. Тем не менее рассказчик, по-видимому, получил сведения об Узун-Агач-

ском сражении спустя несколько лет после его окончания. Событийно оно соответствует сведениям из других источников. Сомнения возникают в основном в связи с численностью кокандского войска и боеспособностью каждого в нём присутствующего. Не подсчитаны ли у Д.М. Долгорукова отдельно люди и отдельно лошади (а также другие домашние животные), которые суммарно дали цифру в виде 80 000 боевых единиц?

Можно ли считать, что без войны с Кокандом г. Верный не возник? Ответ на это вопрос, скорее, отрицательный: причиной переселения казаков с севера России на юг стал поиск угодий с мягким (относительно севера) климатом и возможность улучшить производительность своего труда в более благоприятных природных условиях. К тому же имела государственная необходимость усиливать своё присутствие в регионе в рамках русско-кокандского, а затем и русско-китайского противостояния. Город вроде Верного обязательно бы возник у подножий Заилийского Алатау, учитывая его удобное расположение.

Н.В. Леденев в своей «Истории Семиреченского казачьего войска» (1909 г.) сообщает: «Рекогносцировка убедила начальника отряда, что эта долина [между реками Большая и Малая Алматинка], по удобству добывания леса, большому количеству прекрасной, перерезанной арыками (оросительные каналы), земли и обилию сенокосных мест, несравненно лучше долины реки Иссык... С основанием здесь русского поселения за этой долиной оказалось бы еще и то преимущество, что все лучшие кочевья и земледельческие местности Дулатов – одного из наиболее сильных и влиятельных тогда родов киргиз – были бы у нас под руками» [54, с. 75]. К тому же рядом с горами возник не только г. Верный, но станица Софийская (г. Талгар), станица Надеждинская (г. Иссык), выселок Любовный (г. Каскелен) и т. д. В отсутствие угрозы со стороны Кокандского ханства Верный в таком случае мог не получить статус укрепления, не стать частью «войны крепостей» и носить, возможно, иное название.

Изначально укрепление Верное задумывалось именно как военная база, что подтверждается письменными источниками. В упомянутом выше многотомном издании «Столетие военного министерства (1802–1902 гг.)» причиной возникновения данного поселения называется необходимость прочного закрепления русских войск в

регионе. В середине XIX в. Сибирское войско наращивалось как с точки зрения количества людей, так и их вооружения. В 1848 г. состав этого войска был усилен причислением к нему 3600 крестьян, переселенных в киргизскую степь из внутренних российских губерний. Сведения о данном факте содержатся в предписании Военного министра от 21 марта 1848 г., на которое сделана ссылка в указанном издании. К 1850 г. численность офицеров и служилых (строевых и резервных) казаков Сибирского войска уже превысила 12000 человек. Был сформирован новый полк. Одновременно с увеличением численности войска множилось и число «поселений войска», выдвигавшихся на юг, в Семиречье и Зайсанский край [88, с. 252]. Именно в это время были устроены поселения Кокпекты, Капал, Лепса, Урджар и укрепление Верное (1854 г.).

ОПИСАНИЯ ГОРОДА ВЕРНОГО ДО 1917 г.

Приток населения в защищенный город способствовал его росту и процветанию. Невзирая на постоянно беспокойную военную обстановку, в Заилийский край устремились путешественники и исследователи. Изначально город казался им новым и неустроенным, однако, чем больше времени проходило от его основания, тем разительнее менялись отзывы о нём.

В 1879 г. И. Зарубин предпринял путешествие в Среднюю Азию, что нашло отражение в подробных путевых заметках, опубликованных в нескольких номерах «Русского вестника». Город казался ему «довольно большим, насчитывающим до 15 000 жителей. Он разделяется на новый город, старый город (Алматинская станция), Алматинский выселок и Татарскую слободку. В нем есть сносные гостиницы, несколько лавок и магазинов, множество деревянных домов, но все это бедно, серо и грязно и в общем вовсе не похоже на главный город области» [40, с. 653].

На момент проезда И. Зарубина город стоял на протяжении 25 лет. Характеристика Верного как «бедного, серого и грязного» была вызвана, по-видимому, сырой, дождливой и, вероятно, прохладной погодой (путешественник прибыл в город 5 апреля 1879 г. – в разгар весны и период активного таяния снега). Хотя нельзя не признать: на тот момент добротных улиц, которые бы не разворотили своими колёсами телеги и своими копытами лошади, в городе ещё не существовало. Впечатления И. Зарубина сводились к двум вещам: грязи в самом городе и великолепным горам. Каких-либо иных сведений о Верном, помимо приведенных выше, путешественник, объездивший всю Среднюю Азию, своим читателям не сообщал.

П. Калитин, проезжавший по Семиречью в составе войска в ходе Ахалтекинской экспедиции против текинцев в Туркмении весной 1880 г., увидел город Верный «живописно расположенным у подношвы Алматинского хребта, по обоим берегам горной речки Алматинки, широко и свободно раскинувшейся между садами. [Город] производит чрезвычайно приятное впечатление своим чисто русским населением и деревянными постройками с каменными церквями, общественными зданиями и хорошим гостиним двором». П. Калитин отметил огромные успехи в усилиях переселенцев, касающихся предания краю цивилизованного вида и строительства городов: «20 лет тому назад здесь кочевали лишь киргизы,

номинальные подданные кокандского хана, и была голая степь; а теперь, благодаря неутомимой энергии первого русского пионера и администратора, возник цветущий город, и быстро разрастаются с каждым годом русские поселения, созданные его неусыпными трудами и заботами» [48, с. 80].

Н.В. Сорокин, побывавший в г. Верном в 1884 г. (т. е. через 30 лет после его основания), дал городу столь же положительную характеристику, испорченную, однако, никудышным гостиничным обслуживанием. Названный автор оговаривается, что он оставляет «научный отчет до более благоприятного времени», но на страницах «Исторического вестника» желает поделиться «с читающей публикой теми впечатлениями, которые волной нахлынули на него во время трудного пути по горам и долинам русского Тянь-Шаня».

По состоянию на 1884 г. Н.В. Сорокин упоминает в г. Верном единственную «гостиницу Алихина» (напомним: И. Зарубин за 5 лет до этого говорил о нескольких «сносных гостиницах», а П. Калитин 4 года тому назад вёл речь об одном «хорошем гостинице дворе»). «Хотя из окон номера, снабженного балконом, и развертывается красивая панорама гор, — продолжает Н.В. Сорокин, — но грязь и нечистота моего временного жилища отличались колоссальными размерами. Слуга-еврей Ицка до такой степени был засален и ходил до такой степени неряшливо, что мог отбить всякий аппетит, когда подавал кушанья».

Верный 1884 г. напомнил путешественнику города, расположенные на юге и юго-западе (Ташкент, Пишпек), но в то же время они до боли напоминали ему уездные поселения российской глубинки. «Улицы и базар отчасти напоминают собою Ташкент: те же арыки, те же густые тальники и пирамидальные тополи... Базар, как и вообще среднеазиатские базары, представляет невообразимый хаос: тут и ослы с дровами и корзинами, и коровы, нагруженные всякой всячиной, и лошади, везущие сразу двух киргизов. Крик, шум, гам. На высоких арбах зеленеет целый стог клевера. Разноцветные, громадных размеров, зонтики защищают от солнца таранчинцев [этническую группу уйгуров] с цветной капустой, урюками и абрикосами. Изредка прошмыгнет белый русский солдатик в розовых чамбарах с кульком под мышкой».

Особенно красивым показался путешественнику проспект генерала Г.А. Колпаковского (переименованный впоследствии в про-

спект В.И. Ленина, а затем – в проспект Достык). «Прекрасный губернаторский дом, художественно построенный архитектором Гурде, гораздо лучше Кауфмановского, а здания гимназий и некоторых частных лиц могли бы украсить любой губернский город в Европейской России... Загородная дача генерал-губернатора, находящаяся в ущелье гор, в 10 верстах от города, замечательно красива по своему местоположению». Благоприятное впечатление на путешественника произвели «два сада для гулянья публики; в них играют оркестры музыки. Что касается до так называемого Казенного сада, то, принимая в расчет климат города Верного, можно было бы ожидать от него большего разнообразия цветов и растений вообще; кроме самых обыкновенных, я не увидел ничего».

Весьма пестрым в 1884 г. показался Н.В. Сорокину этнический состав населения, причем он умел хорошо отличать одних «туземных жителей» от других. «По улицам то и цело скачут калмыки с длинными женскими косами, киргизы важно покачиваются на верблюдах, китайцы, в огромных соломенных шляпах и с веером в руках, возят двухколесные тележки с овощами. Прогремит пара офицерских лошадок, разубранных бляхами и бубенцами, или мягко прокатится большая коляска с франтовато одетыми дамами на сытых серых конях» [84, с. 369–370]. Современному читателю покажется диковинным наличие китайцев в национальной одежде на улицах г. Верного, однако во второй половине XX в. китайская граница была более чем прозрачна, а г. Кульджа не только содержал в себе гарнизон русских солдат, но даже чем-то был похож на г. Верный. Там размещалась русская церковь и некоторые другие постройки [47, с. 898].

Характеризуя смешение русского и восточного колорита в г. Верном, путешественник отметил чрезвычайную эклектику культур, закончив описание города так: «Все это, вместе взятое, представляет весьма оригинальную картину. Даже оборванные старики-нищие, у которых сквозь рубище проглядывает голое коричневое тело, живописны, а калмычки с длинными черными косами, остроконечными шапочками, одетые в до невозможности грязных и длинных рубашках, так и просятся на картину. На одной из улиц можно встретить даже кибитку с целым семейством киргизов; голые детишки бегают и играют у арыка, лошади пасутся, ходят бараны и коровы, а сама хозяйка, спустив с плеч сорочку и спрятав в тын голову, выставила на солнышко жирное лоснящееся тело и предается кейфу. Как видно, здесь ничем не стесняются» [84, с. 370–371].

Невзирая на некоторые моменты, показавшиеся русскому путешественнику удивительными (например, восточная эклектика, смешение культур и национальностей, не характерные для русской глубинки), он крайне тепло отзывался о городе. Укрепление притягивало не только своей расположенностью у непреступной громады гор и великолепными видами, но навевало успокоение и оставляло в душе глубокий след. «Верный со своей оригинальной обстановкой и радушным обществом до такой степени понравился мне, что, когда наступила минута отъезда, когда лошади были закуплены, а джигиты наняты, – мне не хотелось уезжать оттуда» [84, с. 371]. Очарованный оригинальностью этого места, его насыщенной жизнью, путешественник уже не обращал внимания на «колоссальные размеры нечистоты временного жилища», каковым отличалась единственная в городе «гостиница Алихина».

Среди видных государственных деятелей Российской империи, живо интересовавшихся Средней Азией, был российский ученый-юрист и государственный деятель Георгий Константинович Гинс (1887–1971 гг.). Широко известны его книги «Какие начала должны быть проведены в водном законе для Туркестана?» и «Действующее водное право Туркестана и будущий водный закон», вышедшие в 1910 г. В 1911 г. в журнале «Исторический вестник» был опубликован значительный по объему отчет (или, скорее, очерк) о поездке по Туркестанскому краю, названный «Таранчи и дунгане». Его автор, будучи юристом, интересовался обычаями и обычным правом местных жителей. Г.К. Гинс справедливо подчеркивал, что «если большинство обитателей нашей великой родины мало знает о киргизах, то о таранчах и дунганах оно могло и не слышать. Вот отчего могут оказаться небезынтересными даже маленькие очерки об их бытовой обстановке» [28, с. 672].

Подготавливая материалы для проекта водного закона, в 1909 г. Г.К. Гинс изъездил значительную часть Семиреченской области, а именно северо-восточную часть Туркестана. Описание своего пути юрист начал с г. Верного. Отмечая великолепные виды заснеженных вершин из любой точки города, Г.К. Гинс отметил «убийственную скучность» самого города. Он сообщал, что вся интеллигенция выезжает летом из города в предгорья, на свои дачи. О традиции проводить лето в горах (о культуре дачного строительства) сообщал и Н. Зарубин ещё в 1879 г. [40, с. 655].

Летом, по словам путешественника Г.К. Гинса, улицы города становились пустынными и покинутыми образованными людьми. Разумеется, из города уезжали не все (часть должна была работать, да и дачу-поле-огород не всегда можно назвать местом для отдыха), но все-таки можно сделать вывод, что культура дачного отдыха и строительства загородных домов была характерна для отдельных жителей г. Верного не только в начале XX в., но сложилась намного ранее. Вероятно, почти сразу после основания города. Что касается «пустынных улиц» Верного, то виной тому была, по видимому, сильная жара – частый спутник июля и августа.

Описывая обычаи и образ жизни местного населения, путешественник отметил довольно интересную деталь: «Превосходство дунган над другими жителями Семиречья чувствуется во всем. Они аккуратнее, чище, работоспособнее. Вот отчего дунганская слобода в городе Верном богаче других, а огороды дунган вытеснили русские». При этом, «что касается обычаев и правовых воззрений дунган, то они имеют некоторые отличия от таранчинских [этнической группы уйгуров], но в общем последние характерны для обоих племен». Г.К. Гинс, будучи юристом, не преминул отметить и такие особенности судебной системы г. Верного и окрестностей: «Лучшими знатоками закона являются не судьи, а муллы. Судьи, казии, знают жизнь, и разбирают они житейские дела по чутью справедливости, а писаный закон, отвлеченные нормы права [т.е. правовую теорию] знают всегда лучше начитанные муллы» [28, с. 700].

Путешественники неоднократно отмечали грязь на улицах Верного (И. Зарубин, 1879 г., Н.В. Сорокин, 1884 г.). Хотя были и такие, кто её вовсе не заметил (П. Калитин, 1880 г., Г.К. Гинс, 1911 г.). Остановившись на «грязи» подробнее, стоит заметить: внешняя неустроенность городского хозяйства, никудышные дороги и антисанитария – неотъемлемый спутник как малых, так и больших городов Российской империи вплоть до второй четверти XX в.

В «Русском вестнике» за октябрь 1889 г. в разделе «Внутреннее обозрение» был затронут вопрос «народного здоровья и забот о нем общественных управлений». Автор заметки указывал: ежегодный расход на содержание земского управления составлял 26,7 млн руб. (не считая ещё 4 млн руб., выделяемых на учреждения по крестьянским делам и судебно-мировую юстицию). Справедливо отмечалось: почти все населенные местности на обширнейшей территории России «отличаются грязным содержанием жилищ, дворов,

улиц, площадей и разных торговых заведений, накоплением всякого рода нечистот или несвоевременным удалением и обезвреживанием их, что ведет за собой загрязнение почвы органическими веществами, порчу вод и воздуха».

Неизвестный автор заметки, указывая на огромный объем государственного финансирования, винил в антисанитарии низкие штрафы, налагаемые мировыми судьями на виновных в загрязнении земель и водоёмов (от 50 копеек), и нежелание местной власти серьезно взяться за дело. В качестве отрицательного примера, наряду с Самарой, Полтавой, Варшавой и Курском, где нечистоты сливались прямо в водоёмы и откуда население впоследствии само же брало питьевую воду, описывалась ситуация в г. Верном. В этом областном городе, по информации Медицинского департамента, «администрацией постановлено было свозить навоз на указанное место, ниже города, и там выделять из него кизяк, что население и исполняло. Но городская дума обжаловала это постановление в Сенате, который, отменив распоряжение администрации, предоставил обывателям право копить навоз в городе по дворам с 15-го сентября по 15-го мая. Произвол администрации был устранен, но вслед затем в городе развилась упорная перемежающаяся лихорадка» [18, с. 334–335].

Во второй половине XIX – начале XX в. служба государственного здравоохранения не оказывала значительного влияния на государственную жизнь. Административное руководство, жестко совмещенное (в особенности на окраинах) с военным руководством и осуществляемое соответствующими методами, не придавало особого значения санитарно-гигиеническим правилам. В России периода империи (до 1917 г.) высшим должностным лицом местной администрации являлся генерал-губернатор, обладавший гражданской и военной властью. Более того, старое поколение, как правило, сопротивлялось нововведениям. Ситуация с «удобством» хранения навоза в непосредственной близости от своих жилищ (прямо во дворе или на улице за забором) – яркий тому пример.

Лишь с получением новых научных знаний, пропагандой здорового образа жизни и обучением населения санитарно-гигиеническим правилам ситуация начала меняться в первой половине XX в. Таким образом, если в нечистоте улиц, в том числе и в городе Верном, можно было обвинить местную администрацию, то в грязи и антисанитарии в жилищах, гостиницах и магазинах были виноваты исключительно сами их владельцы.

ЭКОНОМИКА И ТОРГОВЛЯ В ГОРОДЕ ВЕРНОМ

Сведения об экономических показателях развития города в ранний период его существования в периодических изданиях исторической и общественно-политической тематики обнаружить сложно. Издания исторической и историко-литературной направленности нечасто печатали «утомительную» для рядового обывателя статистику. Служилые люди в своих мемуарах и тем более путешественники в своих воспоминаниях описывают внешний облик города и свои впечатления от него, избегая чисел. И только некоторые прирожденные исследователи вроде П.П. Семенова-Тян-Шанского или малоизвестные экономисты, любители торгового дела, государственные служащие и журналисты сообщают в своих работах конкретные цифры о населении, магазинах и лавках, предприятиях, церквях, школах, заработной плате и т. д.

Немецкий социолог, философ и экономист М. Вебер в фундаментальной работе «Город», увидевшей свет в 1921 г., отмечал: город в экономическом смысле существует там, где население продаёт и покупает (обменивает) жизненно необходимые товары на местном рынке. Эти товары могут производиться в городе или окрестностях, а могут привозиться издалека. Главное, чтобы в поселении существовал рынок – т.е. осуществлялась купля-продажа товаров и услуг как в виде отдельных магазинов, так и в виде периодических или постоянно действующих ярмарок [13, с. 11–12]. При этом чем более развит рынок, тем более крупным, устойчивым и независимым становится город. Экономический механизм, формируемый рынком, способствует росту и процветанию города.

Особое место в описаниях экономики и торговли в г. Верном, увидевших свет в периодических изданиях журнального типа, занимает статья А.Г. Ротчева «Очерки торговли Семиреченской области в 1868–1869 гг.», опубликованная в журнале «Русский вестник» в 1870 г. Именно с этого года читатели указанного журнала узнают о существовании Верного. В 1969 г. Семиреченская область (в некоторых своих местностях) была подвергнута «генеральной проверке торговли и промышленных заведений». Автор задавался актуальными вопросами о возможности соединения «среднеазиатских рынков с рынками России», указывал на «враждебную ко всяким успехам России на Востоке английскую печать», вел речь о

необходимости развития торговли в регионе и о сопутствующей ей крайней нужды в строительстве железной дороги в Среднюю Азию. Сообщалось о национальном составе торговцев. А.Г. Ротчев разделил торгующих в регионе на два типа: русские, которые торгуют исключительно в городах и станицах, а также «татары и сарты, в руках которых находится в степи положительно вся торговля. Торговцы сарты преимущественно ташкентцы, бухарцы, кашгарцы и номонганцы» [78, с. 410–414].

«Генеральная поверка торговли и промышленных заведений» (чтобы это ни значило и как бы она ни проводилась – автор умалчивает о методологии), впервые в Семиреченской области произведенная в 1869 г., дала результаты, выраженные в конкретных цифрах. Учитывая довольно интересную и спорную на сегодняшний день классификацию торговых заведений, противоречия в названии заведений, приводимых в разных столбцах таблицы, а также не вполне ясное разделение товаров на группы, особенно в торговых точках, реализующих ряд не связанных друг с другом категорий товаров одновременно, имеет смысл привести сведения в том виде, в котором их представил сам А.Г. Ротчев (табл. 1).

Таблица 1

Сведения о количестве торговых заведений и питейных домов в г. Верном и ближайших станицах по состоянию на 1869 г.
(по А.Г. Ротчеву)

Название предприятия	Разных заведений	Лавок	Питейных домов
<i>Город Верный</i>			
Лавок, торгующих мануфактурными и колониальными товарами, красным товаром, азиатскими бумажными товарами и др.	–	17	–
Балаганов и лавочек, производящих мелочную торговлю азиатскими товарами, колониальными и разными мелочными изделиями	–	142	–
Чайных лавок	–	2	–
Биржевые весы	1	–	–
Станционные заведения	2	–	–
Биржевые заведения	3	–	–
Фотографическое заведение	1	–	–
Часовых дел мастер	1	–	–

Окончание таблицы 1

1	2	3	4
Купеческая контора В.П. Кузнецова	1	—	—
Питейных домов	—	—	1
Ларей, торгующих сушеными фруктами, мылом, табаком и прочей мелочью	55	—	—
Винокуренный завод	1	—	—
<i>Станица Мало-Алматинская</i>			
Питейных домов	—	—	9
Лавок	—	2	—
Баня торговая	1	—	—
<i>Выселок Надеждинский (г. Иссык)</i>			
Мелочных лавок, торгующих азиатскими товарами, мясом, мылом, табаком и пр.	—	4	—
Питейных заведений	—	—	3
<i>Выселок Любовный (г. Каскелен)</i>			
Лавка	—	1	—
Питейных домов	—	—	2
<i>Станица Софийская (г. Талгар)</i>			
Лавок, торгующих мануфактурными и колониальными товарами, азиатскими мерлушками [шкурами ягненка] и разной мелочью	—	2	—
Лавочек	—	9	—
Питейных домов	—	—	6
Винокуренный завод	1	—	—

Вдобавок к вышеперечисленным А.Г. Ротчев опубликовал в табличной форме сведения о заведениях в г. Сергиополь, в станице Урджарской, станице Лепсинской Сергиопольского уезда, в Токмаке, в выселке Саркандском и Арасанском, в выселке Карабулакском, в городе Капал, в волостях Капальского и Кульского уездов.

Выходило, что в г. Верном по состоянию на 1869 г. имелось более 200 торговых точек, не считая, по-видимому, базарной торговли. Довольно много для города, возникшего в степи за 14 лет до даты «генеральной поверки». В контексте веберовского понимания «города», при котором для признания поселения таковым требовался развитый рынок (экономический механизм), Верный за

столько короткое время достиг впечатляющих успехов. К сожалению, А.Г. Ротчев не коснулся сферы услуг (например, парикмахерских, ремонтных, строительных, гостиничных и т.д.). Что касается последних, то, по сообщению Н.В. Сорокина, побывавшего в Верном в 1884 г., в городе на указанную дату имелась единственная «гостиница Алихина» [47, с. 898]. И. Зарубин сообщал, что в 1879 г. гостиниц было несколько [40, с. 653]. Здесь, однако, не всё так просто: приезжие, разумеется, могли располагаться «на квартирах», учёт которых – дело крайне скользкое и чрезвычайно неточное даже в наши дни.

Стремясь продемонстрировать на конкретных показателях возможности чистого дохода от переработки сырья, автор особо отметил наличие в г. Верном кожевенного производства на заводе купца Лисина. Из ведомости, доставленной в Верненское полицейское управление, следовало: завод Лисина купил сырой кожи на 4 148 руб. 60 коп., обработал их, затратив 5 177 руб. 50 коп., и продал на общую сумму в 14 129 руб. 14 коп., в результате чего приобрел «чистого барыша 4 808 руб. 8 коп., то есть с лишком 50 процентов на затраченный капитал». Подчеркивая неисчерпаемые возможности предпринимательства в Верном, А.Г. Ротчев указал: завод существует всего два года и уже добился значительных успехов. На основе чего автор «Очерков...» сделал вывод: «подобные результаты и даже, может быть, и более значительные дали бы здесь заводы сахарные, при блистательных сборах свекловицы, которая родится здесь превосходно, – стеариновые, а также и табачные плантации». Огромный потенциал и выгоду для купцов А.Г. Ротчев видел также в торговле чаем, теми его сортами, которые «наиболее приятны вкусу среднеазиатцев» [78, с. 417–420, 427–428].

Не ограничиваясь имеющимися данными, А.Г. Ротчев особо обратил внимание на необходимость налаживания торговли между Средней Азией и Центральной Россией. В «Очерках...» дословно цитируется уникальная записка генерала Г.А. Колпаковского, поданная в 1867 г. туркестанскому генерал-губернатору относительно необходимости обеспечения сбыта товаров Заилийского края и об устройстве пароходства по реке Или и озеру Балхаш. В записке приводятся расширенные сведения о производстве хлеба в регионе, о количестве населения, о способах повышения отдачи сельскохозяйственной деятельности, о возможностях сбыта продукции и т.д. Это свидетельствует о том, что военный губернатор

Семиреченской области проявил себя не только как талантливый военнослужащий, но и не менее одаренный административный организатор, имеющий представление о гражданских экономических связях.

Как следует из записки Г.А. Колпаковского, «мысль о необходимости учреждения пароходства по реке Или и озеру Балхаш не нова: еще в 1856 году была снаряжена генерал-губернатором Западной Сибири экспедиция для исследования возможности плавания по означенным водам. Но в то время все внимание начальника края было обращено на внешнюю торговлю России с Китаем – Ирбита с Кульджей, так что с началом волнений в Илийской провинции, с уничтожением сказанной торговли, устройство пароходства на реке Или было отложено. К тому же в то время, то есть в 1856 году, Заилийский край, можно сказать, еще не существовал для России, а, следовательно, не было и вопроса о потребностях этого края, как не было и самих потребностей».

Записка Г.А. Колпаковского даёт представление о том, что уже к 1867 г. река Или была хорошо изучена с точки зрения навигации. Сведения о ней в цитируемом документе выглядят следующим образом: «Река Или вскрывается около половины марта и становится в ноябре и декабре. Средняя скорость её течения $4\frac{1}{2}$ версты в час. На всем течении своем в наших пределах она судоходна. Самые мелкие места в низкую воду, в ноябре, песчаный перекат у устья реки, на котором вода опускается до $1\frac{1}{2}$ аршина, и каменный порог в 40 верстах ниже Илийского пикета, над которым воды, в то же время года, бывает от $1\frac{3}{4}$ до 2 аршин. С марта месяца, от таяния снегов, вода в Или повышается на 1 аршин. В июне и июле она достигает наибольшей высоты, прибывает еще на аршин. В августе, когда горы начинают покрываться снегом, вода начинает убывать и достигает наименьшей высоты к ноябрю. Озеро Балхаш не представляет препятствий для плавания все время, когда оно не покрыто льдом, то есть с апреля по ноябрь». По итогам изложения сведений о реке Или было предложено запустить по ней первый пароход [78, с. 421–422].

Первоначально предполагалось, что судоходством на реке Или займется наиболее богатый и влиятельный в регионе («единственный денежный и предприимчивый человек в области») купец В.П. Кузнецов, контора которого находилась в Верном. Однако для

строительства барж и необходимой для их обслуживания инфраструктуры (пароходов, доков, пристаней), требовались огромные денежные средства. По расчётам, требовалась ссуда в сумме не менее 60 000 руб. В своей записке Г.А. Колпаковский просил выделить на это денежные средства в размере 17 000 руб. «киргизского капитала» и часть войскового капитала из Сибирского казачьего войска [78, с. 423]. Со временем на Или судоходство действительно было организовано и в какой-то мере поспособствовало развитию региональной торговли. Однако приход в Семиречье железной дороги, строительство рельсовых веток по всем направлениям многократно уменьшили значимость речного транспорта. К тому же река Или с её мелководностью и непредсказуемым изменением фарватера доставила немало хлопот людям, решившим заняться на ней корабельным ремеслом в промышленных масштабах.

В ХХI веке река Или является несудоходной, поскольку в её течении построена Капчагайская ГЭС плотинного типа. Река была перекрыта 29 сентября 1969 г. О судоходстве на реке в нынешнее время напоминает лишь множество затонувших кораблей и барж, омываемых неспешным течением. Их вершины ржавеют над поверхностью воды.

ВЕРСИИ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТОПОНИМА «АЛМАТЫ» И ДОИСТОРИЯ ГОРОДА

В литературе давно ведутся споры об истинном значении слова «Алма-Ата». В дореволюционных периодических изданиях исторической и общественно-политической тематики, в отличие от современных публикаций, приводятся достаточно однообразные и непротиворечивые точки зрения на данный ойконим. В частности, Г.К. Гинс считал, что «Алмата – местное название г. Верного – означает яблоню, так как Верный славится чудным апортом» [28, с. 676]. Аналогичную версию озвучил и Н.В. Сорокин, причем он был уверен, что история города начинается со «средних веков»: «После занятия русскими Заилийского края в 1853 году, в следующем же [1854] году было заложено укрепление Верное, на том месте, где в средние века был город Алматы, т.е. Яблонный, известный по своей торговле и служивший станцией на пути следования караванов многих народов и, между прочим, генуэзских купцов в Китай. Укрепление явилось с целью упрочения русской власти над Большой Ордой и до сих пор известно между туземцами и многими русскими под названием Алматы» [84, с. 369]. Н.В. Сорокин, таким образом, распространяет «яблочный топоним» на Алматы периода средних веков. Публикация указанного автора увидела свет в «Историческом вестнике» в 1886 г.

В заметке, опубликованной в журнале «Отечественные записки» за 1867 г., указывалось: «киргизы Большой орды, кочующие в Илийском краю бывшей Джунгарии, приняли русское подданство в 1846 г. Для защиты их от набегов враждебных им народов Средней Азии русские войска проникли за реку Или, овладели Заилийским краем и основали в 1854 г. укрепление Верное, на том месте, где находился некогда известный по своей торговле город Алматы, то есть Яблонный» [39, с. 94]. Данная публикация является обзорной рецензией на статью из первого тома «Записок Императорского Русского географического общества (по общей географии)», вышедшего в том же 1867 г.

В 1879 г. в «Русском вестнике» выходят обширные путевые заметки И. Зарубина «По горам и степям Средней Азии». Путешественник лично побывал в Верном, детально описал свою поездку

по дорогам в город и от города, сообщив о нём читателям следующие данные: «город Верный, столица Семиреченской области, основан в 1854 году, при Гасфорте. Недавно это была простая деревушка, построенная нашими казаками на месте прежнего туземного поселения Алматы (яблонный)» [40, с. 653].

Аналогичные сведения о городе приводятся и в журнале «Нива», в заметке о семиреченском землетрясении, случившемся 22 декабря 1910 г.: «Верный возник в 1853 году по занятии нами Заилийского края. Вначале это было небольшое укрепление, построенное для защиты от набегов горных кара-киргизов на месте существовавшей до этого времени станицы Алматы (Яблоновой)» [42, с. 98]. Дублирование сведений о городе из одной статьи в другую способствовало становлению и утверждению образа «яблочного» города с двойным (Верный / Алматы) названием и закреплению именно такого образа о нём в сознании читателей.

Отвлечемся от периодики и обратимся для сравнения к изданиям иного типа. В фундаментальном по широте охвата «Географическо-статистическом словаре Российской Империи», составленном П.П. Семеновым (он же позже П.П. Семенов-Тянь-Шанский), первый том которого вышел в свет в 1863 г., имеется статья «Алматы». Словарь сообщает, что «Алматы» – это «долина в Заилийском Алатау, заросшая целыми рощами диких яблоней и абрикосов и довольно обильная строевым лесом. При выходе этой долины расположено укрепление Верное, главное русское поселение в так называемом Заилийском Алатау на высоте 2,500 ф. Речка большая Алматы впадает в Каскелен, левый приток р. Или. В вершинах р. Алматы находится чрезвычайно затруднительный горный проход северной цепи Заилийского Алатау, достигающий исполинской высоты 10,870 р. ф. Он ведет к истокам Кебина, одного из верховьев р. Чу. *Под именем Алматы туземцы разумеют также и укрепление Верное*». Источником сведений для статьи послужила рукописная заметка самого П.П. Семенова [26, с. 84].

В самостоятельной статье, посвященной собственно Верному, отмечено следующее: «Верное, у *киргизов Алматы*; укрепление, Семипалатинской об., Алатаевского окр., расположено в так называемом Заилийском крае, в 70 вер. к ю. от р. Или, у северной подошвы Заилийского Алатау, при выходе из гор реч. Алматы... Верное основано в 1855 г. на землях подчинившихся России киргизов

Большой орды, для защиты их от набегов соседних дикокаменных или кара-киргизских племен и ныне служит местопребыванием приставу Большой орды и подчинившихся кара-киргизов. Верное состоит из двух Алматинских станиц, татарской слободы, укрепления, церкви и мечети. Дворов в 1860 г. было до 600; жителей 3700 казаков и переселенных крестьян, да несколько сот душ в татарской слободе, всего более 4000». Далее сообщаются сведения из предыдущей статьи, касающиеся плодородной почвы, обилия леса и пригодности «подгорной страны» для земледелия [26, с. 584]. Источниками сведений для статьи послужили опубликованные незадолго до этого печатные издания.

В статье «Заилийский край» всё того же «Географическо-статистического словаря Российской Империи» не приведены новые сведения о Верном / Алматы, однако был подчеркнут тот факт, что укрепление было основано «на берегу реки Алматинки». Подразумевалось, что военное укрепление имело постоянное снабжение питьевой водой и не могло испытывать в ней нужды. В этой же словарной статье давалась демографическая характеристика Верного и соседних поселений. Так, по состоянию на 1860 г. укрепление Верное насчитывало 3800 душ обоего пола, Софийское на реке Талгар – 1620, Надежное на реке Иссык – 1300, Илийское на реке Или – 40. С учетом того, что в 1860 г. Россией было основано ещё одно поселение – Кастек на одноименной реке, выходило, что всё русское население Заилийского края составляло 8000 человек. Указанные сведения были приведены в словаре на основе рукописей П.П. Семенова [27, с. 249].

Из материалов трех словарных статей можно сделать следующие выводы.

Во-первых, «Алматы» – более широкая по географическому охвату территория, не ограниченная границами города в том виде, в котором он существовал на момент составления словаря (1860 г.). Следовательно, Алматы – не только ойконим (название населенного пункта), но и неоднократно упоминаемый хороним (название одноименной географической территории, «роскошно заросшей рощами яблоней и абрикосовых деревьев») [41, с. 11].

Во-вторых, Верный и его поселения-спутники были основаны на одноимённых реках. Следовательно, «Алматы» – ещё и, вдобавок ко всему, гидроним (название водного объекта [74, с. 14,

46–47])). Ойконимами и гидронимами являлись и иные упомянутые в статье поселения – Талгар, Иссык, Или.

В-третьих, к 1860 г. Верный всё ещё считался именно укреплением, а не городом, причем относительно густонаселенным. Это подчёркивало его военный характер. При этом лишь Верный назван укреплением, в то время как Софийское, Надежное, Илийское и Кастекское были упомянуты в качестве поселений.

В-четвёртых, с момента основания города «Алматы» и «Верный» стали равноупотребимыми именами собственными. Первое название активно использовали «туземцы», второе – казаки-переселенцы.

Отметим расхождение в названии современного города Иссык на одноименной реке. В словарной статье «Заилийский край», приведённой во втором томе «Географическо-статистического словаря Российской Империи», поселение называется «Надежное» [27, с. 249]. Однако в другой словарной статье первого тома этого же издания – «Ала-Тау» – речь идёт о поселении «Надеждино» [26, с. 45]. Таким образом, допущено смешение слов, от которых произошёл ойконим – «надёжность» и «надежда». В обоих случаях автором статей значится П.П. Семенов. Упрекнуть автора в незнании географии нет никаких оснований, поскольку он лично неоднократно бывал в этих местах сразу после основания г. Верного и вел дневниковые записи [41, с. 16–17].

Причём данное разночтение в письменных источниках обнаруживается не единожды. Так, в «Вестнике Европы» за 1969 г. была опубликована статья государственного служащего Н. Фридерикса «Туркестан и его реформы. Из записок очевидца». В 1867 г. он входил в специальную комиссию, занимавшуюся новым административно-территориальным делением, переписью юрт, их владельцев и т.д. В своих «Записках очевидца...» автор писал: выехав из Верного в степь 6 декабря 1867 г., они миновали «казачью станицу Надежинскую», в 50-ти верстах от города к востоку. Она являлась «последним пунктом русской оседлости» по направлению их пути. В 400 верстах от этого места располагалась «Китайская Сибирь» – крайняя северная точка владений Поднебесной [96, с. 692].

На указанное разночтение было обращено внимание и авторами более поздних дореволюционных исследований, в частности

Н.А. Леденевым (1909 г.). Описывая историю возникновения выселка, автор отмечал: «Местом для основания *будущей станицы Надёжной*, как в начале называли её, была избрана высокая долина реки Иссык, в северной же подгорной полосе Заилийского Алатау, близ выхода этой реки из гор, так понравившаяся еще в 1854 году занявшему край – Перемышльскому» [54, с. 115]. Обширный труд Н.А. Леденева был основан на детальном изучении, наряду с официальными публикациями, большого количества архивных источников. К 1909 г., когда работа «История Семиреченского казачьего войска» была готова к печати, за станицей давно закрепилось название «Надеждинская». Тем не менее сам Н.А. Леденев наверняка наткнулся в процессе сбора материалов на иное название станицы, отчего и сделал соответствующую ремарку в тексте своей работы.

Даже учитывая, что намного более распространенным названием указанной станицы / поселения является «Надеждинская», имя собственное «Надёжное», тем не менее, не может являться опечаткой либо письменным отражением особенностей произношения имени собственного. «Опечатка» слишком частая, причём встречается она в наиболее ранних публикациях. Судя по всему, имело место двойственное название поселения, во всяком случае, в начальный период его существования. Эта двойственность может быть связана, во-первых, с особенностями восприятия топонимов на слух (в том числе приезжими) и, во-вторых, с ложной (народной) этимологией, возникающей на базе такого искаженного восприятия. Нередко ложная этимология возникает на основе случайных сопоставлений, вызванных простым созвучием слов [72, с. 231–232, 315–316].

Основываясь на сведениях П.П. Семенова-Тян-Шанского, стоит особо отметить: название укрепления в виде «Верное» не являлось первоначальным. В течение первого года с момента основания поселение носило иное название. Об этом, в частности, П.П. Семенов-Тян-Шанский сообщает в работе «Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 годах». Работа была написана в 1856–1857 гг. по собственным дневникам – т.е. по свежим воспоминаниям, основанным на походных записях. Согласно этим записям, омский генерал-губернатор Г.И. Гасфорт «решил послать осенью 1854 года за реку Или рекогносцировочный отряд, состоявший из одного батальона пехоты и трёх сотен казаков. Экспедиция совершилась успешно.

Она высмотрела в семидесяти верстах от реки Или, у самого подножья Заилийского Алатау, при выходе из гор речки Алматы, идеально-прекрасное место для русского поселения, начало которому и было положено тогда же основанием здесь *укрепления Заилийского*, переименованного в следующем году в Верное» [81, с. 78].

Таким образом, новую, а затем и новейшую историю города Алматы с точки зрения ойкономии можно представить в виде ряда переименований: 1) укрепление Заилийское (1853–1854 гг.); 2) укрепление, а затем город Верный (1854–1921 г.); 3) город Алма-Ата (1921–1993 гг.); 4) город Алматы (1993 г. – настоящее время). Этот ряд можно увеличить за счёт встречающихся в отдельных письменных источниках наименований укрепления «Алматинское», «Яблоновое» и т.д. Однако все варианты по своему значению находятся в рамках трех основных понятий: 1) укрепление, расположенное за рекой Или, 2) укрепление / город Верный и 3) топоним, связанный с яблоками на нескольких языках. При этом на всём протяжении дореволюционной истории города (1854–1917 гг.) и немного дальше этого отрезка (до 1921 г.) в периодических журналах исторической тематики встречается параллельное наименование – Верный / Алматы. Очень часто рядом с одним из вариантов в скобках приводится второй [84, с. 369; 42, с. 98; 39, с. 85, 94; 35, с. 310].

Упоминания Алматы до даты фактического выбора места для строительства укрепления в 1853 г. [54, с. 75] и до официального основания г. Верного 4 февраля 1854 г. в периодических журналах исторической и общественно-политической тематики нами не выявлены. И это несмотря на то, что многие из этих журналов (см. список журналов в разделе «Характеристика источников») выходили в России до указанной даты. Какие-то разрушенные постройки («развалины») на этом месте существовали, однако они не привлекали к себе внимания русских до основания города казаками. Когда город был заложен и начал развиваться, закономерно возник интерес к его доистории. Обращаясь к местным легендам и преданиям, исследователи узнавали о том, что доистория действительно существовала и хронологию города можно значительно удреwnить. Судя по всему, город существовал не постоянно, его история была эпизодической: в разное время фиксировались как периоды активности, так и годы запустения.

Так, Г. Потанин в статье «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии» (1868 г.), написанной на основе «известий, извлеченных из Архива Областного Правления Сибирских Киргизов в Омске», указал на существование ряда «оседлых поселений бухарцев», использовавшихся, по меньшей мере, в качестве зимовок. Такие поселения-зимовки были зафиксированы исследователями XVII века на реке Беске и Иртыш, правда, уже в виде развалин. Г. Потанин предположил, что «вероятно, подобные оседлые жилища находились в Алматах и на Таласе» [76, с. 22]. Таким образом, Г. Потанин выдвинул гипотезу, согласно которой на территории вновь основанного города Алматы ранее находились зимовки кочевников.

Как видим, местные жители, а также казаки-переселенцы не ощущали и не считали себя первыми поселенцами. Во множестве публикаций того периода (вторая половина XIX – начало XX века) при описании ранней истории города почти всегда упоминаются еще более ранние постройки на этом месте. История города его жителями часто удревнялась, по меньшей мере, до Средних веков. Столь распространенное мнение о наличии каких-то построек на месте города Верного не может являться всеобщим заблуждением. Уже в тот период оно возникло на основе наблюдения руин и рассказов «туземного населения».

ТОПОНИМ «АЛМАТЫ» ЗА ПРЕДЕЛАМИ СЕМИРЕЧЬЯ

Как дореволюционные, так и современные исследователи при упоминании имени собственного «Алматы» и производных от него топонимов рисуют в своём воображении город в центре Семиречья у подножия высоких гор с заснеженными вершинами. Складывается впечатление, что этот город, а также реки в его пределах – Большая и Малая Алматинка – единственные носители имени собственного «Алматы». Однако это не так.

При исследовании ряда дореволюционных журналов нам на глаза попало упоминание ещё двух абсолютно идентичных топонимов. В обоих случаях это имя собственное (как и в случае с Семиречьем) применяется к названию рек, а потому во всех известных нам случаях выступает гидронимом. Или, если подходить к терминологии строже, потамонимом (др.-греч. «ποτῆμός» – «река» + «ὄνομα» – «имя» [74, с. 14, 46–47, 112–113]) – именем собственным реки.

Любопытный читатель первого выпуска «Чтений в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете» за 1899 г. мог с удивлением обнаружить, что «Алматы» – название не только города и реки на территории Семиречья. В указанном издании было впервые на русском языке опубликовано знаменитое произведение византийского императора Константина VII Багрянородного (905–959 гг.) «Об управлении империей». По сообщению византийского автора X в., в северном Причерноморье и регионах, примыкающих к нему, протекали реки «Днестр и Днепр. Есть и другие реки: так называемый Ингул, Ивил, Алматы, Куфис, Буг и многие другие» [86, с. 150]. Если часть рек без труда опознается на современной карте, поскольку их названия сохранились почти в неизменном виде вплоть до наших дней, то реки Ивил (греч. «Υβύλλ») и Алматы (греч. «Αλματαί») точно не идентифицированы до сих пор [52, с. 172–173, 403].

Ещё одно упоминание реки под названием «Алматы» далеко за пределами Семиречья читатель мог встретить на страницах другого популярного журнала – «Отечественные записки». В 1846 г. (!), т.е. до основания укрепления Верное на реке Алматы в Семиречье и приобретения городом (и рекой) сколько-нибудь широкой известности, в названном журнале выходит статья барона

Ф.А. Бюлера, посвященная калмыкам, живущим в Астраханской губернии. В ряде статей, опубликованных в нескольких номерах подряд, детально и с большим вниманием описывалась культура, быт, религиозные воззрения, экономика, география и иные стороны жизни калмыков. Ф.А. Бюлер также описал дороги, пролегающие через калмыцкие степи, отметил узловые точки, через которые они вели во все стороны света. При описании нескольких дорог, ведущих на Кавказ, упоминается река «Алматы», в устье которой находилась (на момент написания статьи, 1846 г.) главная ставка калмыков Дербентского улуса [12, с. 92].

Астраханская губерния располагалась между Каспийским и Чёрным морем, прилегая непосредственно к Каспию. В то же время «калмыцкие степи» в географическом плане – название более широкое и неопределённое, не укладывающееся в строгие границы административно-территориального деления как дореволюционной, так и современной России. В работе Константина VII Багрянородного «Об управлении империей» упоминаются реки, точно идентифицированные к северу от Чёрного моря. Река «Алматы», упомянутая Ф.А. Бюлером, располагается в стороне от этих рек – на востоке. Однако совпадение названия реки у Константина VII Багрянородного и реки, расположенной к востоку от Черного моря, быть может, не является случайным. Особенно с учетом крайне пространных сведений о местоположении ряда рек, приводимых византийским автором. Судя по особенностям текста, средневековый автор слышал или читал о них в рукописях, однако локализация этих рек была ему известна крайне приблизительно.

Как бы то ни было, река «Алматы» в причерноморском регионе в передаче Константина VII Багрянородного, река Алматы в калмыцких степях (речь идет об одной и той же реке или о разных – неясно, этот вопрос требует отдельного исследования) не связаны с ойконимом «Алматы» в центре Семиречья. Огромные расстояния, отделяющие указанные географические объекты, не позволяют проводить серьезных и обоснованных географических параллелей. В последнем случае совпадение действительно является случайным, а сходные названия – образец весьма любопытной омонимии.

С другой стороны, троекратное наличие гидронима «Алматы» в трёх удаленных друг от друга географических точках (при условии исключения ошибок в их действительном существовании) должно

со временем получить адекватное истолкование. Нельзя исключать следующее очевидное объяснение, которое часто предлагают филологи, специализирующиеся на изучении топонимов.

Так, А.Ю. Филькова указывает на феномен переноса названий с одного объекта на другой, которое происходит в тех случаях, когда люди, переселяясь на новые места, несут с собой привычную для них топонимию. В качестве примера А.Ю. Филькова указывает на широко известное наличие реки Темзы в Австралии и Канаде. Русские переселенцы, приехавшие на территорию Америки, привезли с собой и названия своих родных городов, что объясняет наличие в США ряда населенных пунктов с названием «Москва» [95, с. 82]. Более того, обитатели Семиречья и калмыцких степей, учитывая к тому же их кочевой образ жизни, длительное время ощущали на себе влияние тюркского языка, хотя и являлись этносами, отличными друг от друга.

Нельзя также забывать о длительном взаимодействии и взаимопроникновении тех же калмыков в Семиречье и казахов в калмыцкие степи. Достаточно напомнить о впечатлении, которое в 1884 г. произвёл город Верный на Н.В. Сорокина, который умел хорошо отличать одних «туземных жителей» от других: «по улицам то и цело скачут калмыки с длинными женскими косами, киргизы важно покачиваются на верблюдах, китайцы, в огромных соломенных шляпах и с веером в руках, возят двухколесные тележки с овощами» [84, с. 369–370]. Аналогичные описания присутствия казахов / киргизов / киргиз-кайсаков имеются и в источниках, описывающих калмыцкие степи того же периода.

Отсюда возникает закономерный вывод: гидронимов, содержащих в себе название «Алматы», могло быть значительно больше, учитывая необъятные степные просторы, раскинувшиеся от Китая на востоке до Черного моря на западе, заселенные кочевыми племенами, говорившими на похожих языках.

ГОРЫ: КРАСОТА, МОЩЬ И НЕДОСТУПНОСТЬ

Непреступные горы, потрясающие воображение, – первое и едва ли не самое важное, на что обращали внимание путешественники, государственные, общественные и военные деятели, журналисты и натуралисты, оказавшиеся в г. Верном и его окрестностях. Помимо общего восхищения местной природой, горы с белеющими вершинами – наиболее примечательное из всего увиденного в г. Верном. Для обитателей России, живущих в своем большинстве на обширных открытых пространствах, горы всегда казались чем-то необыкновенным, впечатляющим и завораживающим. Нередко россияне видели изображения гор только на картинах, поэтому, увидев горы воочию, сравнивали реальность с тем, что отложилось в сознании при созерцании полотен.

И. Зарубин, изъездивший всю Среднюю Азию, лицезревший обширные степные просторы и попав, наконец, в Верный, писал: «Верный стоит на речке Алматинке, текущей с гор и впадающей в реку Или, и расположен на высоте 2 500 футов у подножия Заилийского Алатау. Это большой, высокий хребет, покрытый вечным снегом; он возвышается на 14 000 футов. Горы до того массивны что, несмотря на то, что находятся от Верного в семи верстах, а главная масса хребта еще дальше, они, кажется, стоят над самым городом и давят его своею тяжестью» [40, с. 653–654]. По состоянию на 1879 г. между Верным в его границах и громадой гор действительно имелось обширное свободное пространство. Лишь в середине XX в. город вплотную приблизился к горам, а затем и сросся с ними.

В заметках И. Зарубина нашлось место и более красочному описанию увиденных им вершин: «Горы Заилийского Алатау дики и живописны; виды один другого лучше развертываются пред глазами. Утесы бесконечной вереницей тянутся друг за другом, скалы чередуются со скалами и высоко над ними стелются громадные снежные поля. Иногда, особенно часто весной, с глухим шумом падают лавины и, случается, заваливают неосторожных дровосеков. Вся сверкая белой блестящей пеной, скачет вниз по камням Алматинка... Ущелья и бока гор густо поросли лесом, и между столетними деревьями густо разрослись облепиха, черный барбарис, бо-

ярышник и другие ягодные кусты... Многие жители Верного проводят лето в этих горах». Путешественник не преминул отметить также вред, наносимый горным лесам: «Несмотря на короткое время вашего владения [минуло всего лишь 25 лет с момента основания укрепления], леса эти уже значительно вырублены и только в последнее время положены ограничения такому хищническому хозяйству» [40, с. 654–655].

Вырубка лесов в предгорных районах стала насущной проблемой для администрации города практически сразу после основания города. Один из служащих по фамилии Н. Фридерикс ещё в 1867 г. (через 13 лет после основания города) отмечал в своих записках и исключительную красоту местных гор, покрытых лесом. «В ущельях, обращенных к Верному, оглашаемых весело и шумно несущимися речками, то в виде каскадов по круто наклоненному и сжатому скалами руслу, то волнистыми серебряными лентами, пробивающимися сквозь роскошную зелень, отражаемую прозрачною влагою, – в этих ущельях, кроме ели, осины и тополя, встречается много фруктовых деревьев, в особенности урюка (дикий абрикос) и яблони. Плоды первого, величиною с небольшую сливу, довольно вкусны и напоминают запахом садовые абрикосы. Есть рябина, и изредка попадает ясень и береза, недостаток которой, впрочем, очень ощущается в Верном... Недавно одним из жителей найдена в горах дикая слива, и, пересаженная в Верный, говорят, вполне уже принялась».

Не ограничиваясь идиллическим описанием того, что есть, Н. Фридерикс указывал на недостаток берёзы, которую уже успели вырубить. Учитывая, что для ремонта экипажей и изготовления мебели берёза была пригодна лучше всего, в 1867 г. её уже приходилось доставлять в город за 70 верст из ущелья, в котором находился исток реки Тургень. Н. Фридерикс указывал на необходимость не только противодействовать вырубке леса, но, наоборот, содействовать его увеличению. «В настоящее время, при новом, несравненно лучшем устройстве организации края и с подчинением сословия казаков одной власти военного губернатора, представляется гораздо более возможности озаботиться об увеличении садов в городе и станицах и разведении местами искусственных рощ, что и не упущено из виду местной администрацией Семиреченской об-

ласти: сады и рощи возникают теперь, как по волшебному мановению, и, кажется, сочувствие к этому благому делу пробудилось не только у более образованных классов жителей, но и между казаками; а киргизы, можно сказать, пока еще озадачены выполнением требований начальства о разведении рощей на своих пашнях» [96, с. 708–709].

Г.К. Гинс отмечал: «Верный... живописный, весь в зелени... с чудным видом на горы, вечно сияющие вершины которых никогда не могут надоесть» [28, с. 672–673]. Такой же вид открылся Г.К. Гинсу в станице Софийской (в дальнейшем – г. Талгар): «Окна квартиры смотрели прямо на горы, и, проснувшись утром, я открыл рот от изумления. В отверстия окон и открытых дверей вместились, как в рамки, величественная, неопишная картина. Одна на другую громоздились белые вершины, покоясь на мощных черных громадах, которые подступали к самому окну, угрожая своей страшной близостью и маня к себе своей чудовищной силой. Это был Талгар, превышающий горы Альп и Кавказа, это была высшая точка Заилийского Алатау, куда еще не всходил ни один дерзкий смертный» [28, с. 673].

Г.П. Федоров писал: «Горы, окружающие город Верный и горы Талгар в особенности, очень круты и кажутся издали недосыгаемыми, потом я убедился, что это не только кажется» [94, с. 294]. Н.В. Сорокин, побывавший в г. Верном в 1884 г., характеризовал его следующими словами: «Город лежит на высоте 2500 футов над уровнем моря и построен на ровной местности у самой подошвы Заилийского Алатау, вершины которого резко выделяются на голубом небе своими вечными снегами... В первый же день приезда в Верный, сидя на балконе своего номера, я любовался картиной грозы в горах. Точно декорация, стояли горы, окутанные густыми облаками, а из ущелий где-то далеко вспыхивала ярко-красная молния, и глухо отдавалось эхо далекого грома» [84, с. 369–371].

Путешественник и натуралист А.И. Вилькинс был известен тем, что с 1870 по 1872 г. работал в зоологической лаборатории лейпцигского профессора Р. Лейкарта, а затем, поступив на службу в Туркестанский край, изъездил всю Среднюю Азию. Описывая своё путешествие по реке Или от г. Верного, откуда было положено начало очередного похода, А.И. Вилькинс написал: «Оставив за собой красивый кряж Алматинских гор с его ущельями и снежными

пиками, я выехал в ровную степь, зеленевшую весеннею травой и всю пеструю от распускавшихся цветов. Весна – лучшее время для путешествий по нашим бесконечным степям» [16, с. 460]. Ничему иному, кроме живописных гор, потрясших его воображение, путешественник и натуралист в г. Верном не удивился.

В заметках, посвященных землетрясениям в Семиречье (подробнее об этом см. ниже), можно было встретить фразы вроде: «В окрестностях Верного, в этих поразительных по красоте горах, окружающих живописное Иссык-Кульское озеро, в ночь на 22 декабря [1910 г.] творилось нечто несказанно ужасное» [82, с. 118]. «Город Верный до катастрофы представлял собою чистенький и красивый городок с дивными по красоте горными окрестностями. В городе много растительности, улицы прямые и застроенные недурными по архитектуре зданиями» [42, с. 98].

Будучи административным центром, г. Верный служил отправной точкой или промежуточным пунктом для разного рода экспедиций в глубину края, в глубину гор и даже в Китай. Путешественники нанимали в городе проводников, переводчиков, носильщиков. Знаменитый российский путешественник и естествоиспытатель Г.Е. Грум-Гржимайло набирал в городе людей для путешествия через Тянь-Шаньские горы для своей знаменитой экспедиции 1889–1890 гг. В их числе были не всегда надежные люди, в том числе из русских солдат и офицеров. К примеру, в экспедиции Г.Е. Грум-Гржимайло, упомянутой в «Историческом вестнике», один из сыновей офицеров «выказал себя с такой худой стороны, что уже из Турфана мы были вынуждены отправить его обратно в Россию» [30, с. 189]. Разумеется, не все нанятые люди показывали себя с плохой стороны. Добропорядочное поведение и готовность следовать до конца считались нормой. Имена этих надежных людей история могла не сохранить. Зато те, кто проявил себя с отрицательной стороны или «смалодушничал», удостоились чести быть упомянутыми в дневниках и воспоминаниях как «крайне ненадежные люди».

В качестве примера особого рвения и отваги в путешествии следует упомянуть семиреченских казаков по фамилии Сыркин и Чернов, которые служили (и, возможно, в дальнейшем проживали) в г. Верном. Специальным распоряжением Туркестанского генерал-губернатора их отрядили для сопровождения главного каравана

знаменитого шведского путешественника, географа и журналиста Свена Гедина. Впоследствии Сыркину и Чернову Свен Гедин посвятил книгу, описывающую свое путешествие в Тибет в 1899–1902 гг., похвалив в предисловии за «молодецкую их службу, за понесенные труды и за преданность, оказанную в течение всего совместного путешествия». По результатам экспедиции Свена Гедина король Швеции Оскар II «удостоил казаков особыми золотыми медалями, на ношение которых они получили разрешение. Его Величество Император Николай II наградил их знаками отличия – ордена св. Анны и 250 рублями каждого». Свен Гедин удостоился аудиенции в Петергофе у Николая II, где императора «очень порадовали слова, сказанные в похвалу казакам, поведение которых с первого дня до последнего, собственно говоря, стояло выше всякой похвалы» [24, с. III, 9, 384–385].

ВОЕННЫЕ ЦЕРЕМОНИИ И ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА В ГОРОДЕ

Военный церемониал – неотъемлемая часть процесса служения отечеству. Чем выше по статусу (званию) был военный чиновник в русской царской армии, тем больше он требовал к себе формальных процедур и обращений, которые были закреплены на законодательном уровне, в частности в «Табеле о рангах». Примечательным в этой связи является упоминание о подобных церемониях в г. Верном, отраженное в небольшой заметке заслуженного профессора Николаевской академии Генерального Штаба А.И. Макшеева (1822–1892 гг.) в бытность его сборщиком военно-статистического материала. В 1867 г. с этой целью он прибыл в Туркестанский край. К этому времени минуло 15 лет с даты завоевания края русскими войсками. Ещё в 1855 г. преподаватели академии Генерального Штаба заинтересовались введением нового предмета – военной статистики, в связи с чем А.И. Макшеев в 1857 г. был командирован сначала в Европу с целью ознакомления с постановкой статистики в европейских университетах в связи с практикой европейской колонизации Востока. После занятий в европейских «научных центрах» А.И. Макшеев отправился в Алжир и Египет «для наглядного изучения этих колоний, что могло послужить на пользу в применении к российской средне-азиатской окраине».

На момент, когда А.И. Макшеев спустя десять лет после пребывания за рубежом приехал в г. Верный (в 1867 г.), генерал-губернатором Туркестана стал К.П. Кауфман. К тому времени ситуация в регионе значительно изменилась: русские владения расширились и выдвинулись сложные задачи по управлению краем. Автор описывает прибытие К.П. Кауфмана следующим образом. Прежде всего, в городе поднялся переполох. Чиновники были заняты исключительно приготовлением к встрече генерал-губернатора. Перед самым приездом высокопоставленного гостя к А.И. Макшееву как к «старшему лицу в Верном» прибыл один из двух батальонных командиров, который обратился к нему со словами: «Потрудитесь прочесть только что полученное мною предписание военного губернатора встречать генерал-губернатора с почестями, положенными по уставу только Государю Императору, и скажите, что мне делать?». Прочитав предписание, А.И. Макшеев ответил полковнику: «если бы я был на месте Кауфмана и Вы встретили бы меня

с неподобающими мне по чину почестями, то я отдал бы Вас под суд; но, может быть, Кауфман смотрит на дело иначе, и потому, боясь повредить Вам, не могу дать никакого совета». Командир, однако, принял решение оказать генерал-губернатору почести, превышающие звание последнего.

Дальнейшие события А.И. Макшеев описывает так. Войска, встречавшие К.П. Кауфмана в г. Верном, «были выстроены вдоль дороги, в развернутом порядке с распушенными знаменами, а на правом фланге стояли священник, все нестроевые служащие и граждане с хлебом и солью. Вскоре показались вдали экипажи и затем к правому флангу подъехал генерал-губернатор со свитою.... Выйдя из экипажа, Кауфман принял хлеб-соль от граждан, поздоровался со мною, сел на лошадь и подъехал к войскам. Старший батальонный командир скомандовал на караул и подал рапорт. Барабанщики забили поход. Я думал, сейчас разразится гроза, но Кауфман был очень доволен. Проехав верхом вдоль войск и по станциям [Большой и Малой Алматинской], в сопровождении своей свиты, к числу которой пристроился и я, он остановился у отведенной ему квартиры и принимал конных и пеших ординарцев от разных частей. В числе их были неподобающие ему по чину офицерские ординарцы и все вместо «Превосходительства» титуловали его «Высокопревосходительством». И это несколько не шокировало юного сердцем генерал-губернатора. Напротив, войдя в свою квартиру, он выразил... удовольствие за сделанный ему прием, но заметил, что «священник не знает своих обязанностей. Он должен был встретить меня не за городом вместе с гражданами, а около церкви, в облачении, с крестом в руках и с колокольным звоном». После такого нравоучения сметливый Колпаковский не задумался уже приказом прибавить тотчас же к выставленной у генерал-губернаторского крыльца будке еще другую» [56, с. 646–647].

Невзирая на удаленность среднеазиатских владений от центра России, местные военные чиновники, безусловно, заботились о соблюдении военной культуры и церемониала. Со слов очевидца (А.И. Макшеева), за несоблюдение такового недовольный приёмом высокопоставленный военный мог вполне отдать под суд ответственных лиц. При этом сам генерал-губернатор несколько не смущался принимать почести, которые полагались по уставу только

Государю Императору, о чём свидетельствует очевидец. Солдатский быт был весьма непривлекательным, и красочные церемонии – один из тех моментов, которые позволяли военным ощутить себя частью чего-то большего, частью Русской армии. Художник В.В. Верещагин, побывавший в Средней Азии, отмечал: «При казармах [на реке Барахудзир] садик, покамест еще тощий; лавочка со всяким нужным и ненужным товаром, а главное, хорошие бани – всё мало ли, много ли способное улаживать досуг непривлекательных воинов, заброшенных в эти дальние углы нашей необъятной родины. Офицеры, разумеется, больше скучают тут, урываясь возможно чаще в город Верный, где есть и женское общество, и кое-какие общественные развлечения и удовольствия» [21, с. 160].

В целом, армия «знала себе цену». Как отмечает в своей докторской диссертации И.В. Волкова, на протяжении двух веков российская армия являлась движущей силой и гарантом развития государства, постепенно приобретающего форму огромной империи. Подключение военных чинов к вопросам организации и управления государством (и его окраинами) являлось особым способом освоения имперской модели, при отсутствии других мощных источников и факторов формирования имперского общежития в лице торгового, промышленного и финансового капитала. Высокоразвитые страны западного мира, напротив, в установлении своего колониального владычества опирались не на армию, а на капитал. Военное администрирование, оттачивавшееся и приспособлявшееся к условиям национальных окраин, было не только щитом и мечом империи, но и генератором идей, рассчитанным на устойчивое существование имперской общности [20, с. 41].

ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ

Широкую известность в Семиречье и за его пределами получили землетрясения, затронувшие не только г. Верный, но отразившиеся эхом во всем Заилийском крае. Причем этих землетрясений было множество. Наиболее известное из них – землетрясение 9 июня 1887 г., разрушившее или серьезно повредившее 1938 каменных и 938 деревянных зданий в г. Верном, включая Больше-Алматинскую и Мало-Алматинскую станицы [66, с. 15]. Типичная характеристика этого события, которую можно встретить в периодических изданиях 1887–1888 гг., звучала так: «страшные бедствия, разразившиеся над г. Верным, разорившие и оставившие без крова массы людей» [9, с. 31–32]. После этой даты землетрясения в городе и окрестностях случались регулярно и воспринимались с крайней серьезностью. В журналах возникло устойчивое словосочетание для этих землетрясений как «верненская катастрофа» соответствующей даты [29, с. 752; 42, с. 98].

Большое землетрясение 1887 г. нашло самый широкий отклик, получив крайнюю известность не только в периодических изданиях. Так, Л.Н. Толстой, рассуждая о необъяснимости жизненных страданий (глава XXXIV книги «О жизни», 1886–1887 гг.), упомянул верненское землетрясение 1887 г. как величайшее проявление таких страданий. «Проваливается от землетрясения именно то место, на котором стоит Лиссабон или Верный, и зарываются живыми в землю и умирают в страшных страданиях – ничем невиноватые люди. Какой это имеет смысл? Зачем, за что эти и тысячи других бессмысленных, ужасных случайностей страданий, поражающих людей? ... Верный провалился оттого, что существуют такие-то геологические законы. Но ведь вопрос в том, почему именно такие-то люди подверглись именно таким-то ужасным страданиям, и как мне избавиться от этих случайностей страдания?» Л.Н. Толстой приходит к выводу, что виной всему ничем необъяснимые и независимые случайности: «закона, по которому один человек подвергается, а другой не подвергается этим случайностям, нет и не может быть никакого, что подобных случайностей бесчисленное количество и что потому, что бы я ни делал, моя жизнь всякую секунду подвержена всем бесчисленным случайностям самого ужасного страдания» [93, с. 423–424].

В журнале «Русская мысль» (помимо массы других журналов) появляется рецензия на книгу Л.Н. Толстого «О жизни». Цитируются отдельные места из книги, в том числе пассаж о верненском землетрясении. Автор рецензии вступает в заочную полемику с Л.Н. Толстым, критикует ход его рассуждений, ищет в его философии логические ошибки, советуя великому русскому мыслителю отойти от «учительства» и вернуться к написанию художественных произведений. В критической рецензии, однако, не утрачивается глубокое уважение к Л.Н. Толстому как писателю [85, с. 347–348]. Книги «О жизни», наряду с «Исповедью», «В чём моя вера?», «Христианским учением» и др. породили особое религиозно-этическое общественное течение в России под названием «толстовство». Против этого синкретичного учения в дальнейшем были специально написаны и опубликованы обширные труды, например архиепископа Никанора (Бровковича) [64]. Что касается верненского землетрясения, то оно, как видим, нашло отклик не только у простых людей, жертвовавших по всей России в помощь пострадавшим, но и у великих писателей и мыслителей. Правда, представления о событии, основанные на публикациях периодической печати и слухах («люди зарываются живыми в землю»), свидетельствуют: рассказчики, не являвшиеся очевидцами, слабо себе представляли реальное проявление этого стихийного бедствия.

Последствия регулярных землетрясений были видны для приезжих. Так, Г.К. Гинс, побывавший в г. Верном в 1909 г., увидел город «живописным, в зелени, с деревянными ввиду землетрясений домами, искусно подделанными, однако, под камень, с чудным видом на горы» [28, с. 672–673]. Распространено мнение, что каменные дома в г. Верном не строились после сильного землетрясения 1887 г. Заметки путешественника показывают: отказываться от «солидного» каменного строительства местные жители не желали. Даже если приходилось строить дома из дерева, им для солидности старались придать облик домов из камня.

Но и до 1887 г. в городе регистрировались землетрясения, причём сведения о них публиковались в печати. Так, в ёмком и подробном «Обзоре сейсмических и вулканических явлений 1883 г.» геолога и натуралиста А.П. Орлова, опубликованном в «Русском вестнике» в 1884 г., имелась следующая запись: «Декабря 28 (января 9) в третьем часу утра, в городе Верном было довольно значительное

землетрясение, сопровождавшееся подземным гулом» [70, с. 328]. До упоминания сейсмического события в Верном (оно последнее в списке «Обзора...») имелись записи о землетрясениях в Лиссабоне, Кишиневе, Боснии, Германии и т.д. Автором приводились все известные события такого рода с тем, чтобы понять сущность этого сложного и загадочного природного явления, а также установить возможную связь между ними.

Сам А.П. Орлов считается начинателем и едва ли не единственным специалистом в области сейсмологии в России до И.В. Мушкетова.

В последней четверти XIX в. изучение феномена землетрясения выходит на новый научный уровень. Прежде всего, по всему миру собираются и качественно систематизируются сведения обо всех известных фактах землетрясений. В новом «Обзоре сейсмических и вулканических явлений 1884 г.», опубликованном А.П. Орловым в «Русском вестнике», упоминается целых пять землетрясений в Верном (всего в мире было зафиксировано, по сведениям А.П. Орлова, 57 фактов), а также приводятся сведения об ощутимости колебаний. Данные явления происходили в Верном: 21 декабря (8 января) в 7 часов утра; 28 декабря (9 января) в 2 часа утра; 7 (19) января в 3 часа утра; 11 (29) февраля в 4 часа утра; 1 (13) марта в 10 часов утра. Последнее землетрясение было одновременно замечено в Караколе и на берегах озера Иссык-Куль, где оно было еще сильнее, чем в Верном [71, с. 708–709].

Столь большое количество сейсмических явлений в самом надёжном военном укреплении русских в Средней Азии не могло остаться незамеченным читателями «Русского вестника» и тем более специалистами. Неудивительно, что город Верный начинает твёрдо ассоциироваться с этим малопонятным для XIX в. природным явлением. В дальнейшем А.П. Орлов продолжает собирать сведения о землетрясениях по всему миру и издает их в виде ежегодников. Выходят как публикации в периодических изданиях, так и в виде самостоятельных работ с анализом причин и связи различных землетрясений между собой. Так, в 1887 г. в Казани издана работа автора «Землетрясения и их соотношение с другими явлениями природы...» [69]. В 1888 г. в «Русской мысли» публикуется рецензия на неё. Отмечается кропотливый подход А.П. Орлова к

сбору фактологического материала, обстоятельность и полнота самого исследования. Книга была напечатана за счёт издателя. Средства, вырученные от продажи, были отправлены военному губернатору Семиреченской области для передачи пострадавшим от верненского землетрясения 1887 г. [9, с. 31–32].

Аналитические публикации А.П. Орлова в «Русском вестнике», а также его работы, вышедшие отдельными изданиями, в их числе «Каталог землетрясений Российской империи», опубликованный в 1893 г. при участии И.В. Мушкетова [60], представляют интерес и для современных исследователей-сейсмологов в целях ретроспективного анализа сейсмической активности в регионе. При этом состояние сейсмологической науки и отсутствие необходимых инструментов для измерений на момент издания «Каталога...» весьма показательны следующей выдержкой: «Известное число одинаково построенных зданий может рассматриваться как ряд сейсмографов, показание каждого из которых можно предсказать, зная общие последствия, испытанные всей местностью» [60, с. 73]. При этом слово «сейсмограф» в указанной работе в ином значении не упоминается. Значительное внимание в каталоге уделено верненским землетрясениям 1885 и 1887 гг., в результате которых к сейсмической науке в России возник «всеобщий интерес» [60, с. 1].

В 1911 г. в широко известном и популярном в России еженедельном журнале «Нива», где г. Верный практически не упоминался, выходит обширная статья, детально описывавшая знаменитое семиреченское землетрясение, случившееся 22 декабря 1910 г. Читатель «Нивы» узнал, что Верный периодически страдает от этого стихийного бедствия. На этот раз «обстановка катастрофы была такая удручающая, что многие тут же теряли рассудок. А почва все тряслась, дома трескали, глинобитные и немногочисленные каменные постройки рассыпались на куски. Выскочившие из домов обитатели оказались в самом ужасном положении – без теплой одежды, на морозе, доходившем до 10°. Мало-помалу, однако, толчки прекратились. Рассветало. И лишь тогда можно было подвести первые итоги катастрофы».

Описание стихийного бедствия в журнале было приукрашено в лучших традициях художественного рассказа, столь любимого читателями «Нивы». Внимание читателей было сосредоточено на личных ощущениях и переживаниях семиреченцев. Сообщались не

только факты о жертвах и разрушениях («убито 390 человек, в том числе 14 русских», «материально пострадавших до 10000 русских и иных оседлых семейств и до 15000 кибиток кочевников»), но прикладывались фотографии разрушений, сделанные фотографом Гомонюком. Имелись в этом рассказе и элементы наивности, свидетельствующие о богатом воображении рассказчика: «Нынешнее землетрясение является результатом горообразования. И, таким образом, пример, приведенный очевидцем землетрясения, что будто бы весь город в момент землетрясения куда-то поехал на тряской телеге, можно считать очень характерным и типичным: быть может, в эти моменты город Верный в самом деле проехался на каком-нибудь подземном оползне...».

Редакция посчитала необходимым сообщить в заметке научные сведения о землетрясениях в том виде, насколько они имели место в 1911 г. Характеристика этого природного явления давалась следующая: «Сила верненского землетрясения оценивается в 9 баллов. По десятибалльной системе оценки землетрясений, установленной Росси-Форелем, однобалльным землетрясением считается такое, когда сейсмограф устанавливает наличие дрожания земли. При шестибалльном землетрясении останавливаются часы, падают трубы, жители испытывают испуг. Семибалльное землетрясение сопровождается звоном церковных колоколов, разрушением печей в домах, трещинами в стенах. Жители же вместо страха испытывают уже ужас. При восьми баллах здания разрушаются, жители испытывают панику. И так далее до 10 баллов, когда наблюдается уже общее разрушение, и земля дает трещины и провалы... Нечто подобное и наблюдалось в Верном. И только благодаря тому, что в городе было очень много устойчивых деревянных зданий, разрушение не стало всеобщим» [42, с. 95].

В конце заметки автор посетовал на недостаточное развитие науки, способной предупредить такого рода стихийные бедствия. В качестве надежного средства избежать разрушений было указано на необходимость строительства деревянных зданий по опыту Японии. На тот момент в русской печати уже было известно, что далекая страна на Крайнем Востоке страдает от этого стихийного бедствия весьма часто.

В следующем номере журнала «Нива» за 1911 г. вновь была помещена новая заметка про это же землетрясение. Ее автор также

обладал не менее развитым воображением, обогатившим рассказ яркими подробностями: «Когда раздались первые подземные удары, мимо казаков пронеслась с гор громадная скала и скатилась в реку Талгар. За нею вслед посыпались камни, прорезывавшие воздух с характерным свистом. Казаки сообразили, что им можно укрыться за свалившейся в реку скалою, и побежали туда. Пока они бежали под гору, одному из них летящим камнем оторвало голову, а тело со страшной силой перекинуло на противоположную сторону ущелья. У другого казака камень срезал за поясом, словно ножом, половину топорща, но сам казак остался цел и невредим. Сбежав вниз, казаки принуждены были встать в холодную воду и в таком положении, дрожа от холода, при десятиградусном морозе, стоя почти по колено в быстрой горной речке, ожидали рассвета...» [82, с. 118]. Автор указывает в качестве источника своей осведомленности о столь подробных деталях «рассказы казаков станицы Софийской в 30 верстах от Верного». В конце заметки упоминается о «крайней желательности» пожертвований в помощь пострадавшим. Как и в предыдущей статье, заметка сопровождается фотографиями живописных окрестностей г. Верного, а также последствий стихийного бедствия.

Регулярно происходившие землетрясения вызывали озабоченность властей на самом высоком уровне. Так, туркестанский генерал-губернатор и командующий войсками Туркестанского военного округа А.В. Самсонов после землетрясения, случившегося в декабре 1910 г., уделил огромное внимание организации помощи пострадавшему населению всей Семиреченской области. В некрологе по случаю смерти А.В. Самсонова (опубликован в «Историческом вестнике» за 1916 г.) отмечалось: «Несмотря на продолжавшиеся еще колебания почвы, повторявшиеся довольно значительные толчки, причинявшие все новые и новые разрушения в Верном и окрестных селениях, А.В. решил лично на месте обследовать размеры бедствий и выехал в Верный» [4, с. 402–403]. Против землетрясения ничего поделать было нельзя (разве что запретить строить дома из камня или перейти к строительству из армированного бетона), однако озабоченность России регулярным стихийным бедствием постоянно росла. Назрела необходимость перехода от борьбы с последствиями стихии к научным методам планирования и прогнозирования.

Среди первых ученых, целенаправленно занимавшихся изучением землетрясений в России, помимо А.П. Орлова, стал геолог, географ и путешественник И.В. Мушкетов. Именно землетрясение в г. Верном, случившееся 20 мая 1887 года, «направило его деятельность к организации в России сейсмических наблюдений». В некрологе по случаю смерти ученого, опубликованном в «Историческом вестнике» в 1902 г., сообщалось: «Командированный для исследования землетрясения на месте происшествия, он энергично принялся за выяснение причин и обстоятельств этого явления природы, затем помимо подробного описания верненского землетрясения составил брошюру «Землетрясения, их характер и способ их наблюдения», организовал при географическом обществе собрание сведений о землетрясениях и принял на себя редактирование «Материалов к изучению землетрясений в России» [63, с. 795].

За неимением иных надежных источников информации о землетрясениях в Заилийском крае в XIX – начале XX в., именно сведения А.П. Орлова и И.В. Мушкетова являются в настоящее время опорными при описании этого природного явления в исторической ретроспективе. Уже в момент, когда в журналах появлялись заметки о семиреченских землетрясениях, И.В. Мушкетов упоминался как авторитетный специалист, целенаправленно собиравший необходимые сведения об этом явлении с выездом на место [42, с. 95]. В современных профильных публикациях сведения, добытые А.П. Орловым и И.В. Мушкетовым, называются наиболее научными и достоверными [66, с. 4–5, 9, 13, 15, 26–27].

Жители г. Верного не оставались безучастными к землетрясениям, происходившим в других регионах Российской империи. Так, 3 декабря 1902 г. случилось разрушительное Андижанское землетрясение, охватившее густонаселенный район площадью около 1 600 км². В журналах общественно-политической тематики оно получило самую широкую известность. В «Туркестанских ведомостях», на которые были сделаны ссылки в периодических изданиях Москвы и Петербурга, указывалось: убитых насчитывают до 7 000 человек, раненых – до 18 000. В одной из заметок, опубликованной в «Русском вестнике» за 1903 г., сообщалось, что от верненского комитета по сбору пожертвований в пользу андижанцев поступило 1 100 руб. Здесь же для сравнения масштабов катастрофы приводились данные о верненском землетрясении 1887 г.,

о котором хорошо помнили, но при котором «погибло всего только 338 человек» [91, с. 31–32].

Во второй половине XIX – начале XX в. активно развивались естественные науки. Сейсмическая активность в среднеазиатском регионе привлекла внимание Императорской Академии наук. В отчете о деятельности Академии за 1913 г., опубликованном в «Историческом вестнике», отмечалось, что из земель г. Верного был бесплатно («в дар») выделен участок для строительства сейсмической станции. По такому же принципу городские общественные управления выделили участки в г. Ош и Самарканд [83, с. 742].

С этого момента началось развитие сейсмической науки в г. Верном, построенной не только на системном принципе, но и на надежной материально-технической базе. Возводились соответствующие сооружения, завозилось необходимое оборудование, прибывали или обучались на месте квалифицированные специалисты. Хотя фиксация и описание землетрясений в г. Верном и его окрестностях начались одновременно с метеорологическими наблюдениями едва ли не сразу после основания города. Так, по г. Верному с 1868 г. сведения о землетрясениях основывались на записках члена Семиреченского областного статистического комитета П. Зенкова и журнала Верненской метеорологической станции [66, с. 5]. Каждое новое сейсмическое явление обостряло необходимость перехода от фиксации факта землетрясения к его прогнозированию. Впрочем, надёжного прогнозирования не удалось достичь вплоть до сегодняшнего дня.

ВОПРОСЫ ПРАВА НА ЗЕМЕЛЬНЫЕ УЧАСТКИ

В начале XX в. актуальными стали вопросы прав на землю, решаемые на уровне судов. Причем местное население стремилось сохранить за собой земли в окрестностях г. Верного, в то время как казаки оспаривали у них это право. Споры касались и наследственных земельных владений, что нашло отражение в периодических журналах исторической направленности. Так, Г.К. Гинс упоминает следующую ситуацию. Под власть России вместе со всеми таранчами (этнической группой уйгуров) перешёл султан Кебирбек. «Близ Верного ему отвели особый султанский хутор из свободных земель Больше-Алматинской казачьей станицы. Султан теперь умер. На кургане стоит скромный памятник, и перед ним красуется весь черный хребет с Алматинским пиком, который иногда кажется головой орла, широко раскрывшего свои крылья. На хуторе живет сын султана. Уже седой, он забыл про давние годы, когда его отец был главой целого племени, он думает теперь о нынешнем дне, так как большая семья его испытывает иногда нужду. Казаки отнимают землю, которая теперь нужна им самим; султанов сын жалуется, спор еще не разрешен, и судьба земли заслоняет у обитателей султанского хутора все другие заботы» [28, с. 678].

С ростом населения города к 1910 г. закономерно обострялись проблемы расширения границ и освоения новых территорий. Это не могло не повлечь возникновения земельных споров, касающихся права пользования землей. По-видимому, спор о землевладении сына султана Кекирбека затянулся надолго. Впрочем, окончательно он разрешился после 1917 г., когда все частные земли перешли в государственную собственность в результате национализации.

«КРИМИНАЛЬНАЯ ХРОНИКА». ОТНОШЕНИЕ РУССКИХ К МЕСТНОМУ НАСЕЛЕНИЮ

В воспоминаниях российских государственных деятелей, волею судьбы оказавшихся в среднеазиатских владениях России, а также в очерках путешественников встречается, как мы бы сейчас сказали, «криминальная хроника», касающаяся г. Верного и его окрестностей.

Преступность и все, что с ней связано, как явление, резко выходящее за рамки обыденного, всегда вызывала у добропорядочных граждан неподдельный интерес. Преступность, без сомнения, осуждалась, однако сами деяния в подробностях пересказывались из уст в уста, обрастая порой вымышленными деталями. Сведения о местных преступлениях и наказаниях за них (причем не всегда справедливых) откладывались в памяти государственных деятелей и путешественников и ещё долго пересказывались в том числе в виде мемуаров. Особо следует отметить несколько такого рода событий.

Дело о злоупотреблениях помощника губернатора Семиреченской области Н.А. Аристова. В периодических изданиях общественно-политической направленности широкую известность получило дело помощника губернатора Семиреченской области Н.А. Аристова. Этот интересный и неординарный во всех отношениях человек сделал блестящую должностную карьеру в Семиреченской области. По окончании в 1864 г. юридического факультета Императорского Казанского университета Н.А. Аристов поступил на работу в Тобольское губернское правление. Уже в 1868 г. оказался переведен делопроизводителем в Семиреченское областное правление. В 1871 г. принимал непосредственное участие в штурме города-крепости Кульджа. Имея юридическое образование, в 1873–1874 гг. руководил съездами биев по урегулированию земельных споров в Семипалатинском, Сергиопольском уездах и Семиреченской области. В 1881 г. сначала был назначен на должность помощника военного губернатора Семиреченского областного правления, а затем исполнял обязанности военного губернатора Семиреченской области. С 1882 г. по 1889 г. служил в Степном генерал-губернаторстве. Конец блестящей карьеры Н.А. Аристова по-

ложила публикация Б.А. Карпова (псевдоним «Верненский гражданин») статьи «Таранчинка» в литературном приложении к газете «Гражданин» в апреле 1889 г.

Обстоятельства этого дела во всех его подробностях невозможно установить из периодических изданий общественно-политической тематики, поэтому стоит обратиться к источнику, в котором они запечатлены лицом, тщательно исследовавшим все материалы дела. Они изложены в обширной работе выдающегося русского юриста А.Ф. Кони «За последние годы» (1898 г.), где были напечатаны, помимо прочего, его обвинительные речи. Сам А.Ф. Кони в данном деле являлся представителем обвинительной власти, хотя старался обелить как автора статьи, так и издателя. Оправдывая обвиняемого по части лжи, А.Ф. Кони, однако, признал наличие в статье фактов оскорбления должностного лица.

В статье «Таранчинка» (приложение к газете «Гражданин», апрель 1889 г.) сообщалось о переселении народа «таранчи» (этнической группы уйгуров, также известной как «илийцы» и «кульджинцы») из Кульджи в Семиреченскую область, после возвращения Кульджи Китаю (подробнее об этом см. раздел «Город Верный во взаимоотношениях России с Китаем»). Автор статьи – Б.А. Карпов – сообщал о тяжелом положении таранчинцев после переселения. В этом обвинялась местная администрация, из-за гнета и произвола которой жизнь таранчинцев ухудшилась. Обвинению подвергся волостной старшина (умерший к тому моменту) Вушри (Бушри) Джалилов, который был назначен на должность русскими властями, а также его начальник – Н.А. Аристов. В статье Вушри Джалилов был представлен, по словам А.Ф. Кони, «человеком в высшей степени жестоким, самовластным и корыстным, доведшим трудолюбивых и покорных таранчинцев до полнейшего разорения и нищеты». Из-за этого таранчи якобы озлобились против России. Н.А. Аристов как помощник Семиреченского военного губернатора обвинялся в воровстве и покровительстве Джалилову.

В качестве конкретного примера, ставшего поводом для написания статьи «Таранчинка», послужила история притеснений со стороны Вушри Джалилова некоего Амира Хамзы, у которого Вушри отнял жену. В статье «сообщается о том, как Вушри заставил составить общественный приговор о высылке Амира Хамзы в Сибирь, держал его в подземелье и т.д.; засим [во всё той же статье]

указывается, что донос, сделанный Амиром русским властям, не имел никаких последствий и что даже следователь, раскрывший некоторые злоупотребления Бушри, подвергся административному взысканию. Все это, как сказано в статье, происходило от пристрастия и потворства русских властей вообще, а в особенности помощника Семиреченского военного губернатора Аристов, о коем ... напечатаны оскорбительные отзывы, содержащие злословие и брань, с указанием обстоятельств, позорящих, служебную деятельность Аристов, его честь и доброе имя. По поводу этой статьи находящийся в отставке действительный статский советник Николай Аристов ... обратился к прокурору С.-Петербургской Судебной Палаты, ходатайствуя о привлечении к уголовной ответственности автора статьи отставного есаула Бонифатия Карпова и редактора-издателя газеты «Гражданина» князя Б.П. Мещерского за допущенную по отношению к нему клевету и оскорбительную ложь» [51, с. 5–6].

Самого Н.А. Аристов автор обвинял в том, что он, «зная о незаконных поборах управителя карагуйской волости Бушри Джалилова с таранчей и о похищении, как тем же Джалиловым, так и управителем карамской волости, Абубахри-Кутлуковым денег, выданных им областным правлением для раздачи неимущим переселенцам таранчам, из корыстных видов прикрывал как эти, так и многие другие злоупотребления и в числе их попытку Бушри сослать таранча Амир-Хамзу в Сибирь по неправильно составленному общественному приговору». В статье Н.А. Аристов был назван «чиновником с неодолимою наклонностью к наживе», «покровителем главных грабителей и лихоимцев, брошенных в острог», «более крупным вором» и т. д. [51, с. 6].

Суду по заявлению Н.А. Аристов были преданы как автор статьи – Б.А. Карпов, так и редактор-издатель – Б.П. Мещерский. 20 октября 1892 г. автор статьи умер (статья была напечатана в апреле 1889 г.). В результате к ответственности, за смертью автора, мог быть привлечен лишь редактор.

В качестве наказания Судебная Палата (первая инстанция) назначила редактору-издателю арест на военной гауптвахте сроком в один месяц. Дело на этом не закончилось. Приговор был обжалован в вышестоящую инстанцию – в Правительствующий Сенат. В

качестве доказательств, подтверждающих, что сведения в отношении Н.А. Аристова имели место на самом деле, в то время как автор и издатель опубликовали правду, были представлены следующие документы.

Так, военный губернатор Семиреченской области Г.И. Иванов 5 декабря 1889 года известил судебного следователя о том, что на служебном докладе своего помощника Н.А. Аристова он положил следующую резолюцию: «я не раз уже имел случаи убедиться, что помощник мой, Аристов, докладывал мне ход дела в неправильном виде (например, о разрешении содержать при уездных управлениях джигитов на счет туземного населения) и что о злоупотреблениях в волостях по раздаче жителям правительственных пособий и ссуд на первоначальное домообзаводство и устройство необходимого хозяйства – злоупотреблениях, получивших начало и развившихся на глазах у г. Аристова (как, например, захват самой удобной земли и воды должностными и влиятельными лицами из туземцев, от 200 до 500 десятин, в одни руки, захват ими же денег и хлеба большими количествами, письменные подлоги по делу раздачи этих правительственных ссуд и многие жалобы на это народа) – не докладывал мне решительно ничего, пока, наконец, доверенные переселенцев не подали мне прошения и не открылась истина путем производства дознания и следствия лицами, командированными степным генерал-губернатором» [51, с. 16]. Таким образом, военный губернатор Г.И. Иванов снимал с себя всю ответственность за деятельность своего помощника.

Помимо этого, подтвердился факт покровительства Н.А. Аристова волостному старшине Вушри Джалилову. В предписании генерал-губернатора Г.А. Колпаковского на имя Н.А. Аристова от 29-го октября 1888 г. указывалось: Аристов был у губернатора единственным докладчиком по делам гражданского управления областью, а в его отсутствие действовал самостоятельно. Н.А. Аристов действительно выступил резко против назначения следствия над Вушри Джалиловым. По словам А.Ф. Кони, Н.А. Аристов выступил «письменно горячим защитником этого «известного всем семиреченцам своей неблагонадежностью человека», и что он высказывался против мнения своих подчиненных о назначении исследования о денежных злоупотреблениях по отношению к таранчам

или тормозил их в этом отношении предположения, и что он, наконец, ввиду многочисленных жалоб таранчей на злоупотребления Вушри и его брата и на то, что производивший дознание о расхищении пособий чиновник сам воспользовался частью этих денег, докладывал бывшему губернатору об административном выдворении жалобщиков в другие волости и отдаленные кишлаки и без разрешения генерал-губернатора приводил в исполнение эти произвольные меры. Военный же генерал-губернатор Иванов заявляет, со своей стороны в упомянутой уже резолюции, что при самом вступлении его в должность, Аристов аттестовал ему лучших чиновников области самыми худшими и, наоборот, усиленно поддерживал плохих своей рекомендацией, пока, по ходу дел, губернатор не убедился «в совершенно противном и не понял желания Аристова выдворить из области тех, кто не потворствовал его незаконным распоряжениям» [51, с. 16–17].

Из материалов дела также усматривались и другие нарушения Н.А. Аристова. Так, на устранение последствий верненского землетрясения из государственной казны было ассигновано 15 000 рублей для выдачи займов на восстановление домов и строительства новых. Оказалось, что Н.А. Аристов сам себя поместил в число лиц, нуждающихся в получении ссуды размером 2 250 руб. Таким образом, выходило, что он получил 15% от общей суммы помощи пострадавшим. Далее выяснилось, что в письме на имя военного губернатора он признал себя имеющим право на ссуду как домовладелец, хотя он никогда таковым не являлся, поскольку жил в доме своей жены. Аналогичным образом выяснилось, что при попустительстве Н.А. Аристова в список «нуждающихся в помощи» были помещены иные государственные служащие, проживавшие в домах, оформленных на жён и родственников.

Далее в связи с рассматриваемым делом были выявлены и преданы огласке факты исключительного затягивания дел, связанных с разрешением жалоб на чиновников. Из приказа военного губернатора от 24 августа 1888 г. следовало: «при ревизии областного правления он нашел по судному отделению 68 и по распорядительному 84 нерешенных дела, причем оказалось, что с февраля по май рассмотрено всего лишь два дела, что многие из них тянутся более десяти лет, а одно длится девятнадцать лет! Обращая внимание Аристова на неподвижность дел, военный губернатор указывает на

настоятельную необходимость скорейшего разрешения дел о преступлениях должности, чтобы оказать влияние на местных начальствующих лиц и на развившиеся в крае в последние годы в высшей степени злоупотребления. Из резолюции того же губернатора 12 сентября 1888 года оказывается, что по областному правлению вообще в остатке к 1 января 1888 года 2 279 нерешенных дел. Все это рисует непривлекательную картину деятельности учреждения, состоящего под надзором и руководством д. с. с. [действительного статского советника] Аристова» [51, с. 20].

При пересмотре дела Правительствующий Сенат приговор в отношении редактора-издателя изменил. Он всё же признал его вину в «злословии и брани» по отношению к Н.А. Аристову. В то же время приговор был уменьшен с одного месяца до 10 дней ареста на военной гауптвахте.

Дело «Н.А. Аристов против автора Б.А. Карпова и редактора-издателя – Б.П. Мещерского», возможно, не вызвало бы широкого резонанса в периодических изданиях общественно-политической направленности, если бы не тот факт, что ответственность была возложена как на автора статьи, так и издателя. Хотя издатель – Б.П. Мещерский – поспешил напечатать опровержение.

Признавая издателя виновным, «Судебная Палата [ещё при рассмотрении дела в первой инстанции] нашла, что ссылка князя Мещерского на допущенный редакцией недосмотр при напечатании инкриминируемой статьи, свидетельствуя об отсутствии внимательности, с которою глава редакции названной газеты должен был относиться к рассмотрению и назначению для печатания материала, сообщаемого случайным корреспондентом, не может служить к оправданию подсудимого и что неосмотрительное и неосторожное пользование печатным словом, этим могущественным орудием гласности, вообще приносит весьма существенный и неисчислимый вред, в случаях же, подобных настоящему, приносит вред и непоправимый, так как общественный деятель, публично оскорбленный и опозоренный, прибегая к защите той же печати, путем опровержения несправедливо взведенных на него обвинений, не может рассчитывать ни на то, что такое опровержение дойдет до всех тех, кем прочтена оскорбительная статья, ни на то, что его самозащита окончательно сгладит произведенное уже неблагоприятное впечатление» [51, с. 6].

К моменту рассмотрения дела в Правительствующем Сенате многих из участников событий уже не было в живых. Скончались как автор статьи – Б.А. Карпов, так и Бушри Джалилов. Н.А. Аристов был отправлен в отставку и покинул Семиреченскую область. Хотя и продолжил свою работу на Востоке, но теперь уже как учёный. Он опубликовал множество книг и статей, посвящённых этнографии тюркских племён и востоковедению в целом.

Упоминания о состоявшемся приговоре в периодических журналах исторической и общественно-политической тематики были крайне осторожными. Не решаясь каким бы то ни было образом обсуждать приговор (который оказался не особенно суровым), находясь в рамках жесткой цензуры, авторы обходились краткой передачей сути дела.

Так, в январском номере «Русской мысли» за 1894 г. указанное дело было названо «интересным» (по-видимому, для самих авторов и издателей с точки зрения последствий неосторожно сказанных в печати слов). Позиция А.Ф. Кони была встречена положительно. Передавая слова юриста, автор заметки написал: «Суровое отношение суда к обличениям этого рода нецелесообразно, так как правительство само заинтересовано в том, чтобы администрация стояла на высоте своего служебного долга и не была виновницей фактов, которые вызывают эти разоблачения. А суд общественного мнения, выражающийся в печатном слове, всегда способен *служить хотя небольшой преградой* для злоупотреблений властью» [19, с. 199]. На примере данного дела и отзывов на него можно увидеть, как постепенно, шаг за шагом, в России пробивало дорогу право на свободу слова и печати, как формировалась «третья власть».

Делом о клевете, оскорблениях, злоупотреблениях и хищениях в г. Верном и Семиреченской области далеко не исчерпывается вся «криминальная хроника», о которой печатали московские и питерские журналы. Имели место и более серьезные преступления, заканчивавшиеся смертью. В том числе смертью тех, кто был ни в чём не повинен.

Дело капитана Эмманза (он же Э., он же Эман) о растрате казённых денег. Г.П. Федоров в мемуарах «Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 гг.)» поведал о хищении денежных средств, закончившемся смертью невинных людей. Сам рассказчик

называл это дело «глубоко взволновавшим в свое время весь край». Причем история получила, как мы сказали бы сейчас, большой резонанс, поскольку стала известна далеко за пределами края и нашла отражение сразу в нескольких периодических изданиях, выходивших в Москве и Петербурге.

Суть дела следующая. Во вновь присоединенной Кульджинской провинции (еще до возвращения этих территорий Китаю) было расквартировано несколько военных батальонов. На территории провинции, в так называемой «глубинке», отсутствовали правительственные учреждения, в то время как солдатам необходимо было платить жалование. Каждый месяц батальонные казначеи ездили в г. Верный за получением денежных средств, где они хранились. Причем суммы были немалые, исчисляемые многими тысячами рублей.

Однажды казначей одного из батальонов капитан Э., получив в г. Верном около 12 000 рублей, уехал в Кульджу. По рассказу Г.П. Федорова, казначей вскоре поспешно вернулся обратно «страшно убитый и расстроенный». Он заявил начальству, что по дороге на него напала шайка грабителей в лице дунган и отобрала у него все деньги. Причем их владельцы нападавшие оставили целым и невредимым, что должно было вызвать подозрения, однако, судя по всему, не вызвало. Губернатор немедленно организовал погоню за грабителями и вскоре были задержаны несколько человек. Денег при них найдено не было. Пойманные «грабители» вину упорно отрицали. О задержании было доложено генералу К.П. Кауфману, который командировал в Семиречье одного из своих доверенных лиц некоего Г. для производства следствия и розыска денег. Следствие, судя по всему, велось в г. Верном.

Последующие события Г.П. Федоров описывает так. «Следствие затянулось месяца на два, и в результате два дунганина соznались в ограблении, но денег, несмотря на самые тщательные поиски, найти не удалось. Виновные преданы были военно-полевому суду и приговорены к повешению, причем приговор приведен был в исполнение, по тогдашним правилам, публично, при огромном стечении туземного населения. Прошло, кажется, полтора или два года, однажды Э. [«ограбленный» казначей], произведенный уже в майоры, найден был в своей квартире с простреленным черепом. В

руке покойного находился пистолет, а на столе найдена его собственноручная записка, в которой было написано приблизительно следующее: «В смерти никого не винить, кроме меня. Дальше жить невозможно. Совесть измучила меня. Кровь невинно казненных преследует меня день и ночь. Никто меня не ограбил, а деньги я присвоил себе».

Как следует из дальнейшего рассказа Г.П. Федорова, признание офицера «произвело потрясающее впечатление. Всех, как ударом молнии, поразила мысль, что двух человек повесили, и повесили несправедливо. Куда же, спрашивается, смотрел суд? Но суд был вне всяких подозрений, он руководился запротоколенным сознанием подсудимых, которые на суде упорно молчали. В чем же тут секрет? По каким причинам мог произойти этот непоправимый ужас? Все были в страшном недоумении и негодовании. Общество волновалось, и Кауфман первым пошел навстречу этому общественному негодованию и послал в г. Верный целую следственную комиссию, которой дал самые обширные полномочия для обнаружения этого загадочного дела».

Крайним, как и следовало ожидать, сделали следователя, поскольку именно он вел дело и предал обвиняемых суду. «Оказалось, что Г., желая вести следствие в желательном для него направлении, принялся пытаться захваченных губернатором по горячим следам дунган. Свидетели дунгане, которые не осмеливались ничего показывать на суде, вообразив, что Г. очень близкое к Кауфману лицо, теперь, когда они увидели, что Г. сам находится под следствием, откровенно рассказали, каким пыткам подвергал Г. двух подсудимых, чтобы вынудить у них сознание. Самая пылкая фантазия не может себе представить, с какою адскою изобретательностью придумывал Г. все новые и все более ужасные пытки, чтобы добиться сознания. Октав Мирбо нашел бы здесь новые материалы для своего «Сада истязаний»!.. Пытки сделали свое дело: дунгане сознались и были повешены».

После того, как материал по данному делу был собран, теперь уже самого следователя Г. предали суду. Первоначальный приговор оказался достаточно суровым и соответствовал деянию. Наказание, по утверждению Г.П. Федорова, «удовлетворило общество. Все увидели, что ужасная смерть двух невинных людей отмщена

русским правосудием, покаравшим беспощадно злодея». Суд приговорил Г. к каторжным работам. Однако данный приговор по правилам уголовного судопроизводства того времени должен был утверждаться государем Александром II в Петербурге. Невзирая на тяжесть вины осужденного Г., который имел, кстати, титул барона, а также принимая во внимание заслуги отца барона Г., государь «заменял присужденное сыну судом наказание непродолжительным заключением на гауптвахте или в крепости (хорошо не помню)» [94, с. 41–43]. Таким образом, следователь в итоге отделался более чем легко. При этом о судьбе украденных денег в сумме около 12 000 рублей рассказчик, поведавший эту историю читателю, ничего не сообщает. Скорее всего, «ограбленный» потратил эти деньги также быстро, как и получил их.

Из рассказа Г.П. Федорова можно сделать вывод о существенных перегибах, имевших место в отношении местного населения. Их права нарушались, они подвергались пыткам, а суд можно было заподозрить в необъективном рассмотрении дела, основанном на одном лишь признании подозреваемых. Рассказчик указывает на две существенные детали, которые сразу должны были насторожить. Во-первых, подозреваемые на суде все время молчали. Во-вторых, на суде молчали также «свидетели» из числа дунган. Сама история, закончившаяся казнью двух невиновных местных жителей, взволновала общество, в том числе русскую интеллигенцию. Тон, с каким Г.П. Федоров повествует о происшествии, показывает крайнее неодобрение всей истории, называемой им «ужасным делом». Более того, рассказчик отрицательно высказывается о следователе Г., намекает на явную недостаточность постигшего его наказания, хотя и воздерживается от прямого очернения. Должно быть, ввиду баронского титула Г. и нежелания вмешиваться в историю и тем более – давать личную оценку на страницах широко тиражируемого печатного издания.

Эта история, как указывалось выше, получила широкий резонанс. Она появилась также на страницах «Русского архива» за 1911 (в «Историческом вестнике» она была опубликована в 1913 г.). Однако детали этой истории согласно «Русскому архиву» расходятся с изложенной версией. Во втором источнике детали незаконного преследования невиновных лиц сглажены и выглядят

менее ужасными. Прежде всего, в «Русском архиве» в виде извлечений из других публикаций и документов сообщалось о перегибах со стороны местной русской администрации, которые имели систематический характер. Общее положение дел в Туркестанском крае описывалось следующими словами: «Когда генерал-губернатору [М.Г. Черняеву] представляют письменные доказательства виновности служащих лиц, то он обыкновенно рвет бумагу не прочитав ее. «Я хорошо знаю этого человека, – говорит он, – и так убежден в его честности, что не считаю таких вещей возможными»... Бывают случаи не только противозаконные сами по себе, но и влекущие за собою чрезвычайно важные последствия. Совершаются они не только из желания личной наживы, сколько ради цели выказать усердие по службе или в видах интриги».

Как у всякого человека, облеченного властью, у генерал-губернатора М.Г. Черняева было множество недругов. Как недовольных его политикой, так и стремившихся занять его место. Оценивать работу губернатора лишь по данной публикации несправедливо. Будучи высшим местным управленцем, генерал-губернатор в сознании населения «отвечал за всё и за всех». И все же непосредственная вина за конкретные действия лежит на конкретных людях, их совершивших. Именно поэтому уголовному преследованию и осуждению подвергается лицо, совершившее деяние, но никак не высшее должностное лицо края или непосредственный начальник виновного.

Что касается личности М.Г. Черняева, то в большинстве источников ему дается самая наивысшая оценка. Так, в 1876 г. на страницах журнала «Нива» выходит заметка, посвященная деятельности этого человека в прошлом и настоящем. М.Г. Черняеву дана самая высокая оценка как с точки зрения военного руководства («нахождение в первых рядах армии», «изумительные дела и подвиги», «каждое движение его имело свою заранее обдуманную и определенную цель и значение»), так и с точки зрения человеческих качеств («высокие нравственные достоинства», «честный человек», «олицетворение вековых симпатий нашего народа») [59, с. 487–488].

В качестве иллюстрации незаконных действий против «туземного населения» в «Русском архиве» приводится именно случай с похищением денежных средств как наиболее яркий и заслуживаю-

щий внимания. Суть дела здесь изложена немного иначе, хотя фамилии главных героев истории указываются в источнике без сокращений. После упоминания частых противозаконных действий администрации приведен «замечательный случай, бывший в прошлом году». Скорее всего, «прошлым» именуется 1875 г., когда и приключилась эта история.

«Русский поручик Эмманз [в «Историческом вестнике» он назван «казначеем одного из батальонов капитаном Э.», имевший в своих руках значительные суммы казенных денег, донес о похищении их киргизами. Ближайшие к месту происшествия киргизы были арестованы, и после долгого допроса некоторые из них сознались в преступлении, хотя деньги у них не были найдены. Пока происходил допрос, Эмманз застрелился, оставив письмо, в котором заявлял, что он не тот честный офицер, которым его считали, что он сам прокутил казенные деньги и сослался на киргизов, чтобы выгородить себя. Киргизам, естественно, была возвращена свобода, но при этом возник вопрос, почему же они в этом случае сознались. По исследовании оказалось, что офицер, производивший допрос в Верном, барон Гревениц [в «Историческом вестнике» он назван «следователем бароном Г.»] вынуждал у них сознание пыткой, что идет совершенно вразрез с русским законодательством и действует разрушительным образом на влияние русского элемента среди киргизов» [99, с. 449–450].

Как видим, в двух источниках расходятся многие существенные детали. Во-первых, по одной версии киргизы / дунгане(?) были осуждены и казнены, по другой – отпущены на свободу, в результате чего справедливость якобы восторжествовала. Во-вторых, по одной версии истинный виновный застрелился намного позднее приведения приговора в исполнение под грузом вины, по другой – во время следствия. Хотя свидетельства о пытках в отношении «туземцев» в обоих случаях совпадают.

Эту историю затронул в своих воспоминаниях известный русский живописец и литератор В.В. Верещагин (1842–1904 гг.). В 1889 г. на страницах журнала «Русская старина» в своих воспоминаниях он раскрыл причины поступка Эмманза, который в передаче художника, лично знавшего этого человека, имел имя «Эман». «Образцовый строевой офицер, исполнительный и разумный, он

несколько лет ... прекрасно шел по службе, будучи на самом лучшем счету у своего начальства. Связь с дрянной женщиной втокнула его в проступок: он растратил 5000 казенных денег и свалил беду на разбойников, якобы ограбивших его на эту сумму, в дороге. Когда, после следствия, арестовали и осудили совершенно невинных людей, честная натура Эмана взбунтовалась: он написал письмо с разъяснением дела, просил отпустить невинно осужденных, если возможно, простить ему... и застрелился» [21, с. 181]. В передаче В.В. Верещагина причиной, побудившей образцового офицера растратить государственные деньги, стало увлечение «дрянной» женщиной.

Как дело обстояло на самом деле, были ли казнены невинно осужденные или же они были отпущены на свободу, можно узнать лишь из архивных документов и самого уголовного дела, сохранность которого маловероятна. Доподлинно неизвестно, насколько рассказчики были лично осведомлены о деле. Складывается впечатление, что многое было почерпнуто ими из слухов, которых, по их собственному признанию, было предостаточно (дело «глубоко взволновало в свое время весь край»). Обе истории объединяет одно: подлинное и откровенное осуждение произошедших событий, опозоривших русскую администрацию и причинившее вред репутации русских военных по всему Туркестанскому краю.

Рассказчики не побоялись вынести это происшествие на всеобщее обозрение, что говорит о значительной степени их откровенности и открытости перед читателями массовых исторических и общественно-политических журналов. Удивляет также, что цензура оставила откровения о бесчестном русском офицере без внимания, неоднократно допустив эту позорную историю к печати. Быть может, тот факт, что виновник написал повинную и застрелился, по мнению цензоров, доказывало «высокие моральные качества» солдата?

В связи с несправедливым осуждением местного населения возникает вопрос об отношении русских к «туземцам». Русские высокопоставленные военные и тем более гражданские служащие, командированные в Среднюю Азию, имели, как правило, особенное воспитание. Многим из них было присуще дворянское благородство, формируемое с детских лет. К тому же они были глубоко

верующими людьми. В православии, к которому они принадлежали, столетиями культивировалось исключительное человеколюбие. Имеется немало показательных примеров того, насколько сердца «колонизаторов» были наполнены искренним желанием помочь местному населению с обустройством их нелёгкого быта. К примеру, на начальном этапе (1868 г.), согласно имеющимся публикациям, «дело народного образования было совершенно заброшено в крае» [62, с. 60]. Однако уже спустя десять лет (1878 г.) ситуация начала кардинально меняться. В исследуемых журналах сообщаются сведения о существовании специальных школ для местного населения, например, капальского пансиона для киргизских детей [44, с. 76].

Помимо финансирования народного образования, строительства школ, в том числе специальных для местного населения, имеются факты личного отношения русской администрации к общей массе «туземцев». Эти факты были зафиксированы на бумаге и в дальнейшем воспроизводились в периодических изданиях, выходивших в Москве и Петербурге.

Так, в 1867 г. было учреждено Туркестанское генерал-губернаторство. В связи с проводимыми административными реформами требовалось «ввести новое управление киргизами в уездах, проверить число юрт, переписать юртовладельцев, составить вновь волости и аулы, избрать волостных, аульных старшин и биев (народных судей), распределить между волостями и аулами места зимних стойбищ ... согласно правилам «Проекта положения об управлении в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях». Для выполнения поставленной задачи из Верного в каждый уезд были командированы особые комиссии. На них было возложено претворение в жизнь «реорганизации в кочевом населении».

Со стороны Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана комиссиям был дан строгий наказ-предписание. Его текст воспроизводит один из членов особой комиссии Н. Фридерикс в статье «Туркестан и его реформы. Из записок очевидца», увидевшей свет в «Вестнике Европы» за 1869 г. Все права, данные комиссии, согласно тексту предписания генерал-губернатора, «не принесут надлежащей пользы, если члены комиссий не сумеют приобрести у туземцев уважения к себе и доверия к своим намерениям.

Того и другого можно достигнуть только безукоризненной честностью, терпеливым и мягким обращением с киргизами и искренним желанием, опираясь на новые законы, улучшить их положение. Я требую, чтобы члены комиссии, поняв всю важность настоящего поручения, вложили бы душу в дело, за которое берутся, и работали честно, энергично и сознательно» [96, с. 692].

Разумеется, в среде низших военных и гражданских чиновников, а также неграмотных казаков были и такие, кому было чуждо дворянское воспитание. Тот же Эмманз (Эман) проявил себя с крайне неблагоприятной стороны. Была ли растрата связана с «дрянной женщиной» или нет – не важно. Сначала он, видимо, не предполагал, что «туземцев» могут казнить. Когда дело приобрело крайне скверный оборот для несправедливо обвинённых, истинный виновник написал признание и застрелился. Поступил он так, вероятно, мучаясь угрызениями совести. При этом никто из должностных лиц русской администрации за виновного не заступился.

Вынос этой истории на страницы печатных изданий Москвы и Петербурга, резко негативное отношение самих русских «колонизаторов» к поступку Эмманза, неоднократное прохождение описаний этого события сквозь жесткие рамки цензуры, а также личная позиция русской администрации, в частности наказ своим подчинённым со стороны К.П. Кауфмана, говорят об истинном отношении русских к коренному населению Средней Азии.

Скотокрадство и пограничные конфликты. Иногда преступления могли повлечь за собой не только ухудшение отношений между русскими и киргизами, но серьёзные международно-политические последствия, поскольку дело касалось проникновения на территорию соседнего государства. Г.Е. Грум-Гржимайло на страницах «Исторического вестника» сообщает о таком достаточно распространенном вплоть до сегодняшнего дня явлении, как угон скота. Данный вид преступлений – весьма частый среди туземного населения (среди европейских переселенцев чаще случались бытовые конфликты по почве пьянства). Мы изложим суть дела со слов Г.Е. Грум-Гржимайло, посчитавшего необходимым упомянуть о нем в «Историческом вестнике» за 1891 г.

Около 1890 г. китайский управитель Дао-тай направил русским властям документ следующего содержания: «Русско-подданные киргизы перешли границу, дерзко и днем проникли в китайское

укрепление и, несмотря на протесты гарнизона, вывели оттуда всех лошадей и с ними немедленно скрылись. Сопротивляться насилию и гнаться за грабителями было немыслимо – гарнизон хотя и имел ружья, но пороха и пуль не имел. Имея в виду все вышесказанное, прошу о возврате похищенных лошадей и о примерном наказании лиц, нарушающих добрые отношения двух государств». Русское следствие обнаружило, что киргизов было всего восемь человек, причем только один из них имел бердановский, к тому же испорченный, штуцер за плечами» [31, с. 628].

Г.Е. Грум-Гржимайло упомянул, что возбужденное следствием дело разбиралось в г. Верном в конце ноября 1890 г. Чем закончилось разбирательство, автор не сообщает. Похищение скота в китайском укрепленном гарнизоне – событие, выходящее за рамки обыденного. Вполне очевидно, что рядовые барымтачи в условиях прозрачной границы с Китаем могли ненароком совершить преступление на территории соседнего государства. К сожалению, материалы данного уголовного дела нам недоступны, как неизвестны мотивы преступления: просто поживиться скотом или же сознательное желание насолить китайцам? Судя по всему, похитители знали, куда они идут и зачем, поскольку данный акт был далеко не единственным в своем роде. Пользуясь полувоенным положением и связанной с этим неразберихой, в регионе активизировались грабители.

Изучение публикаций в периодических изданиях исторической и общественно-политической направленности показывает: случай похищения скота, описанный выше, далеко не единственный. В статье «Политическое обозрение», опубликованной в журнале «Нива» за 1880 г., сообщалось о многочисленных шайках грабителей, промышлявших на дорогах, ведущих в Китай. Примечательно, что сообщения о них были помещены именно в разделе «политика», что свидетельствует о влиянии, оказываемом криминальными элементами на межгосударственные отношения.

Сообщение было следующим: «В настоящее время по дороге из Кульджи в Шихо спокойно; о грабежах в этой местности, производившихся прежде дунганами, никто не заявляет. Конечно, на более или менее спокойное состояние приграничной нам полосы имела должное влияние посылка русского отряда против барантачей и разбойников-дунган, грабивших между Цитертинским пикетом и

китайским селением Джинхо и гнездившихся, по слухам, в так называемых Красных горах. Во время таких поисков из шаек грабителей захвачены дунгане; они содержатся в Кульдже, и о них, по приказанию заведывающего войсками Кульджинского района, генерал-майора Левашева, производится дознание».

Грабежи и разбои причиняли неприятности не только русской, но и китайской администрации. На основе имеющихся данных в этом же «Политическом обозрении» автор признавал: «Из сообщений шихосского цзянь-цзюня оказывается, что и этот сановник заботится о восстановлении спокойствия в приграничной полосе. Так, цзянь-цзюнь в сообщении своем ... [полученном в г. Верном 9-го февраля, по-видимому, 1880 г.] вновь известил областную администрацию о посылке отряда дайцинских войск для преследования шайки грабителей на подведомственной Китаю местности по дороге в Шихо». Русская администрация, однако, внимательно следила за действиями китайских войск, зорко охраняя границу: «Ввиду такого извещения, областная администрация приняла меры, чтобы китайские войска, под предлогом преследования грабительских шаек дунган, не прошли бы на территорию Кульджинского края» [75, с. 468].

ГОРОД ВЕРНЫЙ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ РОССИИ С КИТАЕМ НА СРЕДНЕАЗИАТСКОЙ АРЕНЕ

Значительное место в публикациях, посвященных Туркестанскому краю, отводилось взаимоотношениям России с Китаем на среднеазиатской арене. Эти связи всегда были очень непростыми, а мелкие пограничные конфликты, порожденные угоном скота и разбойничьими шайками, пользовавшимися полувоенной обстановкой и неразберихой, лишь обостряли противоречия. Хотя дипломатичный тон некоторых писем (пример см. выше) повествует о нежелании китайской администрации (во всяком случае, внешне, на официальном уровне) вступать в конфронтацию с русским правительством. Империя Цин осознавала тот факт, что Россия пришла в Среднюю Азию всерьез и надолго.

Судя по тому, как «русско-подданным киргизам» удалось увести лошадей из «гарнизона», где солдаты китайского укрепления несли службу с ружьями без пороха, военные силы Китая на данном направлении были весьма слабыми. Замечание верненского государственного служащего Н. Фридерикса (1867 г.), назвавшего северные границы Поднебесной в 400 верстах от Верного «Китайской Сибирью» [96, с. 692], как нельзя лучше отражает истинное положение дел, связанное с охраной этих границ Китаем. Джунгария – местность, географически примыкающая к Семиречью, в том числе подконтрольная Китаю часть Илийской области, в самих китайских источниках того периода (1821 г.) именуется «Северной линией» [36, с. 43].

В 1864–1866 гг. случилось уйгуро-дунганское восстание и город Кульджа подвергся значительному разрушению. Из-за угрозы распространения нестабильности на своих границах Россия вмешалась в это восстание, и 1871 г. весь Илийский край оказался занят российскими войсками. После этого события русские войска в г. Кульдже разместились на постоянной основе.

В.С. Кадников в статье «Об истории кульджинского вопроса», опубликованной в «Историческом вестнике» в 1911 г., обозначил взаимоотношения России и Китая эпохи восстания 1864–1866 гг. как вызывающие «крайнюю озабоченность». После упомянутого восстания и занятия русскими г. Кульджи в нём была возведена церковь, строились русские дома и «появились даже русские извоз-

чики. Устроился здесь и русский литейный завод... первой его работой была отливка церковных колоколов для приходских храмов в г. Верном» [47, с. 898]. Литье колоколов – занятие исключительно сложное, требовавшее от литейщиков точных математических расчетов и тонкой настройки состава металла. Китайский город, занятый русскими войсками на непродолжительное время, оказался для г. Верного весьма полезным. На некоторое время между городами установились торгово-экономические связи.

После занятия русскими войсками Кульджи в 1871 г. со стороны китайской администрации сразу были начаты переговоры о возврате этого города и прилегающих к нему земель под контроль Поднебесной. От идеи совместного владения городом и частью долины реки Или, предложенной русскими, китайцы отказались. Переговоры (во всяком случае, их определенная часть) велись в г. Верном. В разделе «Политическое обозрение» журнала «Русская мысль» за 1880 г. сообщалось о том, с какими трудностями они проходили. Русские требовали, помимо прочего, обеспечить безопасность как своим переселенцам, так и представителям других национальностей, принявших русское подданство. «Китайский сандовник, отправленный для принятия Кульджи, не имея возможности удовлетворить этим требованиям, вынужден был отказаться от надежды выполнить возложенное на него поручение. Россия требовала, чтоб он обеспечил нам спокойствие в Или и чтобы было сделано некоторое исправление границ» [17, с. 76].

Переговоры в г. Верном относительно статуса г. Кульджи для китайцев оказались неудачными: русские не желали идти на серьезные уступки, в том числе территориальные. Было выдвинуто требование о том, чтобы китайские войска для начала навели порядок и восстановили спокойствие в провинциях с мусульманским населением. В процессе переговоров рельефно проявились различия между русским и китайским характером и культурой, обнаружилось глубокое взаимное недопонимание. Автор «Политического обозрения» обозначил текущие для 1880 г. события следующим образом: «Так как происходившие в г. Верном переговоры не привели китайцев к желательным результатам, то пекинское правительство мало-помалу начало выражать нам свое неудовольствие. Многие законные требования русских властей не удовлетворялись. Русские купцы за разграбленные караваны не получали вознаграждения.

Китайские чиновники неправильно взыскивали с русских двойные налоги; наконец, недобросовестность китайских властей достигла таких размеров, что с одного из пароходов Русского Общества Пароходства и Торговли незаконно истребована была значительная пеня и, несмотря на все представления нашего посланника, китайцы отказались вознаградить Общество» [17, с. 76].

Спустя десятилетие после занятия русскими войсками г. Кульджи, а именно в 1881 г., он был всё же возвращен Китаю. Г.Х. Гинс на страницах «Исторического вестника» (1911 г.) раскрыл политическую составляющую этого события следующим образом: «Кульджу возвратили Китаю, чтобы уступками на западе получить реванш на востоке. Говорят, – впрочем, это популярный в Туркестане анекдот, сложившийся, быть может, на почве непонимания причин возвращения Кульджи, – что русский посол в Китае случайно сболтнул, будто император Александр II не прочь возвратить Китаю Кульджу. Когда на основании этих слов посланника китайская миссия предъявила претензию в Петербурге, император будто бы сказал: «Посол дурак, но раз он обещал, то надо отдать». За возвращение Кульджи России было уплачено 12 миллионов. Русские войска были выведены, а с ними ушли в пределы России таранчи и дунгане, которые, опасаясь мести китайцев, предпочли русское подданство» [28, с. 676].

О кардинальных культурных различиях русских и китайцев в среднеазиатском регионе на страницах «Исторического вестника» в 1891 г. ярко и эмоционально высказался российский путешественник и естествоиспытатель Г.Е. Грум-Гржимайло: «Все нравственные принципы китайцев вообще до такой степени расходятся с нашими, что европейцу трудно быть по отношению к ним беспристрастным. Нет никакого мерила для характеристики этой нации, нет возможности постичь её идеалы. Народ этот точно с иной планеты свалился на нашу и с таким же недоумением на нас озирается, как мы на него» [31, с. 628]. Мы воздержимся от анализа причин, послуживших основой таких высказываний Г.Е. Грум-Гржимайло. Но это высказывание ценно само по себе потому, что характеризует отношение рядового русского путешественника к удивительной и в то же время непостижимой для него китайской культуре.

В другой своей публикации («Русский вестник», 1892 г.) Г.Е. Грум-Гржимайло столь же эмоционально характеризует жизнь в Турфане – местности, многие века зависимой от Китая и заселённой преимущественно уйгурами. Критикуя китайский либерализм, а по сути, неприкрытый гнёт и эксплуатацию населения Турфана, автор приводит жалобы некитайского населения на китайскую администрацию. «Вот перед вами группа лемчинских дунган. Кроме «янь-тяня» они даже ничего китайцам не платят. Спросите, однако, этих счастливых, вполне ли довольны они своим положением? «Все мы только и мечтаем о том, как бы поскорее перебраться к вам, в Алматы. Ведь здесь мы батраки... житья нет никакого. Китайцы из земледельцев превратили нас чуть не в извозчиков... а на какие же деньги содержать нам тут лошадей, если не хватает времени даже на обработку полей?». И куда здесь ни взгляни, кого ни спроси – все одинаково ропшут, все проклинают китайцев, и все обращают взор свой на Запад...» [33, с. 112].

Примечательно, что именно город Верный («Алматы») был назван нищим дунганином местом, где он всей душой желал бы оказаться, спасаясь от китайского гнёта. Удивительно, но город, наполненный русскими войсками, был широко известен в «Китайской Сибири» как тихая и надёжная гавань для притесняемого китайцами населения иной национальности и вероисповедания.

Отношение к Китаю жителей самого Туркестана, да и жителей Семиречья в целом, оставалось негативным и настороженным. В Семиреченской области долгое время (с середины XIX в. и вплоть до начала века XX) витало напряжение [75, с. 408]. Политические потрясения и любые слухи о нестабильности в Китае немедленно отзывались глубокой тревогой в Семиречье. Пример тому – Ихэтуаньское восстание 1898–1901 гг. против иностранного вмешательства в экономику, также известное как Боксёрское восстание.

Один из путешественников – В. Сазонов, посвятивший ситуации на границе с Китаем специальный очерк в «Историческом вестнике» (1911 г.), отмечал: «Семиреченцы не на шутку взволнованы все возрастающей китайскою опасностью. Железная дорога когда-то еще будет; но в случае осложнений в Манчжурии семиреченцам тоже придется иметь дело с китайской армией, а помощь далека; им не секрет, что в 1900 году, во время боксерского движения, стрелковый батальон из Ташкента шел походом четыре месяца и то дошел только до Верного, а уж из Верного пришлось взять свой

батальон, чтобы передвинуть его на границу. Малейшего предложения достаточно, чтобы стоимость земельных участков в Семиречье пала до минимума. Этой осенью была в Пишпекке пробная мобилизация, и она наделала в Пишпекке большого переполоха. Пишпекцы стали продавать дома, а деньги пропивать: все равно, рано или поздно китайцы придут, все отберут. Администрация семиреченская сердится: она считает, что есть какие-то злонамеренные люди, которые нарочно волнуют население, чтобы под шумок ловить рыбу в мутной воде» [80, с. 999].

Однако в самом г. Верном – в административном центре Семиреченской области – не особо беспокоились по поводу китайской угрозы. Скорее всего, потому, что здесь на постоянной основе располагались внушительные войска, а город достаточно далеко отстоял от границы, да и слава Верного как укрепления внушала местным жителям успокоение. Русское население, состоящее из переселенцев, родившихся в российской глубинке, мало что знало о китайцах. Более того, в крупных городах население часто погружено в собственные дела и проблемы, будучи в значительно меньшей степени озабочено внешними угрозами, по сравнению с населением более мелких городов, селений или кочевий, расположенных в приграничных с Китаем областях.

Среди тех, кто в особой степени оказался недоволен китайцами, – таранчинцы (уйгуры). Отношение последних, в том числе причины этого отношения, хорошо прослеживаются в беседах, которые вели с ними русские путешественники, расспрашивая о политической ситуации в регионе. Личные (оценочные) суждения людей относительно происходящих в регионе событий формируют их индивидуальное поведение в кризисной ситуации, нередко определяя итог тех или иных событий в общегосударственном масштабе.

Так, Н.В. Сорокин, побывавший в г. Верном и его окрестностях в 1884 г. (рассказ опубликован в «Историческом вестнике» в 1886 г.), остановился на ночлег в поселении таранчинцев под названием Алексеевка, расположенном в одном дне пути от города. Прежде всего, он с удивлением описывает саму Алексеевку: «Несколько тысяч этого трудолюбивого народа [таранчей] ушло после сдачи Кульджи и под руководством выдающегося, по своему при-

родному уму, Бушери-бека, расположилось на берегу реки Талгарки... Трудно поверить, что все, что мне пришлось увидеть, возникло в один год, так как строиться они начали только с лета 1883 года. Длинная улица, протянувшаяся на несколько верст, и переулки застроились уже глиняными домиками, воздвигается мечеть, медресе, у каждого дома имеется сад, полный всякого рода цветов и овощей; на базаре, всегда многолюдном, идет деятельная торговля, в углу его развешается оригинальное знамя над дунганским трактиром; существует даже баня и при ней китайская кухня. На главной улице высоко в воздухе стоит широкая беседка, выстроенная в китайском вкусе, предназначенная, как мне объясняли, для «музыки»... место, выбранное таранчинцами, отличается крайне здоровым (пока) климатом, нынешнею зимою здесь не было ни одного случая дифтерита, свирепствовавшего во всех ближайших местечках и даже в Верном» [84, с. 372–373].

Бушери-бек был на коронации в Москве и оказался очарован тем, что там увидел. Он всячески подтверждал свою приверженность российской власти, высказывая верность не только ее представителям, но и убеждал в этом путешественников. Личная неприязнь Бушери-бека к китайцам, по словам Н.В. Сорокина, была обусловлена следующим. «Многие из его предков были царями, но являлись другие претенденты, в одну прекрасную ночь «резали немножко» всех и делались сами владетелями народа. В силу этого ненависть к китайцам у таранчинцев превосходит всякое вероятие. – Пусть мой [русский] царь скажет, – говорил Бушери: – чтобы я через два дня представил ему войско против поганных китайцев – сейчас соберу 25000 и впереди сам пойду резать немножко... – Я здесь хочу школы завести, – говорил Бушери, – чтобы народ умнее был. Наши жены дуры, но потому, что мы их дурами держим; когда учиться будут – умнее станут. И все это говорилось не с чужого голоса, а в силу убеждения» [84, с. 373–374].

У некоторых народов, в том числе таранчинцев, принятых российским правительством под свое покровительство, сохранялась глубокая неприязнь к той политической ситуации, которая сложилась до этого события. Мог ли Бушери-бек собрать 25000 воинов и пошли бы они за ним «против Китая» – вопрос открытый, а ответ на него, по-видимому, отрицательный. Разумеется, рассказчик называл «погаными» не рядовых, преимущественно бедных китайцев, а их

военачальников и политических лидеров, осуществлявших на местах государственную политику Поднебесной. О том, что под «погаными китайцами» подразумевались именно чиновники и, прежде всего, армейские должностные лица, можно судить из публикаций других русских авторов, хорошо знавших такого рода лиц. В частности, Г.Е. Грум-Гржимайло в 1890–1891 гг. отмечал: «Ни один из европейских народов, за весь период своей исторической жизни, не испытал еще такого позора, каким тогда покрыла себя западная китайская армия... Цзин-цзянь-цзюнь и Лю-цзинь-тань, командовавшие один северным крылом этой армии, другой её южным крылом, пожали, где не сеяли, и отпраздновали свой триумф рядом таких диких и бесчеловечных поступков, перед которыми бледнеет все то, на что решились вожаки инсургентов» [31, с. 628–630].

Политическая система Китая долгое время оказывала давление на приграничные этносы. В 1881 г. в Петербурге было осуществлено подписание нового русско-китайского договора, по которому российское правительство отказалось от основных территориальных претензий. Взамен России была предоставлена денежная компенсация в сумме 9 миллионов рублей, а также закреплено право торговать в Синьцзяне, Северо-Западном Китае и Монголии. Повстанцам: уйгурам, дунганам и другим народам – объявлялась амнистия и право переселиться на территорию Российской империи. По условиям данного договора Россия возвратила Китаю Илийский край (включая г. Кульджу), оставив за собой небольшую часть для расселения тех жителей Илийского края, которые не хотели оставаться подданными династии Цин [45, с. 267–268]. В результате таранчинцы / уйгуры и дунгане, участвовавшие в восстании и не желавшие возвращаться под власть Китая, обосновались в Семиречье, став подданными Российской империи.

Значительная часть населения Семиреченской области, да и Туркестанского края в целом, оказалась вполне довольна российской властью. В частности, два вышеуказанных этноса были ограждены от преследования китайской администрацией, которую, по словам видного отечественного китаевода XIX в. Н.Я. Бичурина, отличали «скрытность в обращении с своими врагами, коварство, вероломство, раздражительность, мстительность, жестокость, малая сострадательность к несчастным» [10, с. 392]. Население устало

от внутренних усобиц и внешних угроз, часто выливавшихся в локальные войны, стремилось изменить образ жизни, развивать культуру и образование. Активное вмешательство России во второй половине XIX в. в политические процессы среднеазиатского региона, строительство городов и укреплений, в том числе г. Верного, усиление своего присутствия и введение войск способствовали стабилизации ситуации в её среднеазиатских владениях, сглаживали межэтнические противоречия.

Успешная государственная политика в сфере народного образования, беспрецедентный для истории региона уровень строительства новых школ и училищ как в г. Верном, так и в Семиреченской области [62, с. 60, 44, с. 54–76], полный охват населения начальным образованием, которое стало обязательным (и ограничивалось лишь самим желанием людей приобщаться к знаниям), уже к концу XIX в. позволили как беднякам-переселенцам, так и коренным этносам развивать собственную культуру и приобщаться к мировой цивилизации.

Заключение

Подводя итог исследованию публикаций, касающихся г. Верного на страницах дореволюционных журналов исторической и общественно-политической тематики России, увидевших свет в 1854–1917 гг., можно сделать ряд выводов.

На основе изученных источников можно получить удивительно полное и порой весьма неожиданное представление как о самом городе, так и о причинах его возникновения. При этом большинство статей, опубликованных в «Историческом вестнике», «Русском архиве», «Русском вестнике», «Ниве», «Отечественных записках», «Русской старине» и т.д., при исследовании истории г. Верного и Семиреченской области цитируются в исследовательской литературе крайне редко. Можно уверенно говорить о том, что эти публикации забыты. Последнее обстоятельство вызывает полное недоумение с учетом того, что речь идет о первоисточниках – документах, содержащих сведения о городе, которые написаны рукой непосредственных участников событий. Многие из этих публикаций посвящены начальному этапу становления и развития города.

Детально анализируя содержание публикаций, в которых упоминается город, можно выделить узловые точки, привлекавшие внимание авторов.

Проблема освоения новых территорий волновала как умы государственных деятелей (с точки зрения закрепления владычества России в новых владениях), так и простых обывателей, наблюдавших за переселением со стороны (с точки зрения оценки эффективности переселения). Основная причина, толкавшая людей сняться с насиженных мест в российской глубинке и отправиться в Среднюю Азию и Семиречье – в «нашу Францию и Италию» (Г.В. Колмогоров, 1858 г.), в «житницу всего севера» (Г.А. Колпаковский, 1867), в «Землю обетованную» (Н.А. Демерт, 1870 г.; А.И. Вилькинс, 1876 г.), в «благодатный уголок, где может распрямить спину согнутый нуждою бедняк» (С. Марусин, 1895 г.), – тотальная бедность населения России. Некоторые переселенцы находили себя на новом месте, иные – возвращались обратно. Некоторые из них погибли в дороге.

Исследование текстов, касающихся переселения из глубинки России и тем более из Сибири в Среднюю Азию, отчетливо показывает наличие ярко выраженных оппозиций: Сибирь или север

России – Семиречье = холод – тепло; Россия для рожденного нищим – Семиречье = безнадежность – надежда; русская глубинка для безземельного крестьянина – Семиречье = голод – сытость; дефицит ничейных земель в России – Семиречье с его свободными для заселения землями = невозможность построить лучшую жизнь – яркие перспективы на необъятных землях и т.д. Эти противопоставления, нашедшие отражение в сознании переселенцев, зафиксированы почти каждым исследователем, так или иначе освещавшим процесс переселения русских в город Верный, Семиречье, Туркестанскую область и в Среднюю Азию в целом.

Успеху превращения Средней Азии во «Францию и Италию» и тем более в «русскую Америку» мешало отсутствие полноценной государственной поддержки переселенцев-бедняков. Декларировались некоторые льготы, однако на деле каждый был сам за себя и мог рассчитывать лишь на собственные силы. В периодической печати (речь идёт о журналах) проблемы переселенцев подвергались тотальной цензуре. Публикация материалов, в которых обнажалось полное (по факту) отсутствие в государстве социальной поддержки граждан, в том числе бедняков-переселенцев, выполняющих важную государственную задачу по обживанию присоединённых территорий, влекла за собой закрытие журналов. Яркий тому пример – закрытие «Отечественных записок» в 1884 г. после ряда критических «антигосударственных» статей. Местные газеты в этом плане были более открытыми. Тем не менее, переселение состоялось: возникло большое количество сел и городов по всей Средней Азии. Большинство переселенцев нашли себя на новом месте, завели хозяйство и создали среднеазиатскую экономическую систему, прочно связанную с центральной Россией.

Основным источником сведений о собственно г. Верном в исследованных в рамках настоящей работы журналах явились путевые очерки и заметки, отчеты и воспоминания (мемуары) тех, кто лично побывал в городе и увидел все тонкости городской жизни. Значительный интерес представляют как воспоминания военнослужащих, принимавших непосредственное участие в боевых действиях, и государственных деятелей, вовлеченных в управление краем, так и гражданских лиц (например, журналистов и путешественников), побывавших в городе проездом. Мемуары по своему содержанию не

являются дневниками и хрониками, поскольку, в отличие от последних, содержат переосмысление прошлого. По справедливому замечанию А.Г. Тартаковского – видного современного исследователя мемуаров как исторического источника, взятая в плане своего происхождения за длительный отрезок времени, мемуаристика предстает неотъемлемым компонентом идейной жизни и непосредственным выражением общественно-исторической мысли эпохи своего создания. Мемуары или воспоминания очевидцев являются аутентичными источниками эпохи, для изучения которой они имеют «ничем не заменимое значение» [89, с. 263; 90, с. 8–9].

Верный в воспоминаниях очевидцев (пусть даже в воспоминаниях с элементами переосмысления ранее полученного опыта пребывания в городе) упоминался как важное передовое укрепление Российской империи в центральной части Евразийского континента. Вплоть до конца XIX в. город считался крайним укрепленным пунктом Сибирской линии. Верному отводилась огромная роль в деле концентрации войск и в то же время в налаживании мирной жизни, в экономическом росте всего региона. Резкое снижение военной напряженности в регионе, ликвидация ряда локальных конфликтов – одно из фундаментальных достижений русской администрации в регионе в XIX – начале XX в.

На страницах периодических журналов исторической тематики Верный ассоциировался с великолепными горами, чистым воздухом, ровными улицами с пирамидальными тополями. Благодаря своей архитектуре и убранству город напоминал путешественникам русскую глубинку («русский уездный городок»), разбавленную смешением культур и национальностей. С 1854 г. и вплоть до первого десятилетия XX в., по словам очевидцев, в городе сходилась восток с западом, порождая особенную атмосферу культурной эклектики.

Одновременно с внешней романтикой и неспешной жизнью, иногда «убийственно скучной», читатель исторических и общественно-политических журналов видел внутренние проблемы города. Главная из них – частые землетрясения, которые в условиях бесконтрольного строительства на начальном этапе повлекли за собой значительные жертвы и разрушения. В дальнейшем наученные горьким опытом местные жители избегали строительства каменных домов, предпочитая дерево. В городе имели место и вопиющие

случаи беззакония, перегибы в отношении местного населения, несправедливые приговоры по уголовным делам и земельные споры. В первое время путешественники отмечали в городе грязь на улицах (И. Зарубин, 1879 г.) и такую же непролазную грязь вкупе с никудышным обслуживанием в гостиницах (Н.В. Сорокин, 1884 г.). Что, однако, с лихвой компенсировалось великолепным видом на горы, открывающимся прямо из окон гостиниц (как, впрочем, из любой другой точки города).

Город оказал прямое влияние на успешную борьбу с Кокандским ханством. Разрушение крепости Таучубек на реке Каскелен в 1851 г., строительство укрепления Верное на реке Алматинка в 1854 г. привели к закреплению влияния Российской империи в Заилийском крае. Положительное, антивоенное и стабилизирующее влияние подтверждалось тем, что, например, киргизы, притесняемые кокандцами, массово переходили в российское подданство. Именно из Верного в 1864 г. вышел отряд полковника М.Г. Черняева для взятия крепости Аулие-Ата (Тараза), Чимкента и Ташкента. Независимость кокандского ханства была окончательно ликвидирована в 1876 г.

Будучи крупным региональным укреплением, город рос и неуклонно развивался. В конце концов, даже будучи грязным и неустроенным, он сыграл свою роль в деле расширения и укрепления границ Российской империи в ходе ее противостояния Китаю эпохи Империи Цин (династия Цин правила Китаем с 1644 по 1912 г.). Концентрация в Верном войск, способность этих войск к маневрированию позволили России в 1871 г. занять г. Кульджу, а в 1881 г. заключить договор с Китаем и обеспечить возможность остаться бывшим китайским подданным в Туркестане с гарантией их невыдачи. Часть русско-китайских переговоров относительно возврата Кульджи проходила в самом г. Верном.

Нельзя не отметить и недочеты авторов в интерпретации данных, а также ровный в целом рассказ в форме воспоминаний, не отличавшийся стремлением разобрать причины и условия тех или иных событий. Наиболее частая ошибка – неразличение этносов (национальностей). Это влечет за собой у современного исследователя недоверие к описанию и перечислению этнического состава населения, наблюдаемого путешественниками. На примере исто-

рии, «глубоко взволновавшей в свое время весь край», можно увидеть, как в одном варианте рассказа несправедливому осуждению и пыткам подверглись «киргизы», в другом варианте – «дунгане». По одному источнику они были несправедливо казнены, по другому – отпущены на свободу.

Неразличение этносов людьми, далёкими от этнологии, этнографии и культурологии (с учётом состояния этих наук во второй половине XIX в.), однако, не мешает выявить отношение русской («колониальной») власти к местному населению на конкретных примерах. Поступок капитана Эмманза (он же Э., он же Эман), связанный с растратой казённых денег и допущенное им заведомо ложное обвинение «туземцев» в якобы имевшем место грабеже, вызвало бурное негодование всех русских. Эта история получила освещение в московских и питерских журналах. Русского офицера, который, раскаявшись, застрелился, никто даже не подумал защитить или морально оправдать – ни на страницах печати, ни в чиновничьей среде. Аналогичным образом обстоит дело помощника губернатора Семиреченской области Н.А. Аристова. Когда в результате опубликованной Б.А. Карповым под псевдонимом «Верненский гражданин» статьи «Таранчинка» в литературном приложении к газете «Гражданин» в апреле 1889 г. было всенародно заявлено о злоупотреблениях Н.А. Аристова, тот, хотя и обратился к прокурору Санкт-Петербургской Судебной Палаты, ходатайствуя о привлечении к уголовной ответственности автора статьи, однако сам в итоге лишился должности.

Главный момент, который может обуславливать необъективность некоторых рассказчиков, – это видение города кратковременно и со стороны, «глазами приезжего». Долговременное пребывание путешественника в городе и тем более проживание в нем наверняка изменило бы многие оценки происходящего. Но быстрый и кратковременный взгляд приезжего важен сам по себе, поскольку именно он отражает внешний облик (образ) и характер г. Верного эпохи второй половины XIX – первого десятилетия XX в. в глазах тех, кто в нем побывал. Мы получили достаточно чёткое представление о том, какие впечатления вызвал город у читателей московских и питерских журналов. Также мы увидели, как именно Верный отразился в сознании людей той эпохи, опубликовавших заметки и воспоминания о нём.

Список использованных источников

1. А.А. Фрезе [Полувековой юбилей служебной деятельности] // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. – 1910. Вып. 27. – СПб.: Изд-во Т-ва А.Ф. Маркса, 1910. – С. 490–492.
2. А.М. [В источнике только инициалы]. Двадцатипятилетие взятия Ташкента (1865–1890 гг.) // Русский вестник. Т. 208. 1890. Июнь. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – С. 211–232.
3. Автобиография А.О. Дюгамеля. XVII–XXII. Приложения (окончание) // Русский архив. 1885. Вып. 10. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1885. – С. 161–224.
4. Александр Васильевич Самсонов (умер 15 августа 1914 года) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 145 (CXLV). 1916. – СПб.: Типография Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1916. – С. 383–405.
5. Аничков И.В. Упадок народного хозяйства в киргизских степях // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 23. 1902. Кн. 5 (май). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К°, 1902. – С. 50–73.
6. Анненков М.Н. Ахал-Текинский оазис и пути в Индию. II // Вестник Европы. Журнал Истории, политики, литературы. Шестнадцатый год (том 89). Т. 3 (май). 1881. – СПб., 1881. – С. 770–797.
7. Барановский Е.И. Золотопромышленность в Восточной Сибири // Вестник Европы. Журнал Истории, политики, литературы. Тридцать третий год. Т. IV (192). – СПб., 1898. – С. 142–181.
8. Бахтияров А.А. История книги на Руси. – СПб.: Типография и хромотипография А. Траншель, 1890. – 280 с.
9. Библиографический отдел. Землетрясения и их соотношение с другими явлениями природы. А.П. Орлова. Казань, 1887 г. [рецензия] // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 9. 1888. Кн. 1 (январь). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К°, 1888. – С. 31–32.
10. Бичурин К.Я. Китай в гражданском и нравственном состоянии. – М.: Восточный Дом, 2002. – 432 с.
11. Бычкова А.Н. Экономический механизм: определение, классификация и применение // Вестник Омского университета. Серия «Экономика». – 2010. – №4. – Омск, 2010. – С. 37–43.

12. Бюлер Ф.А. Кочующие и оседло-живущие в Астраханской губернии инородцы. Статья третья. Калмыки, их степной быт и нравы, управление и судопроизводство. Продолжение. V // Отечественные записки. 1846. Т. 48. Вып. 9–10. – СПб.: Типография И. Глазунова и комп., 1846. – С. 57–94.

13. Вебер М. Город. – М.: Strelka Press, 2017. – 252 с.

14. Венюков М.И. Международные вопросы в Азии // Русский вестник. Т. 129. 1877. Июнь. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1877. – С. 473–503.

15. Венюков М.И. Туркестанские вопросы // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 20. 1899. Книга 9 (сентябрь). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К°, 1899. – С. 138–151.

16. Вилькинс А.И. Долина реки Или // Русский вестник. Т. 124. 1876. Август. – М.: Университетская типография (Катков), 1876. – С. 459–508.

17. Влад-ов [так в источнике]. Политическое обозрение. Русская политика в Азии // Русская мысль. Журнал научный, литературный и политический. Год 1. 1880. Кн. 3 (март). – М.: Редакция и контора Русской мысли, 1880. – С. 74–100.

18. Внутреннее обозрение [Народное здоровье и заботы о нем общественных управлений] // Русский вестник. Т. 204. 1889. Октябрь. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1889. – С. 324–345.

19. Внутреннее обозрение [Обращаем внимание читателей на интересное дело, рассмотренное в уголовном кассационном департаменте...] // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 15. 1894. Кн. 1 (январь). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К°, 1894. – С. 197–199.

20. Волкова И.В. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. (07.00.02 – Отечественная история). – М., 2006. – 44 с.

21. Воспоминания художника В.В. Верещагина (продолжение). Китайская граница. Набег // Русская старина. – 1889 (сентябрь). – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1889. – С. 157–181.

22. Галузо П.Г. Аграрные отношения на юге Казахстана в 1867–1914 гг. / под ред. С.М. Дубровского. – Алма-Ата: Наука, 1965. – 346 с.

23. Галузо П.Г. Туркестан – Колония. Очерк истории Туркестана от завоевания русскими до революции 1917 г. – М.: Издание Комм. Ун-та Трудящихся Востока им. И.В. Сталина, 1929. – 164 с.

24. Гедин С. Тарим – Лоб-нор. Тибет. Путешествие по Азии (1899-1902 гг.) / перевод-извлечение со шведского. – СПб.: Издание А.Ф. Девриена, 1904. – VI + 385 с.

25. Гейер И. Переселенцы в Туркестане // Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. – 1893. Вып. 7 (июль). – СПб.: Типография В. Демакова, 1893. – С. 1–22.

26. Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. П.П. Семенов при содействии В. Зверинского, П. Филиппова и Р. Маака. Т. 1. – СПб.: Типография Безобразова и К, 1863. – 716 с.

27. Географическо-статистический словарь Российской империи / сост. П.П. Семенов при содействии В. Зверинского, Р. Маака, Л. Майкова и П. Филиппова. Т. 2. – СПб.: Типография Безобразова и К, 1865. – 898 с.

28. Гинс Г.К. Таранчи и дунгане // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 125 (СХХV). 1911. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1911. – С. 672–708.

29. Город Каратаг [сообщение о землетрясении и разрушении города] // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. – 1907. Вып. 46. – СПб.: Издательство Т-ва А.Ф. Маркса, 1907. – С. 751–753.

30. Грум-Гржимайло Г.Е. В поисках перевала через Тянь-Шань (из дневника) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 54 (LIV). 1893. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. – С. 174–193.

31. Грум-Гржимайло Г.Е. Дунганский партизан Да-ху Баянхур // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 44 (XLIV). 1891. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1891. – С. 626–632.

32. Грум-Гржимайло Г.Е. Неизведанные страны Средней Азии. Турфан (Отрывки из записок) (продолжение) // Русский вестник. – Т. 223. 1892. Ноябрь. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1892. – С. 3–30.

33. Грум-Гржимайло Г.Е. Неизведанные страны Средней Азии. Турфан (Отрывки из записок) (окончание) // Русский вестник. – Т. 223. 1892. Декабрь. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1892. – С. 111–134.

34. Демерт Н.А. Почему у нас в лесистых местностях в дровах нуждаются // Отечественные записки. 1870. Т. 192. Вып. 9–10. – СПб.: Типография А.А. Краевского, 1870. – С. 151–184.

35. Долгоруков Д.М. Пять недель в Кокане // Русский вестник. Т. 91. 1871. Январь. – М.: Университетская типография (Катков и К^о), 1871. – С. 244–318.

36. Думан Л.И. Аграрная политика цинского правительства в Синьцзяне в конце XVIII в. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – 257 с.

37. Емельянов Н.Н. Сибирский хлеб и новые рельсовые пути // Русский вестник. Т. 260. 1899. Апрель. – М.: Товарищество типолитографии В. Чичерин, 1899. – С. 761–771.

38. Записки Зап.-Сиб. отдела И. р. географического Общества. С приложением двух статей и портрета А.Ф. Голубева. Александр Федорович Голубев. Омск, 1900 года [рецензия] // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 22. 1901. Кн. 4 (апрель). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К^о, 1901. – С. 109–110.

39. Записки императорского русского географического общества. По общей географии. Т. I. Издан под редакцией председательствующего в отделении географии физической И. Семенова. СПб. 1867 [Рецензия на указанное издание] // Отечественные записки. 1867. Т. 172. Вып. 6. – СПб.: Типография А.А. Краевского, 1867. – С. 83–101.

40. Зарубин И. По горам и степям Средней Азии. Путевые заметки от Москвы до Кульджи (окончание) // Русский вестник. Т. 144. 1879. Декабрь. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1879. – С. 627–683.

41. Землеведение Азии Карла Риттера. География стран, находящихся в непосредственных сношениях с Россией, т.е. Китайской империи, Независимой Татарии, Персии и Сибири. Т. 2. Горная система Небесного хребта (Тянь-Шаня); Пространство между Тянь-Шанем и Алтаем (Китайская и Русская Джунгария); Алтайская система с китайской стороны; История открытия и заселения Южной Сибири (систем Алтая, Саяна и Кентея) / пер. по поручению Русского географического о-ва с доп., служащими продолжением Риттера труда для материалов, обнаруженных с 1832 г. и сост. П. Семеновым, д. чл. Русского геогр. о-ва. – СПб.: Типография В. Безобразова и К, 1859. – 4 + 34 + 350 с.

42. Землетрясение в Семиреченской области // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1911. Вып. 5. – СПб.: Изд-во Т-ва А.Ф. Маркса, 1911. – С. 95–98.

43. Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае // Русский вестник. Т. 211. 1890. Ноябрь. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – С. 226–244.

44. Известия о деятельности и состоянии наших учебных заведений. Низшие училища. Начальные училища в Сыр-Дарьинской и Семиреченской областях в октябре и ноябре 1878 года // Журнал Министерства народного просвещения. 1879. Т. 204. – СПб.: Типография В.С. Балашина, 1879. – С. 54–76.

45. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. VI. Династия Цин (1644–1911) / отв. ред. О.Е. Непомнин; глав. ред. С.Л. Тихвинский. – М.: Наука; Восточная литература, 2014. – 886 с.

46. К 30-летию присоединения Кокандского ханства // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1906. Вып. 10. – СПб: Издательство А.Ф. Маркса, 1906. – С. 153–156.

47. Кадников В.С. Из истории кульджинского вопроса // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 124 (СХХIV). 1911. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1911. – С. 893–909.

48. Калитин П. Ахал-Текинская экспедиция (начало) // Русский вестник. Т. 208. 1890. Май. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1890. – С. 79–112.

49. Козлов П. Памяти Николая Михайловича Пржевальского (по случаю 25-летия со дня смерти) // Русская старина. 1914 (январь-февраль-март). Т. 157. – СПб: Типография П. Усова, 1914. – С. 650–666.

50. Колмогоров Г.В. Собственность и община // Отечественные записки. 1858. Т. 120. Вып. 10. – СПб.: Типография И. Глазунова и комп., 1858. – С. 60–85.

51. Кони А.Ф. По делу об оскорблении в печати помощника Семиреченского военного губернатора Аристова (1893 г.) [обвинительная речь] // Кони А.Ф. За последние годы. Судебные речи (1888–1896). Юридические сообщения и заметки. Воспоминания и биографические очерки. Приложения. – 2-е изд., доп. – СПб: Типография А.С. Суворина, 1898. – С. 5–25.

52. Константин Багрянородный. Об управлении империей. – 2-е изд., испр. – М.: Наука, 1991. – 496 с.

53. Королева В. Алма-Ата. Как был основан город Верный [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.slavic-europe.eu/index.php/articles/57-russia-articles/3354-2015-11-23-07-40-19>

54. Леденев Н.А. История Семиреченского казачьего войска. – Верный: Типография Семиреченского областного правления, 1909. – 828 с.

55. Леонтьев А. Русская колонизация в степях Средней Азии // Северный вестник. Журнал литературно-научный и политический. 1889. Вып. 8 (август). – СПб.: Типография В. Демакова, 1889. – С. 79–105.

56. Макшеев Н.А. Пребывание в Верном и встреча Кауфмана. (Из четвертого путешествия в 1867 г. А.И. Макшеева) // Русская старина. 1913 (январь–февраль–март). Т. 153. – СПб.: Типография т-ва п.ф. «Электро-тип. Н.Я. Стойковой», 1913. – С. 644–649.

57. Марусин С. В степях и предгорьях Алтая. «Шатуны» // Вестник Европы. Журнал Истории, политики, литературы. Тридцатый год. Т. V (175). – СПб., 1895. – С. 323–341.

58. Материалы журнальной статистики. «Русская старина» в 1874 году // Русская старина. 1874. Т. XI. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1874. – С. 803–814.

59. Михаил Григорьевич Черняев [краткий очерк о жизни и деятельности] // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1876. Вып. 28. – СПб.: Изд-во Т-ва А.Ф. Маркса, 1876. – С. 487–488.

60. Мушкетов И. Каталог землетрясений Российской империи / И. Мушкетов, А.Орлов // Записки императорского русского географического общества по общей географии. Т. XXVI. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893. – 598 с.

61. Н.Н. [В источнике только инициалы]. Средне-Азиатская железная дорога // Русский вестник. Т. 261. 1899. Июнь. – М.: Товарищество типолитографии В. Чичерин, 1899. – С. 734–742.

62. Начальные народные училища // Журнал Министерства народного просвещения. 1868. Т. 137. – СПб.: Печатня В. Головина, 1868. – С. 48–68.

63. Некролог (Мушкетов И.В.) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 87 (LXXXVII). 1902. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1902. – С. 794–796.

64. Никанор (Бровкович). Против графа Льва Толстого. Восемь бесед высокопреосвященного Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского. С портретом в Бозе почившего Архипастыря. Издание наследников. – Одесса: Типография Е.И. Фесенко, 1891. – 231 с.

65. Новые владения России. «Ферганская область» бывшее Коканское ханство // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1876. Вып. 14. – СПб.: Издательство Т-ва А.Ф. Маркса, 1876. – С. 238–242.

66. Нурмагамбетов А. Сейсмическая история Алматы. – Алматы, 2015. – 69 с.

67. Об издании с 1-го января 1880 года ежемесячного историко-литературного журнала «Исторический вестник» // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 1 (I). 1980. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1880. – С. 905–906.

68. Описание военных действий в Заилийском крае в 1860 году и журнал осады Хокандской крепости Пишпек. – СПб.: Типография В. Спиридонова и К°, 1861. – 35 с.

69. Орлов А.П. Землетрясения и их соотношение с другими явлениями природы. Заметки по поводу землетрясений 1887 г. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1887. – 170 с.

70. Орлов А.П. Обзор сейсмических и вулканических явлений 1883 г. // Русский вестник. Т. 172. 1884. Июль. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1884. – С. 301–351.

71. Орлов А.П. Обзор сейсмических и вулканических явлений 1884 г. // Русский вестник. Т. 179. 1885. Октябрь. – М.: Университетская типография (М. Катков), 1885. – С. 706–754.

72. Откупщиков Ю.В. К истокам слова. Рассказы о науке этимологии. – 4-е изд., перераб. – СПб.: Авалон; Азбука-классика, 2005. – 352 с.

73. Папковский Б., Макашин С. Некрасов и литературная политика самодержавия. К истории журнала «Отечественные записки» // Литературное наследство. Т. 49–50. Н.А. Некрасов. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 429–532.

74. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1978. – 199 с.

75. Политическое обозрение // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. 1880. Вып. 24. – СПб.: Издательство Т-ва А.Ф. Маркса, 1880. – С. 468.

76. Потанин Н.Г. О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1868 (апрель–июнь). – М.: Университетская типография, 1868. – С. 21–113.

77. Рельсовый путь в Среднюю Азию. По вопросу о продолжении Среднеазиатской железной дороги от Ташкента на Чимкент и Верный. С.-Петербург, 1899 [Рецензия] // Русский вестник. Т. 262. 1899. Июль. – М.: Товарищество типолитографии В. Чичерин, 1899. – С. 261–263.

78. Ротчев А.Г. Очерки торговли Семиреченской области. 1868–1869 // Русский вестник. Т. 90. 1870. Ноябрь. – М.: Университетская типография (Катков и К°), 1870. – С. 407–428.

79. Русское знамя в Средней Азии (начало) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 76 (LXXVI). 1899. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1899. – С. 96–122.

80. Сазонов В. По китайской границе (из путевых заметок) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 123 (CXXXIII). 1911. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1911. – С. 991–1003.

81. Семенов-Тянь-Шанский П.П. Мемуары. Т. 1. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 г. – М.: ОГИЗ, 1947. – 381 с.

82. Семиреченское землетрясение // Нива. Иллюстрированный журнал литературы, политики и современной жизни. – 1911. Вып. 6. – СПб.: Изд-во Т-ва А.Ф. Маркса, 1911. – С. 118.

83. Смесь [Годовое собрание Императорской Академии наук] // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 135 (CXXXV). 1914. – СПб.: Типография Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. – С. 741–743.

84. Сорокин Н.В. В горах и долинах русского Тянь-Шаня (начало) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 24 (XXIV). 1886. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1886. – С. 360–386.

85. Сочинения графа Л.Н. Толстого. Часть тринадцатая. Произведения последних годов. Москва, 1891 г. [рецензия] // Русская мысль. Год 12. 1891. Кн. 8 (август). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К°, 1891. – С. 342–348.

86. Сочинения Константина Багрянородного: о фемах и о народах. С предисловием Гаврила Ласкина // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1899. Вып. 1 (книга 188). – М.: Университетская типография, 1899. – С. 1–252.

87. Стеткевич А. По вопросу о продолжении среднеазиатской железной дороги от Ташкента на Чимкент и Верный. – СПб., 1899. – 25 с.

88. Столетие военного министерства (1802–1902 гг.). Т. XI. Ч. 1. Главное управление казачьих войск. Исторический очерк / Глав. ред. генерал-лейтенант Д.А. Скалон. – СПб.: Синодальная типография, 1902. – 18 + 900 с.

89. Тартаковский А.Г. 1812 Год и русская мемуаристика (Опыт источниковедческого изучения). – М.: Наука, 1980. – 312 с.

90. Тартаковский А.Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. – М.: Археографический центр, 1997. – 358 с.

91. Тимаев К.А. Андижанская катастрофа (3 декабря 1902 г.) (окончание) // Русская мысль. Ежемесячное литературно-политическое издание. Год 24. 1903. Кн. 7 (июль). – М.: Типолитография И.Н. Кушнерева и К°, 1903. – С. 18–34.

92. Тихонов Т.И. За Уралом – в Сибири. Очерки и картинки сибирской жизни. Письмо четвертое // Русский вестник. Т. 250. 1897. Июль. – М.: Типография В.В. Чичерина, 1897. – С. 80–94.

93. Толстой Л.Н. О жизни // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений. Т. 26. Произведения 1885–1889 гг. – М.: Художественная литература, 1936. – С. 313–442.

94. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае (1870–1906 гг.) (продолжение) // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 134 (СXXXIV). 1913. – СПб.: Типография Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1913. – С. 33–55.

95. Филькова А.Ю. Географические и лексические особенности топонимов РФ // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – №14. – С. 82–86.

96. Фридерикс Н. Туркестан и его реформы. Из записок очевидца // Вестник Европы. Журнал Истории, политики, литературы. Четвертый год. Кн. 6. 1869. Июнь. – СПб., 1869. – С. 691–712.

97. Хомиховский А. Материалы журнальной статистики. Вестник Европы в 1874 г. // Вестник Европы. Журнал Истории, политики, литературы. Девятый год. Книга 12. 1874. Декабрь. – СПб: Типография М.М. Стасюлевича, 1874. – С. 936–946.

98. Цветаев Д. Краткий Отчет Комитета по сбору пожертвований на сооружение в Москве памятника М.И. Кутузову-Смоленскому / Д. Цветаев, И. Беляев // Русский архив. 1916. Кн. 3. – М.: Синодальная типография, 1916. – С. 351.

99. Черняева А. Из прошедших судеб Туркестана (правда о начете на М.Г. Черняева) // Русский архив. 1911. Вып. 3. – М.: Синодальная типография, 1911. – С. 443–462.

100. Шевцов В.В. Сибирь и сибиряки на страницах губернских ведомостей // Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности. Сборник научных статей / отв. ред. И.В. Нам, О.А. Харусь. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. – С. 131–142.

101. Юдин М.Л. Памяти М.Г. Черняева // Исторический вестник. Историко-литературный журнал. Т. 137 (СXXXVII). 1914. – СПб.: Типография Т-ва А.С. Суворина «Новое время», 1914. – С. 941–956.

102. Южаков Ю.Д. Итоги 27-летнего управления Туркестанским краем (окончание) // Русский вестник. Т. 215. 1891. Август. – М.: Типография товарищества «Общественная польза», 1891. – С. 3–51.

103. Ядринцев Н. Судьба русских переселений за Урал // Отечественные записки. 1879. Т. 244. Вып. 5–6. – СПб.: Типография А.А. Краевского, 1879. – С. 141–160.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

Тюрин Сергей Сергеевич

**ОБРАЗ ГОРОДА ВЕРНОГО (АЛМАТЫ)
В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЖУРНАЛАХ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ТЕМАТИКИ
В РОССИИ (1854-1917 гг.)**

Монография

Чебоксары, 2021 г.

Редактор *С.С. Тюрин*

Компьютерная верстка и правка *Е.В. Кузнецова*

Дизайн обложки *Н.В. Фирсова*

Подписано в печать 01.04.2021 г.

Дата выхода издания в свет 15.04.2021 г.

Формат 60×84/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Times. Усл. печ. л. 7,2075. Заказ К-803. Тираж 500 экз.

Издательский дом «Среда»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75, офис 12

+7 (8352) 655-731

info@phsreda.com

<https://phsreda.com>

Отпечатано в Студии печати «Максимум»

428005, Чебоксары, Гражданская, 75

+7 (8352) 655-047

info@maksimum21.ru

www.maksimum21.ru